КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXVIII. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**.—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, нов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**.—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова**. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. И. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

Семенъ Неживый.

И на основаніи польскихъ мемуаровъ объ уманской рѣзнѣ 1768 года, и по отдѣльнымъ документамъ той поры, однимъ изъ самыхъ выдающихся ватажковъ послѣ Желѣзняка въ движеніи отмѣченнаго года надо несомнѣнно считать ватажка *Семена Неживого,* носившаго званіе куреннаго атамана войска запорожскаго и этимъ отличавшагося отъ Желѣзняка, который титуловалъ себя запорожскимъ полковникомъ.

Въ серіи документовъ, имѣющихся въ Кодненской книгѣ, мы нашли только два, касающіеся этого дѣятеля: одинъ—это показанія крестьянина Ивана Ботвиненка, бывшаго на военномъ судѣ въ Коднѣ [2]), другой—небольшая судебная отмѣтка о дѣлѣ шляхтича Николая Чоповскаго, также бывшаго на томъ же военномъ судѣ [3]). Если не оба, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ документовъ довольно хорошо характеризуетъ личность Неживого, но для этого необходимо сравнить наши данныя съ данными, прежде добытыми, и главнымъ образомъ, конечно, съ документами о Неживомъ, напечатанными Н. И. Костомаровымъ въ „Кіевской Старинѣ", въ августовской книжкѣ 1882 г. Мы такъ и поступимъ, изложивъ предварительно содержаніе нашихъ документовъ.

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 2.

[2]) Кодн. кн. стр. 11, 49.

[3]) Ibidem, стр. 482.

Крестьянинъ Иванъ Ботвиненко родился въ селѣ Христиновцы лубенскаго полка и около 1765 года перешелъ изъ гетманщины на польскую сторону въ Украину и осѣлъ въ с. Сегединцахъ. Очевидно, и его, какъ многихъ, привлекали сюда установленныя временно польскими панами льготы, которыя они считали необходимыми ради успѣшнаго заселенія все еще пустовавшаго края. Въ Сегединцахъ Ботвиненко женился и жилъ себѣ мирно. Между тѣмъ началось крестьянское волненіе, и Сегединцы не остались въ сторонѣ отъ проявившагося кругомъ народнаго движенія. Туда въ это время пришелъ съ своей ватагой ватажокъ Неживый и сталъ убѣждать людей быть съ нимъ за одно. Онъ созвалъ сегединцевъ ради этого на сходъ и на сходѣ читалъ имъ какіе то указы и звалъ къ Желѣзняку.

Никакихъ обидъ во время своего пребыванія въ Сегединцахъ Неживый никому не наносилъ, не взялъ онъ ни у кого даже лошадей и, окончивъ свое чтеніе и переговоры, двинулся оттуда въ Лисянку, гдѣ въ то время былъ Желѣзнякъ.

Сразу изъ сегединскихъ людей никто не присталъ къ Неживому, но какъ только онъ ушелъ, среди нихъ поднялись толки по поводу его рѣчей, а крестьяне Ризниченковы, Михайло, Тимишъ и Иванъ Поповичъ послѣ этихъ толковъ, зайдя въ хату Ботвиненка, объявили ему о своемъ намѣреніи пристать къ гайдамакамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали они его убѣждать послѣдовать ихъ примѣру. Ботвиненко съ перваго раза не соглашался съ ними, а потомъ, убѣжденный ихъ доводами, рѣшилъ, что и ему надо пристать къ гайдамакамъ. Сборы были не долги, и всѣ названныя лица догнали Неживого въ с. Верещакахъ (село—теперь два—чигир. у. при рч. Верещакахъ къ ЗЮЗ отъ уѣзд. гор.), присоединились къ его ватагѣ и пошли съ нимъ въ Лисянку. Въ Лисянкѣ они застали Желѣзняка, но оставался онъ тамъ при нихъ недолго: дѣло его было тамъ окончено, и онъ направился къ Умани. Изъ сегединскихъ же вновь приставшихъ гайдамакъ вслѣдъ за нимъ пошли оба Ризниченка, другіе же остались въ Лисянкѣ при Неживомъ, у котораго въ это время вся ватага вмѣстѣ съ вновь приставшими состояла изъ шести

(sic) человѣкъ. Но и Неживому нечего было тамъ дѣлать,—онъ тоже вышелъ оттуда съ своими людьми. Куда думалъ онъ теперь направиться—изъ показаній Ботвиненка не видно. Знаемъ мы отъ него только, что на пути изъ Лисянки Неживый случайно наткнулся на какого то крестьянина изъ с. Тарасовки (чигир. у. при притокѣ Днѣпра къ СВ. отъ уѣзднаго города), очень встревоженнаго и звавшаго его на помощь противъ какихъ-то гайдамакъ, грабившихъ Тарасовку. Неживый тотчасъ двинулся туда, но гайдамакъ грабителей не засталъ уже въ Тарасовкѣ. Между тѣмъ добыть ихъ онъ захотѣлъ во что бы то ни стало. Поэтому онъ согналъ къ себѣ всю тарасовскую громаду и вмѣстѣ съ ней и своею ватагой кинулся въ погоню за грабителями въ село Кириловку (звенигород. уѣзда къ СВ отъ уѣзднаго города). Не найдя грабителей и въ Кириловкѣ, Неживый убѣдилъ и кириловцевъ пристать къ его отряду для преслѣдованія крестьянскихъ обидчиковъ. Съ кириловцами въ селѣ Пединовкѣ (звениг. у. при р. Ольшанкѣ къ СВ. отъ уѣздн. города) онъ нагналъ наконецъ ватагу грабителей. Ватажкомъ у нихъ оказался нѣкто Гайдашъ. Очевидно, удивленный желаніемъ Неживого преслѣдовать его за взятую имъ насильно реквизицію съ крестьянъ, онъ разсудилъ, что Неживый, вѣроятно, ляхъ. Неживому поэтому пришлось даже присягать, что онъ намѣренъ идти къ Желѣзняку въ Умань, и что если и Гайдашъ идетъ туда, то у нихъ одинъ путь. Заведя въ показаніяхъ рѣчь объ этомъ, Ботвиненко такъ и не сообщилъ, отстоялъ ли Неживый предъ Гайдашемъ интересы ограбленныхъ послѣднимъ тарасовцевъ. Ботвиненко прямо перешелъ къ тому въ своемъ пересказѣ, что Неживый съ Гайдашемъ вмѣстѣ двинулись къ Умани. Но дорогой между ними, по словамъ Ботвиненка, снова произошли нелады, и Гайдашъ велѣлъ было уже разстрѣлять Неживого, а гайдамакъ его арестовать. Что удержало его вторично отъ исполненія этого намѣренія—въ документѣ нѣтъ поясненій. Изъ дальнѣйшаго же разсказа Ботвиненка видно, что Гайдашъ принялся тамъ грабить какого-то пана Чеканскаго, а вѣроятно и крестьянъ его, что и могло вызвать ссору съ Неживымъ, который допускалъ только грабежъ пановъ и самъ даже получилъ какую

то одежу Чеканскаго. Вскорѣ послѣ этого грабежа Ботвиненко бѣжалъ за-границу въ слободу капитана Чернаго сербскаго полка Артипормарка. Вернувшись же въ предѣлы Рѣчи Посполитой уже послѣ того, какъ край нѣсколько успокоился, попался онъ въ руки военной польской команды, былъ отданъ ею подъ судъ и въ концѣ концовъ былъ обезглавленъ.

Другой нашъ документъ о Неживомъ—это, какъ уже сказано, отмѣтка кодненскаго военнаго суда по дѣлу шляхтича Николая Чоповскаго. Отмѣтка относится къ засѣданію суда 7 іюля 1769 года. Въ ней значится, что шляхтичъ Николай Чоповскій, изъ Меджибожа (м. летич. у. при впаденіи р. Бужка въ Бугъ) родомъ, былъ съ ватажкомъ Шелестомъ въ гайдамакахъ, какъ тогда говорилось, и сжегъ дворъ пана Пенинскаго, а съ ватажками Савкой и Неживымъ въ Каневѣ на смерть позакалывалъ трехъ жолнѣровъ, да кромѣ того, грабилъ въ разныхъ мѣстахъ съ тремя названными ватажками. За такія вины Чоповскій былъ посаженъ на колъ, что тоже значится въ судебной отмѣткѣ.

Первое, что бросается въ глаза при прочтеніи большаго нашего документа—это забота Неживого о томъ, какъ бы не нанести обидъ крестьянамъ при необходимости содержать гайдамацкіе отряды. Онъ при этомъ не только самъ не грабитъ крестьянъ тѣхъ селъ, черезъ которыя лежитъ его путь, но и готовъ еще преслѣдовать тѣхъ гайдамацкихъ ватажковъ, которые были слишкомъ безцеремонны при добываніи необходимаго на содержаніе своихъ отрядовъ. Погоня за Гайдашемъ, ограбившимъ тарасовцевъ, въ этомъ отношеніи хорошая иллюстрація.

Толкуя такимъ образомъ стычку Неживого съ Гайдашемъ и вообще отмѣчая въ его поведеніи опредѣленное намѣреніе не обижать защищаемыхъ людей, мы не дѣлаемъ натяжки. Еще живѣе, чѣмъ въ нашемъ документѣ, указанныя черты Неживого выступаютъ въ документахъ о немъ, сообщенныхъ Н. И. Костомаровымъ. Такъ, въ числѣ послѣднихъ мы находимъ свидѣтельства на письмѣ отъ мошенскихъ жителей, отъ каневскихъ мѣщанъ и козаковъ и отъ медвѣдовцевъ о томъ, что Неживый не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и жидовъ, дѣлавшихъ имъ обиды.

Касаясь подробнѣе содержанія названныхъ документовъ, мы изъ свидѣтельства мошенцевъ (Мошны—м. черкас. у. при р. Ольшанкѣ къ ЗСЗ отъ у. города) узнаемъ [1]), что тѣснилъ ихъ мѣстный губернаторъ Подгородецкій, причемъ преслѣдованіямъ за „благочестіе" подверглись не только „свецкіе люди", но и „духовный чинъ". „Тогда людей свецкихъ, читаемъ въ свидѣтельствѣ, до полусмерти кіями забивали, уніатамъ гонителямъ великую протекцію давали во всемъ, а наши священници мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были, по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывались". „Сверхъ же того, продолжаютъ мошенцы, той же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и заподлинно мнилъ на насъ конфедерацію спровадити изъ ляховъ, чтобъ зъ насъ христіанъ ни одній души въ живыхъ не осталося". И вотъ при такихъ то обстоятельствахъ на выручку мошенцамъ явился Неживый. Полякамъ и жидамъ круто пришлось отъ него, но никого другого онъ при этомъ не обидѣлъ. Заключительная фраза въ свидѣтельствѣ мошенцевъ о немъ такая: „что же г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностію его в Мошнахъ и з воинствомъ людямъ нашимъ ни меншей кривды не учинилъ, совѣстію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемось, неграмотные бывши, крестами".

Изъ втораго свидѣтельства—мѣщанъ и козаковъ каневскихъ [2]) мы видимъ, что Неживый былъ ими призванъ на помощь для защиты отъ пановъ, которые, по ихъ словамъ, задумали исподволь поотбирать у козаковъ каневскихъ оружіе и затѣмъ безоружныхъ перебить ихъ, что и стали понемногу приводить въ исполненіе. Когда Неживый явился въ Каневъ, паны заперлись въ замкѣ, но гайдамаки заставили ихъ оттуда выйти, поджегши дворъ поручика, отъ котораго двора загорѣлся и замокъ. Вышедшіе оттуда поляки подверглись тотчасъ нападенію не только со стороны гайдамакъ, но и со стороны бывшихъ съ ними въ замкѣ козаковъ, которые пристали къ Неживому. Побоище было

[1]) Н. И. Костомаровъ, Матеріалы для исторіи коліевщины. „Кіевск. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 307.

[2]) Ibid., стр. 319.

большое, но и тутъ Неживый не обидѣлъ защищаемыхъ. „Той же вышеvпомянутый атаманъ,—такъ кончается свидѣтельство каневцевъ,—будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ никакой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго козаки и мѣщане каневскіе даемо квитанцію съ подписаніемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство".

Наконецъ въ третьемъ свидѣтельствѣ, принадлежащемъ медвѣдовцамъ [1]), разсказывается о нападеніи конфедератовъ сперва на Жаботинъ (м. черк. у. при рч. Жабянкѣ на ЮЮВ. отъ у. гор.) въ числѣ 450 человѣкъ, а потомъ на Медвѣдовку (м. чигир. у. при р. Тясьминѣ и Медвѣдовкѣ къ ЗСЗ отъ у. гор.) въ числѣ 100 человѣкъ. „Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа, читаемъ въ свидѣтельствѣ, въ полской области въ староствѣ чигиринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, т. е. отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши войска четыреста пятдесятъ человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пяные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали". Тоже самое было потомъ продѣлано канфедератами и въ Медвѣдовкѣ. „И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, читаемъ въ документѣ, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою собрать, а священниковъ грекороссійской православной вѣры и людей главныхъ и ктиторей мучити смертію за благочестіе, и чтобы привесть всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи". Не явись при такихъ бѣдахъ Неживый, „то бы оные поляки, чтобъ похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами",—прибавляютъ медвѣдовцы. Неживымъ и его дѣйствіями остались они очень довольны. О его же хозяйственныхъ войсковыхъ дѣлахъ они при этомъ отозвались такъ: „онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для

---

[1]) Ibidem стр. 313.

войска, а грабительства не дѣлаетъ. И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты".

Добросовѣстное отношеніе Неживого къ крестьянскимъ громадамъ сдѣлалось даже достояніемъ народныхъ преданій. Такъ, въ „Запискахъ о южной Руси" Кулиша [1]) мы находимъ изъ народныхъ устъ разсказъ о томъ, какъ у крестьянина Билыка подъ Мошнами какой-то гайдамака изъ отряда Неживого отнималъ хорошаго коня. Билыкъ всячески старался укрыть коня, но въ концѣ концовъ гайдамака настоялъ на своемъ. Въ утѣшеніе Билыку гайдамака сказалъ: „ну, прийдешъ же у Каневъ, то тамъ Неживый тоби заплатыть". Билыкъ дѣйствительно пошелъ туда, засталъ уже Каневъ сгорѣвшимъ и съ большимъ трудомъ заявилъ Неживому свою претензію. Какъ разъ въ это время ватага Неживого занята была разрушеніемъ винокурни въ Нетеребкѣ (с. канев. у. при р. Роси) и вынимала изъ печи „казанъ". Неживый велѣлъ отдать Билыку за его коня этотъ казанъ. Не его вина, что послѣ его ухода владѣльцы винокурни, узнавъ, гдѣ казанъ, отняли его у Билыка. Отдавая казанъ, Неживый не считалъ его присвоеніе незаконнымъ: это было не крестьянское добро, а такое добро онъ не стѣснялся брать себѣ, какъ въ нашемъ документѣ онъ не считалъ себя не въ правѣ овладѣть одеждой пана Чеканскаго.

Всѣми приведенными данными, думаемъ, вполнѣ выясняется гуманное отношеніе Неживого къ народу, поднявшему возстаніе, и мы можемъ отмѣтить теперь еще другую особенность характеризуемаго нами ватажка. Эта другая его особенность—желаніе всячески устранять дѣйствія ватажковъ врозь, не по плану. Мысль о необходимости плана, организаціи сознавали, конечно, и другіе выдающіеся ватажки, но Неживый какъ то особенно сильно былъ проникнутъ этимъ сознаніемъ. Онъ какъ будто отчетливѣе другихъ понималъ, что, ведя только партизанскую войну, крестьянство рано или поздно натолкнется на значительныя организованныя силы враговъ и необходимо будетъ

[1]) Записки о юж. Руси Кулиша т. I, стр. 151—154.

ими подавлено. Много разъ, какъ намъ кажется, въ документахъ о Неживомъ выступаетъ эта черта его.

Такъ, въ изложенномъ выше большомъ документѣ изъ Кодненской книги Неживый прямо заявляетъ себя сегединской громадѣ сторонникомъ и единомышленникомъ Желѣзняка и зоветъ сегединцевъ къ нему. Самъ затѣмъ идетъ въ Лисянку, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ въ это время Желѣзнякъ, и тамъ отдаетъ ему большую часть людей своей ватаги, самъ же остается всего съ шестью человѣками; потомъ только его отрядъ опять пополнился вновь приставшими къ возстанію. Кромѣ того, зная, что основная цѣль стремленій большинства ватажковъ во всякомъ случаѣ была одна и та же, Неживый дѣйствуетъ нерѣдко за одно и съ другими ватажками, не только что съ Желѣзнякомъ: онъ готовъ былъ идти рука объ руку даже съ Гайдашемъ, хотя передъ тѣмъ этотъ послѣдній совершилъ дѣло, претившее нравственному чутью Неживого, а именно—ограбилъ тарасовскихъ крестьянъ. Очевидно, Неживому нужно было такъ или иначе направить довольно значительную ватагу Гайдаша въ подмогу Желѣзняку—и онъ этого достигъ. Затѣмъ изъ втораго кодненскаго документа видно, что по временамъ Неживый дѣйствовалъ совмѣстно съ ватажками Шелестомъ и Савкой, такъ какъ именно на этихъ двухъ ватажковъ и Неживого указали свидѣтели по дѣлу участника крестьянскаго движенія шляхтича Чоповскаго, какъ на общихъ руководителей его антишляхетскихъ преступленій, вполнѣ отвѣчавшихъ тогдашнему настроенію украинскаго люда.

Если затѣмъ, для провѣрки нашего вывода о стремленіи Неживого къ установленію солидарности между разными народными ватагами той поры, мы попробуемъ заглянуть въ давніе о немъ матеріалы, то и въ этихъ матеріалахъ найдемъ ясно выраженнымъ впечатлѣніе о Неживомъ, какъ о человѣкѣ, державшемся „гурту“, но къ сожалѣнію факты, которыми это подтверждается, не всегда оказываются вѣрными. Такъ, разсказываютъ, что, когда Желѣзнякъ, послѣ уманской рѣзни и уже послѣ прихода къ нему и Гонтѣ генералъ-майора Кречетникова, созналъ грозившую ему опасность и, похваляясь, что „не убере ёго, за-

порожця, москаль въ свои шоры", рѣшился бѣжать изъ своего лагеря, то при этомъ увлекъ онъ съ собою нѣсколькихъ выдающихся гайдамакъ и въ томъ числѣ будто бы и Неживого [1]).

Съ общимъ направленіемъ дѣятельности послѣдняго это, конечно, вполнѣ гармонировало бы, но все же данныя разсказа не вѣрны. И въ самомъ дѣлѣ, изъ данныхъ этихъ надо заключить, конечно, 1) что и въ уманской рѣзнѣ участвовалъ Неживый, разъ онъ былъ въ лагерѣ Желѣзняка, и 2) что тотъ же Неживый продолжалъ дѣйствовать совмѣстно съ Желѣзнякомъ и по уходѣ изъ лагеря, когда Желѣзнякъ двинулся изъ-подъ Умани по направленію къ Палѣеву Озеру, Балтѣ и Голтѣ. Между тѣмъ, обращаясь къ провѣркѣ этого, мы должны сказать, что Неживый не участвовалъ ни въ уманской рѣзнѣ, ни въ нападеніи на Палѣево Озеро, Балту и Голту. Что Неживый не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ—это впервые отмѣтилъ Н. И. Костомаровъ, печатая свои документы о Неживомъ. Судя по датамъ приводимыхъ Костомаровымъ свидѣтельствъ о Неживомъ мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ, люди эти имѣли Неживого въ своихъ предѣлахъ чуть ли не въ теченіе всего іюня; такъ, мошенцы выдали ему свое свидѣтельство 15 іюня, каневцы 12 іюня, а медвѣдовцы 1 іюля. Между тѣмъ быть съ ними около этого времени онъ не могъ бы, если бы участвовалъ и въ уманской рѣзнѣ, и въ попойкахъ послѣ нея вплоть до бѣгства Желѣзняка, такъ какъ уманская рѣзня происходила 8 и 9 іюня, а попойки послѣ нея тянулись по крайней мѣрѣ до 18 іюня, когда Желѣзнякъ будто бы съ Неживымъ и другими бѣжалъ къ Палѣеву Озеру и пр. Кромѣ того, въ перепискѣ Румянцева мы находимъ прямое указаніе на то, что 9 іюня Неживый дѣйствовалъ въ Каневѣ [2]).

Датами же на другихъ документахъ Н. И. Костомарова доказывается невѣрность и другаго предположенія—будто Неживый былъ съ Желѣзнякомъ и въ Палѣевомъ Озерѣ, и въ Балтѣ, и въ Голтѣ. Нападенія гайдамакъ на эти мѣста случились послѣ 18

---

[1]) А. Скальковскій, Наѣзды гайдамакъ, стр. 110.

[2]) Переписка гр. Румянцева. „Кіевск. Стар." 1882 г., кн. 9, стр. 541.

іюня; на Голту, напримѣръ, напали они 24 іюня [1]). Между тѣмъ въ эти же дни какъ разъ Неживый писалъ письма изъ Медвѣдовки къ командиру гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ и подполковнику Хорвату о дѣлахъ Приднѣпровья, гдѣ тогда былъ. Случайности надо, поэтому, приписать то обстоятельство, что Н. И. Костомаровъ балтскіе и голтянскіе подвиги гайдамакъ приписалъ гайдамакамъ Неживого.

Но возвращаясь къ мысли о всегдашней заботѣ Неживого дѣйствовать по плану и соединенными силами, мы думаемъ, что она подтверждается гораздо больше, чѣмъ измышленными фактами, тѣмъ обстоятельствомъ, что Неживый, собравшись изъ Лисянки идти въ Умань за Желѣзнякомъ, на самомъ дѣлѣ двинулся въ староства черкасское и чигиринское. Дѣло въ томъ, что, когда въ Умань стеклось все польское панство Украины, искавшее только спасенія своей жизни и кой-какого имущества, могшее только защищаться, но не нападать, тогда въ названныя выше староства понашли барскіе конфедераты, люди активные, нападающіе, при чемъ они страшно тамъ неистовствовали, какъ это мы знаемъ изъ одного приведеннаго выше документа Н. И. Костомарова. Очевидно, Неживый, по соглашенію съ Желѣзнякомъ и другими выдающимися ватажками и по призыву мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ, долженъ былъ для вящшаго успѣха дѣла возстанія идти и покончить съ активнымъ врагомъ въ Приднѣпровьѣ, подобно тому, какъ такія же обязанности въ центрѣ Кіевщины и на сѣверѣ ея были возложены на ватажковъ Швачку и Бондаренка.

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, и вторую характерную черту Неживого, мы не исчерпали этимъ личныхъ особенностей даннаго дѣятеля. И по приведеннымъ нами показаніямъ крестьянина Ботвиненка, и по нѣкоторымъ документамъ Н. И. Костомарова, онъ отличается отъ другихъ ватажковъ еще третьей выдающейся чертой: онъ ищетъ санкціи своимъ поступкамъ въ „указахъ", которые онъ читаетъ присоглашаемымъ къ движенію людямъ, и упорно, до самаго арестованія своего, остается убѣжденнымъ,

---

[1]) Костомаровъ. Матеріалы... „Кіевск. Стар." 1882, 8, стр. 310.

что русскія власти непремѣнно должны сочувствовать чистой сторонѣ возстанія.

„Указы", на которые ссылался Неживый въ Сегединцахъ, онъ предъявлялъ всѣмъ и въ Каневѣ, какъ это видно изъ одного ордера графа Румянцева командиру карабинернаго полка Протасьеву [1]).

Но здѣсь мы на время прервемъ нашъ разсказъ о Неживомъ ради уясненія дѣла объ указахъ. Указы эти, какъ извѣстно, якобы исходили отъ самой императрицы Екатерины и, по версіи нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, были тайно даны ею игумену Мотронинскаго монастыря Мельхиседеку Значку-Яворскому при посѣщеніи имъ въ 1765 году Петербурга въ видахъ ходатайствъ о своемъ монастырѣ. Такъ точно объясняли себѣ появленіе даннаго указа и многіе украинцы, къ которымъ онъ относился. Изъ документовъ той поры мы знаемъ только о сущности мнимаго указа: въ немъ императрица приказывала якобы украинскому православному люду и запорожцамъ истреблять на Украинѣ всѣхъ гонителей православія—ляховъ и жидовъ. Но съ ходившимъ по рукамъ народа указомъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать измышленнаго поляками указа, напечатаннаго ими якобы во французскомъ переводѣ въ Парижѣ въ сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ [2]). Приведемъ здѣсь по-русски это любопытное измышленіе.

С.-Петербургъ, 9/20 іюня 1768 г.

„Такъ какъ мы ясно видимъ, съ какимъ презрѣніемъ и безстыдствомъ поступаютъ поляки и жиды съ нами и съ нашей православной религіей, преслѣдуя защитниковъ нашей греческой вѣры, всячески ихъ тѣсня и наказывая смертію, то мы, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть подобныя оскорбленія, подобное поношеніе и гоненіе нашей св. религіи, угнетенной и презираемой, даемъ этотъ указъ и повелѣваемъ Максиму Желѣзняку изъ земли Тимошевской, полковнику и командующему въ нашихъ

---

[1]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар." 1882, кн. 9, стр. 540.

[2]) Костомаровъ, Матеріалы... „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 297.

земляхъ Низового Запорожья, вступить въ предѣлы Польши, взявши еше нѣсколько отрядовъ донскихъ козаковъ изъ нашихъ русскихъ войскъ, чтобы вырѣзать и уничтожить, съ помощью Божьею, всѣхъ поляковъ и жидовъ, хулителей нашей св. религіи. Этимъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя нашему престолу на этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, которые, покровительствуя скверной вѣрѣ нечестивыхъ жидовъ, хулятъ и презираютъ нашу религію, угнетая народъ вѣрный и невинный. И такъ, мы приказываемъ, проходя Польшу, искоренить самое имя поляковъ, чтобы и память о нихъ не дошла до потомства. Но для того, чтобы договоры и дружба съ нашими сосѣдями были сохранены, мы запрещаемъ подъ самыми строгими наказаніями оскорблять или безпокоить купцовъ турецкихъ, греческихъ, армянскихъ и нашихъ русскихъ, которые проѣзжаютъ Польшу ради торговыхъ интересовъ; мы хотимъ даже, чтобы они всегда имѣли свободный пропускъ и всякаго рода помощь, какую можно получить отъ сосѣдей-друзей.

Для большей убѣдительности мы утверждаемъ этотъ приказъ и это позволеніе.

Дано въ С.-Петербургѣ, запечатано нашей гербовой печатью и подписано нашей собственной рукой 20 іюня 1768 года.

Екатерина.

Для исполненія

Кошевой атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями".

По словамъ покойнаго Костомарова, подложность этого манифеста неоспоримо доказалъ г. Рева, переводчикъ польскаго мемуара Вероники Кребсъ объ уманской рѣзнѣ; мемуаръ этотъ былъ изданъ г. Ревой въ Кіевѣ въ 1879 году и снабженъ предисловіемъ. Въ предисловіи этомъ г. Ревой указано, во-первыхъ, что данная грамота Екатерины помѣчена въ сборникѣ Ангенберга 9-мъ іюня ст. ст. или 20 іюня н. ст., а между тѣмъ уманская рѣзня происходила 8—9 іюня [1]). Выходитъ, что грамота была выдана чуть не въ день уманской рѣзни, и Желѣзнякъ ужъ никакимъ образомъ не могъ при помощи грамоты набрать

[1]) Рева И. М. Уманская рѣзня, стр. 12—13.

свою ватагу въ апрѣлѣ и маѣ. Да, наконецъ, если грамота выдана 9 іюня 1768 года, прибавимъ мы, то ее никакъ не могъ привезти на Украину Мельхиседекъ Значко-Яворскій, который былъ въ Петербургѣ еще въ 1765 г. [1]). Отмѣтилъ г. Рева, разбирая документъ, и слишкомъ очевидную нелѣпость въ титулѣ Желѣзняка и кошевого Петра Кальнишевскаго. Первый названъ „полковникомъ и командующимъ нашихъ земель Низоваго Запорожья", а второй будто бы подписался „кошевой атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями". На самомъ же дѣлѣ титула, придуманнаго для Желѣзняка, вовсе не существовало, кошевой же подписывался такъ: „Петръ Кальнишевскій, атаманъ кошовый войска запорожського съ атаманнею и со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ".

Конечно, по рукамъ у народа ходило не это польское невѣжественное измышленіе. Скорѣй всего оно даже появилось на свѣтъ чуть ли не въ годъ изданія сборника Ангенберга. Во время же коліивщины, очевидно, была распространена грамота иной фабрикаціи, болѣе доступной для народнаго пониманія. Объ этомъ есть кой какія свидѣтельства. Такъ, г. Скальковскій въ книгѣ своей „Наѣзды гайдамакъ" [2]), ссылаясь на вѣдомые ему акты запорожскаго архива, утверждаетъ, что впервые золотая грамота была предъявлена архимандритомъ Мельхиседекомъ кошевому Петру Кальнишевскому, что была она выдана именно кошевому и что въ ней „было изображено данное войску запорожскому повелѣніе—помогать всѣми средствами угнетенной церкви". Затѣмъ о впечатлѣніи, какое произвела грамота въ Кошѣ, Скальковскій говоритъ: „кошевой, обыкновенно не знающій грамоты, отдалъ указъ для прочтенія войсковому писарю Ивану Глобѣ; умный козакъ немедленно удостовѣрился въ подлогѣ и убѣдилъ кошеваго не вмѣшиваться въ это дѣло. Игумену данъ отвѣтъ: если бы великая монархиня потребовала въ самомъ дѣлѣ службы козаковъ, своихъ щиро-подданныхъ, то бы прислала свой указъ не чрезъ игумена, а чрезъ особаго посланца „якъ то изъ вѣковъ бувало въ Запорожьѣ".

[1]) Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. II. Предисловіе, стр. XCIII—XCV.

[2]) А. Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 69—70.

Другое свидѣтельство о той же грамотѣ—графа Румянцева [1]), до котораго доходили вѣсти объ указѣ, при чемъ онъ слышалъ между прочимъ, что „онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго".

Изъ свидѣтельствъ этихъ видимъ, что золотая грамота не была выдана на имя Желѣзняка, видимъ и то, что она должна была отличаться большою простотой. Большая простота и отсутствіе грубыхъ книжныхъ выдумокъ въ титулахъ южно-русскихъ козацкихъ властей,—все это одинаково должно было отличать ходившій по рукамъ гайдамакъ документъ и въ томъ случаѣ, если бы составилъ его самъ Мельхиседекъ, какъ думаетъ г. Скальковскій и Тучапскій, польскій мемуаристъ [2]), и въ томъ, если бы, какъ думаетъ другой польскій мемуаристъ Мощинскій и покойный Соловьевъ, составилъ грамоту экономъ переяславскаго архіерея, какой-то игуменъ, племянника котораго незадолго до полнаго взрыва крестьянскаго движенія весной 1768 г. поляки посадили на колъ [3]). Игуменъ этотъ, будто бы въ отмщеніе полякамъ за это дѣло, при помощи сочиненной имъ подложной грамоты, содѣйствовалъ скорѣйшему проявленію движенія въ народѣ, возмущенномъ неистовствомъ барскихъ конфедератовъ и пропагаторовъ уніи. Простотой, долженъ былъ бы, наконецъ, отличаться интересующій насъ документъ и въ томъ случаѣ, если бы изготовителемъ его былъ монахъ Мотронинскаго монастыря, по прозванію Молдаванъ, какъ это слышалъ М. А. Максимовичъ. По утвержденію его [4]), херсонскій архіерей Иннокентій, въ бытность свою викаріемъ кіевской митрополіи, былъ однажды въ Мотронинскомъ монастырѣ при обозрѣніи своей паствы и тамъ засталъ въ живыхъ одного современника Мельхиседека. Старикъ этотъ разсказалъ Иннокентію о Молдаванѣ,

[1]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 9, стр. 544.

[2]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Lippomana Tuczapskiego i bezimiennego, стр. 124.

[3]) Adam Moszczynski. Pamiątnik, стр. 135; Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XXVII, стр. 306—307.

[4]) Арх. ю.-з. Р., т. II, ч. I. Предисл., стр. XXXVII. Примѣчаніе.

который принималъ личное участіе при устроеніи Мельхиседекомъ аптеки и подъ его руководствомъ дѣлалъ надписи на аптечныхъ сосудахъ съ травами и другими лѣкарствами. Молдаванъ этотъ, по разсказу того же старика, былъ еще при жизни Мельхиседека писаремъ архіерейскимъ и тогда то написалъ интересующую насъ золотую грамоту [1]).

Но кто бы ни былъ составителемъ золотой грамоты, она во всякомъ случаѣ въ томъ или иномъ видѣ существовала, и въ 1768 г., да и позже, многіе принимали ее за подлинный указъ Екатерины II. За подлинную признавали ее и польскіе историки, какъ напр. Моравскій и Шуйскій [2]); но были между поляками и люди, отвергавшіе возможность для Екатерины II при ея отношеніи къ Рѣчи Посполитой сочувствовать гайдамацкому движенію 1768 г.: къ числу такихъ относятся авторы мемуаровъ о той порѣ, Липпоманъ и Мощинскій. Самъ гр. Румянцевъ, когда впервые стали доходить до него слухи о какомъ то невѣдомомъ ему указѣ Екатерины II, былъ сильно смущенъ и, повидимому, готовъ былъ допустить, что такой указъ былъ. Такъ, въ одномъ изъ донесеній императрицѣ онъ писалъ о своемъ затруднительномъ положеніи такъ: „.... но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особыя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находячимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ я сіи мѣры“.... и пр. [3]). Отчасти то же сомнѣніе звучитъ и въ предписаніи графа

---

[1]) Приведемъ здѣсь для полноты и народное преданіе о составителѣ золотой грамоты. Беремъ его въ Запискахъ о южной Руси г. Кулиша. „Ляхи взялыся гнать на благочестіе. „Чого воны“, кажуть, на нашій земли живуть, а благочестивого государя поминають?“ И давай головки лупыть благочестивымъ. Ото спалылы першъ титаря въ Мліеви, а дали й хуторкы черночи мотроненськи попалылы. А въ тому монастыри бувъ гуменъ.... охъ, забувъ же я, якъ його звалы. Бачыть, що лыхо ляхы роблять, полуплять головы благочестивымъ, а пысака добрый бувъ, та якъ удравъ *золоту грамоту!* А Максимъ Зализнякъ прыихавъ на поклоненіе, а винъ ёму й пиднисъ: „велыкъ свитъ государыня велыть ризать жыда й ляха до ногы, щобъ и не смердилы на Вкраини“. Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотныка, такъ и повалывъ народъ,—уся Смилянщина й Чигиринщина. Якъ пишлы вынныкы, то—що, *тогди вже велила маты и валъ браты* (Записки о южн. Р., ч. I, стр. 149).

[2]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujskiego Dzieje polski, IV, 440.

[3]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. 9, стр. 543.

Румянцева командиру карабинернаго полка Протасьеву, который былъ отправленъ подъ Каневъ противъ отряда Неживого. Въ предписаніи этомъ, между прочимъ, читаемъ [1]): „.... овладѣть ими (козаками Неживого) и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда бъ таковое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ" или вѣрнѣе крестьянъ ватаги Неживого. „А когда, продолжалъ затѣмъ Румянцевъ—таковаго письменнаго вида не покажутъ или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехвативъ, возвратиться съ оными" и т. д. Теряясь въ догадкахъ, Румянцевъ въ предписаніи кошевому Кальнишевскому наконецъ прямо спрашиваетъ послѣдняго по поводу разгрома, произведеннаго Неживымъ въ Каневѣ, „не дано ли письменнаго какого приказанія или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла" [2]).

Но Румянцевъ, какъ и другіе чиновники той поры и люди культурные, вращавшіеся въ сферѣ распространенія всякаго рода подлинныхъ документовъ, вскорѣ могли смѣло не вѣрить въ существованіе указа Екатерины II Желѣзняку ли или Кальнишевскому—объ избіеніи поляковъ и жидовъ въ Украинѣ. 9 іюля 1768 г. былъ Екатериной II изданъ манифестъ, подлинность котораго уже несомнѣнна и который для опубликованія былъ присланъ изъ Петербурга Румянцеву. Манифестъ этотъ есть полное отрицаніе императрицей всякаго сочувствія съ ея стороны гайдамацкому движенію. Въ немъ между прочимъ читаемъ [3]): „никто нами не посылался въ Польшу для того, чтобы поднимать на бунтъ нашихъ единовѣрцевъ противъ ихъ сограждань другихъ исповѣданій". „Лица, выдающія себя за отрядъ нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто отправленный нами, въ дѣйствительности суть разбойники, воры и нару-

[1]) Ibidem, стр. 540.

[2]) Ibidem, стр. 545.

[3]) Манифестъ и-цы Екатерины II. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 5, стр. 308—311.

шители общественнаго спокойствія". Наконецъ, „всѣ таковые разбойники, читаемъ дальше, отъ военныхъ нашихъ командъ повсюду будутъ преслѣдуемы въ конецъ и, послѣ поимки, будутъ представлены всѣ безъ изъятія въ надлежащій судъ для понесенія справедливой кары".

Недостаточность тогдашнихъ средствъ для оглашенія даже казенныхъ документовъ и, особенно, затруднительность такого оглашенія въ тогдашней Рѣчи Посполитой, лишенной правильной администраціи—все это повело къ тому, что подлинный манифестъ русской императрицы не достигъ слуха многихъ изъ тѣхъ, къ кому онъ относился, и даже оказался затерявшимся для массы польской интеллигенціи. Довольно сказать, что даже для науки онъ впервые вынырнулъ на свѣтъ Божій только въ 1882 г., когда лицо, нашедшее его въ рукописяхъ львовскаго института Оссолинскихъ, сообщило его „Кіевской Старинѣ". Можемъ ли удивляться поэтому, что и послѣ дѣйствительнаго манифеста Екатерины II между народомъ все еще жила вѣра въ старую золотую грамоту, содержанію которой обездоленный людъ сочувствовалъ. Но объ этомъ намъ еще прійдется вести рѣчь, а теперь послѣ столь длиннаго отступленія вернемся къ интересующему насъ Семену Неживому.

И онъ, какъ масса неграмотнаго люда той поры, искренно вѣрилъ въ сочувствіе царицы гайдамацкому движенію,—это мы уже знаемъ. Поднимая народъ на возстаніе, онъ ссылался при этомъ чаще другихъ ватажковъ на золотую грамоту Екатерины, какъ это видно и изъ нашего документа, и изъ переписки Румянцева по дѣлу о каневскомъ разореніи. И такая вѣра Неживого въ то, что царица на сторонѣ народнаго движенія, сказалась въ рядѣ его поступковъ. Такъ, напавши съ своей ватагой на городъ Крыловъ польскій и, не найдя тамъ „а ни единого поляка, также якъ и жида" и узнавъ, что всѣ они укрылись въ Крыловѣ русскомъ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ подполковникъ Хорватъ, Неживый, страшно этимъ возмущенный, прямо заявилъ Хорвату [1]): „не знаемъ, съ какой причины ваше высоко-

[1]) Костомаровъ. Матеріалы для исторіи Коливщины. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 309.

родіе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непріятелямъ ея императорскому величеству, также жъ и правовѣрнымъ христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народъ христіанскій своимъ поганствомъ сквернятъ, то хиба вашему высокородію великое награжденіе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторону къ намъ выдать, хоча и сонныхъ. Не за имущество втруждаемся, только абы вѣра христіанская отъ нихъ не была большъ скверненная и чтобы не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христіанъ". Въ случаѣ же нежеланія Хорвата выдать поляковъ по письменному заявленію, Неживый просилъ его, прежде чѣмъ вовсе ему отказать, повидаться съ нимъ, выѣхавъ для этой цѣли на половину гребли.

Такого рода обращеніе къ россійскому офицеру было возможно со стороны Неживого при полной его увѣренности, что только по недоразумѣнію Хорватъ могъ дать въ русскихъ предѣлахъ убѣжище врагамъ православія—полякамъ и жидамъ. Для него, поэтому, совершенно непонятнымъ оставалось и то, какъ въ просьбѣ его о выдачѣ общихъ враговъ могли отказать. Между тѣмъ это именно случилось. На свиданіе съ Неживымъ выѣхалъ „до половины гребли" съ небольшимъ отрядомъ не самъ Хорватъ, а поручикъ князь Иванъ Манвеловъ. Неживый же встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью. На повторенное требованіе выдать ему жидовъ и поляковъ, Манвеловъ отвѣчалъ, что „тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно" [1]). Какъ это могли быть у русскихъ офицеровъ подъ защитой люди, которыхъ, судя по золотой грамотѣ, русская императрица велѣла вырѣзать „до ноги",—Неживый не могъ понять, и ему казалось, что все разъясненіе въ взяткѣ. „Хиба вашему высокородію (Хорвату) великое награжденіе зделали, то оныхъ (поляковъ и жидовъ) принимаете?"—писалъ онъ поэтому.

А еще ранѣе Семенъ Неживый обращался изъ Медвѣдовки къ командиру гусарскаго полка Өедору Чорбѣ съ заявленіемъ,

[1]) Ibidem, стр. 315.

что онъ разогналъ уже конфедератовъ, „которые народу христіанскому великія бѣды и разоренія дѣлали“, и при этомъ испрашивалъ указаній на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. „Теперича, писалъ онъ, содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородія милостивой резолюціи: что мнѣ впредь поступать“ [1]).

Ясно, что такъ могъ обращаться къ россійскимъ офицерамъ только человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что дѣлаетъ онъ дѣло, одобряемое русскимъ правительствомъ.

Но что особенно поражаетъ при чтеніи приведенныхъ только что заявленій Неживого,—такъ это то, что онъ все продолжалъ считать свое дѣло дѣломъ, пріятнымъ и русскому правительству, даже и послѣ захвата генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ гайдамакъ подъ Уманью. Приведенное письмо къ командиру гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ было, напримѣръ, написано 21 іюня, а переговоры о выдачѣ поляковъ и жидовъ изъ Крылова велись и того позже. Неужто же въ это время Неживый не имѣлъ еще вѣстей о дѣйствіяхъ Кречетникова подъ Уманью, случившихся не позже 18 іюня? Вѣроятнѣе, что свѣдѣнія эти были уже у Неживого и его ватаги, и если онъ по прежнему считалъ, что его дѣло санкціонируется русскими властями, то ужъ не потому ли, что между своею дѣятельностью и поступками Желѣзняка и Гонты онъ готовъ былъ видѣть нѣкоторую разницу. Онъ понималъ, конечно, что и эти послѣдніе вожаки гайдамакъ, да и другіе, преслѣдуютъ извѣстныя общественныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и у Желѣзняка, и у другихъ видѣлъ и другое проявленіе—жажду личнаго обогащенія и нестрогое отношеніе къ грабежамъ и насиліямъ, совершаемымъ ихъ ватагами; самъ же Неживый былъ далекъ отъ этихъ вторыхъ побужденій и насилій всякаго рода не оправдывалъ. Быть можетъ, поэтому, онъ счелъ, что произведенный генераломъ Кречетниковымъ захватъ гайдамакъ подъ Уманью былъ именно возмездіемъ Желѣзняку со стороны русскаго правительства за рядъ разбойничьихъ дѣяній его ватаги, а такъ какъ самъ онъ, Неживый, ни въ чемъ подобномъ

---

[1]) Ibidem, стр. 306 и 307.

повиненъ не былъ и дѣйствовалъ всегда, руководясь только общественными цѣлями, то онъ и считалъ, что можетъ обращаться къ русскимъ властямъ, какъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ, нерасположенія которыхъ онъ не заслужилъ. Основываемъ мы такое наше предположеніе на томъ обстоятельствѣ, что Неживый именно послѣ несчастія Желѣзняка и Гонты счелъ нужнымъ, испрашивая себѣ у командира гусарскаго полка Ѳедора Чорбы указаній на счетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій, приложить къ своему письму приведенныя нами выше свидѣтельства мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ о томъ, что онъ, Неживый, ихъ не грабилъ и вообще народу христіанскому никакой обиды не чинилъ. Безъ приводимаго объясненія представленія Неживымъ свидѣтельствъ остались бы совершенно непонятными.

Этимъ мы заканчиваемъ наши указанія относительно третьей характерной черты Семена Неживого—его безпредѣльной вѣры въ одобреніе его дѣла и въ сочувствіе ему русскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваемъ и вообще нашу характеристику Неживого, этого наиболѣе идейнаго ватажка гайдамацкаго движенія 1768 года.

Намъ только остается отмѣтить еще нѣсколько неясныхъ чертъ біографіи этого дѣятеля. Родомъ онъ былъ изъ с. Мельниковки, недалеко отъ Мошенъ, [1]) и по ремеслу былъ гончаромъ, но не самостоятельнымъ хозяиномъ, а только наймытомъ у другого гончара, какого то Артема. Въ перепискѣ съ властями русскими онъ вездѣ называетъ себя запорожскимъ атаманомъ уманскаго куреня, но былъ ли онъ таковымъ въ дѣйствительности—данныхъ для провѣрки нѣтъ, какъ нѣтъ данныхъ и относительно того, входили ли въ ватагу въ большомъ числѣ запорожцы, какъ это заключилъ гр. Румянцевъ, называя всѣхъ его гайдамакъ запорожцами [2]). Быть можетъ, дѣйствительно запорожцевъ при Неживомъ было больше, чѣмъ при другихъ ватажкахъ, разъ онъ былъ человѣкъ вполнѣ идейный, и потому, вѣроятно, наиболѣе симпатичный и запорожцамъ, знавшимъ

---

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie. Pamiętnik Łippomana, стр. 9.

[2]) Переписка гр. Румянцева. „К. Ст." 1882, кн. 9, стр. 544, 545 и др.

границу между разбоемъ и политическимъ возстаніемъ [1]). Они могли пристать къ нему на томъ же основаніи, на какомъ, очевидно, присталъ къ нему шляхтичъ Чоповскій, отрѣшившійся отъ своей среды ради участія въ истребленіи гнусныхъ порядковъ и за это подвергнутый военно-судною кодненскою коммиссіей наиболѣе лютой казни—посаженію на колъ. Да и изъ показаній запорожца—гайдамаки Ѳедора Бондаренка, показаній, приводимыхъ Скальковскимъ въ его „Наѣздахъ гайдамакъ" [2]), видно, что въ составъ ватаги Неживого входили „добрые поселяне, бросившіе свои жилища, семейства и имущества"— ради высокихъ цѣлей защиты своей вѣры и независимости, прибавимъ отъ себя. Запорожцамъ, давнимъ выразителямъ украинскихъ идеаловъ, естественно было поэтому также быть въ отрядѣ Неживого.

О концѣ Неживого согласно повѣствуютъ три источника: отмѣченныя только что показанія Ѳедора Бондаренка, народное преданіе [3]) и мемуаръ Липпомана [4]). Неживый оказывается арестованнымъ командиромъ гусарскаго полка Ѳедоромъ Чорбой, которому онъ довѣрялъ, считая свое дѣло и дѣло представителей русскаго правительства тождественными. Ѳедоръ Чорба, прійдя въ с. Галагановку, хитростью заманилъ къ себѣ Неживого отдѣльно отъ его ватаги, дѣлая видъ, будто хочетъ вести съ нимъ переговоры, и когда Неживый пришелъ къ нему, онъ его предательски схватилъ. Въ народномъ преданіи Чорба названъ Щербой и арестованіе Неживого представлено тамъ случившимся на греблѣ, что, быть можетъ, есть результатъ смѣшенія обстоятельствъ ареста Неживого съ прежнимъ свиданіемъ его на греблѣ съ поручикомъ княземъ Манвеловымъ.

Наконецъ, еще одно народное преданіе разсказываетъ, что Неживый, пока былъ еще гончаромъ у Артема, „все було каже: я хочъ на одынъ день, а буду паномъ". Теперь послѣ приведен-

---

[1]) Въ большинствѣ случаевъ, какъ увидимъ далѣе, запорожцы, избѣгая большихъ ватагъ, участвовали въ загонахъ и вели партиз. войну впрод. всего возстанія.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 120.

[3]) Кулишъ. Записки о юж. Руси. Ч. I, стр. 278.

[4]) Bunt hajdamakow. Pamiętnik Lippomana, стр. 18.

ной нами выше характеристики Неживого по даннымъ о его дѣятельности, мы можемъ заключить, что не о заурядномъ шляхетскомъ панствѣ могъ онъ мечтать и что онъ только страстно желалъ имѣть возможность устроить въ своемъ краѣ порядокъ, отвѣчающій его убѣжденіямъ. Быть можетъ, нѣкоторымъ оправданіемъ такого нашего предположенія можетъ служить слабый намекъ въ документахъ на то, что въ отнятомъ у поляковъ Каневѣ онъ завелъ свои экономическіе порядки. Такъ, въ донесеніи императрицѣ Екатеринѣ о каневскомъ [1]) дѣлѣ Румянцевъ писалъ 19 іюня 1768 г.: „Губернаторъ (каневскій) Новицкій показалъ... что, когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и, настигши, нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живутъ и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, *учреждая тамъ порядки экономическіе, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія*“.

Яковъ Швачка.

Гайдамацкій ватажокъ *Яковъ Швачка* игралъ въ движеніи 1768 года не менѣе важную роль, чѣмъ и два предъидущіе. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ не только польскіе мемуаристы той поры, но и народныя пѣсни. Нужно однако помнить, что и тѣ, и другія даютъ намъ о немъ свѣдѣнія далеко неполныя и неточныя, причемъ неполнота и неточность свѣдѣній мемуаристовъ должны быть объяснены тѣмъ, что главная дѣятельность Швачки сосредоточена была въ мѣстности, гдѣ не было или почти не было интеллигентныхъ наблюдателей, вслѣдствіе бѣгства оттуда всего шляхетства, и писали о немъ по слухамъ издалека, а фактическія недостатки въ пѣсняхъ—обычное естественное явленіе народныхъ поэтическихъ произведеній, цѣнность которыхъ заключается не въ документальной точности, но въ цѣльности даваемыхъ ими образовъ и въ вѣрности передачи настроенія народа въ тѣ или другіе моменты исторической жизни.

[1]) Переписка гр. П. А. Румянцева. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., кн. 9, стр. 542.

Чтобы устранить изъ матеріаловъ о Швачкѣ всякія невѣрности, нужны, конечно, документальныя данныя о той порѣ. Какъ кажется, имѣющіяся у насъ судебныя дѣла изъ Кодненской книги могутъ послужить отчасти для этихъ цѣлей.

Прежде всего намъ важно знать, гдѣ была сосредоточена дѣятельность Швачки и много ли людей было въ его ватагѣ. На такого рода вопросы отвѣчаетъ намъ бывшее въ кодненскомъ судѣ дѣло Олексы Яхименка [1]).

Олекса Яхименко родился и жилъ въ селѣ Яцкахъ въ Васильковщинѣ. Во время крестьянскаго движенія присталъ къ ватагѣ Швачки, когда этотъ послѣдній появился въ Фастовѣ и сталъ зазывать къ себѣ козаковъ изъ ближайшей округи. Впервые въ возстаніи Олекса Яхименко принялъ участіе, когда вся ватага Швачки двинулась въ с. Гребинки въ той же Васильковщинѣ (с. васильк. у. при рч. Роткѣ къ с. отъ Бѣлой Церкви). Тамъ Яхименко убилъ пятерыхъ шляхтичей, причемъ изъ убитыхъ этихъ зналъ онъ только двухъ, пана Симашка и пана Кондрацкаго, остальные же были ему неизвѣстны даже по имени. Потомъ Яхименко принималъ еще участіе въ убійствѣ васильковскаго губернатора Сташевскаго и его мазура Стангрила. Что же до убійствъ въ Фастовѣ, куда ватага Швачки снова вернулась, то ихъ, по показанію Яхименка, совершено тамъ безъ счету. Изъ Фастова Швачка двинулся къ Бѣлой Церкви, куда, какъ извѣстно, попрятались тѣ изъ окрестныхъ пановъ, которые не успѣли уѣхать въ Бѣлостокъ и другія, болѣе безопасныя убѣжища. Впрочемъ обстоятельства показали, что Бѣлая Церковь, благодаря своему замку, расположенному на горѣ, окруженной валами, оказалась пунктомъ довольно надежнымъ въ смыслѣ убѣжища. По крайней мѣрѣ уже Желѣзнякъ послѣ слабой попытки отказался отъ мысли овладѣть ею и предпочелъ продвинуться на югъ. Теперь снова Швачка не рѣшился аттаковать этого города, хотя въ отрядѣ его было, по показаніямъ Яхименка, не менѣе 1000 человѣкъ; Яхименко при этомъ прямо говоритъ, что страхъ удержалъ гайдамакъ отъ аттаки. Отсту-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 49, 5.

пили они къ с. Блощинцы (с. васильковскаго у. при рч. Узинѣ, къ В. отъ Бѣлой Церкви) и тутъ наткнулись на москалей, очевидно—на отрядъ полковника Протасьева. Кто изъ насъ,—говоритъ Яхименко,—погибъ въ побоищѣ, кто убѣжалъ, человѣкъ же 500 было забрано въ Кіевъ, гдѣ насъ держали около года, а потомъ однихъ отправили въ ссылку, а другихъ отпустили". Яхименко былъ въ числѣ послѣднихъ и изъ Кіева вернулся въ Яцки къ отцу, а тамъ былъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Военно-судная кодненская коммиссія приговорила его къ двумъ ударамъ ремнемъ и обезглавленію.

Изъ изложеннаго мы прежде всего видимъ, что Швачка дѣйствовалъ по всей Васильковщинѣ, начиная отъ Фастова и кончая Блощинцами.

Свѣдѣнія эти подтверждаются одною изъ реляцій графа Румянцева о дѣйствіяхъ посланнаго имъ противъ гайдамакъ отряда полковника Протасьева. По словамъ реляціи [1]), Протасьевъ, пройдя въ „Польшу", наткнулся на два значительныхъ скопища гайдамакъ—на одно подлѣ села Блощинцы и на другое—подъ Богуславомъ. Оба скопища онъ, Протасьевъ, разбилъ, причемъ оказалось, что ватагой въ Блощинцахъ командовалъ ватажокъ Журба, а въ Богуславѣ—Швачка. Послѣднее какъ будто не сходится съ приведенными показаніями Яхименка, который не говоритъ о Журбѣ, а только о Швачкѣ, но это произошло, вѣроятно, оттого, что вся ватага называлась ватагой Швачки и только въ послѣдній моментъ ея существованія Швачка раздѣлилъ ее на-двое, причемъ въ отдѣленной меньшей части ватажкомъ поставилъ Журбу.

Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Швачка имѣлъ у себя, по словамъ Яхименка, при подступѣ къ Бѣлой Церкви до 1000 человѣкъ, между тѣмъ, по реляціи Румянцева, Протасьевъ въ Блощинцахъ имѣлъ дѣло съ 300 гайдамаковъ и подъ Богуславомъ тоже съ нѣсколькими сотнями, что въ общей сложности и могло дать до тысячи душъ. Совсѣмъ невѣрно въ по-

---

[1]) Реляція эта приведена у М. А. Максимовича. См. Сочиненія его, т. I, стр. 615—616.

казаніяхъ Яхименка только число плѣненныхъ Протасьевымъ; онъ опредѣляетъ это число въ 500 человѣкъ. Между тѣмъ по реляціи Румянцева подъ Блощинцами убито было 30 гайдамакъ да поймано 64, а подъ Богуславомъ—68; итого, значитъ, плѣнено—132 человѣка. Цифрамъ же этимъ, какъ кажется, можно больше вѣрить, чѣмъ цифрѣ Яхименка, такъ какъ, конечно, не въ интересахъ Румянцева, а тѣмъ болѣе Протасьева, было уменьшить число гайдамакъ, взятыхъ русскими въ плѣнъ.

Но ограничивъ районъ дѣятельности Швачки одной Васильковщиной, мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ противорѣчіе съ извѣстнымъ утвержденіемъ польскихъ мемуаристовъ, будто Швачка былъ сподвижникомъ Желѣзняка и Гонты въ Умани, и будто онъ вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ 18 іюня, какъ и Неживый, бѣжалъ оттуда послѣ того, какъ Желѣзнякъ понялъ, что ген.-маіоръ Кречетниковъ затѣваетъ противъ него что-то недоброе. Но такое противорѣчіе можетъ, кажется, насъ не стѣснять. Польскіе мемуаристы для приданія большей грандіозности уманской рѣзнѣ могли вписать въ товарищи Желѣзняку и Гонтѣ цѣлый рядъ людей, а въ томъ числѣ и Швачку.

Между тѣмъ соучастіе Швачки въ уманской рѣзнѣ прямо должно быть отрицаемо на основаніи реляціи графа Румянцева отъ 15 іюля 1768 г.[1]), въ которой между прочимъ читаемъ: ...„который (Швачка) послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ Запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ истребили, а Желѣзнякъ сію посылку якобы чинилъ по указу; въ ватагу же приставали польскіе разнаго званія люди и козаки; третья же партія (первая Швачки, вторая Журбы), по показанію сего пойманнаго атамана (Швачки), съ атаманомъ Неживымъ, нынѣ находится въ Чигиринѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Умани“.

Не очевидно ли, что если бы Швачка вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ бѣжалъ изъ-подъ Умани 18 іюня совершенно разбитый,

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 646.

то онъ не могъ бы уже къ началу іюля собрать ватагу въ 1000 душъ, перебить съ нею массу шляхтичей и жидовъ и затѣмъ не сообщить на допросѣ все вышеприведенное о Желѣзнякѣ и Неживомъ? Ясно—все это могъ сказать Швачка только при условіи, что онъ не былъ подъ Уманью вовсе и свое назначеніе дѣйствовать самостоятельно въ указанной мѣстности получилъ отъ Желѣзняка еще до уманской рѣзни, равно какъ и Неживый. А что допросъ Швачки и ранѣе его поимка случились именно въ началѣ іюля—это доказывается ссылкою Румянцева въ своей реляціи на рапортъ Протасьева отъ 9 іюля.

Ограничивая дѣятельность Швачки васильковскимъ или бѣлоцерковскимъ райономъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не ведемъ его и въ Смѣлянщину. О пребываніи Швачки въ этой послѣдней и о поимкѣ его русскими подъ Смѣлой въ лозахъ заключилъ впрочемъ только г. Кулишъ [1]) со словъ своего разскащика Кондрата Таранухи Смѣлянскаго, который, говоря о гибели Швачки, выразился такъ: „тогда стійчыки, що замку стереглы, застукалы йихъ *отъ-тутъ* въ лозахъ". Но въ данномъ случаѣ, по справедливому утвержденію Максимовича [2]), это своего рода licentia poëtica, тѣмъ больше, что тотъ же Тарануха въ пѣснѣ о Швачкѣ пѣлъ, что его повезли изъ Богуслава.

По уясненіи вопроса о мѣстѣ дѣятельности Швачки, о времени взятія его въ плѣнъ и о числѣ его ватаги, мы далѣе естественно больше всего интересуемся тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Что завѣтной цѣлью его было добыть такое крупное польское гнѣздо, какъ Бѣлая Церковь, гдѣ спряталось не мало шляхты и жидовъ—это очевидно и изъ тѣхъ документовъ, которые мы выше привели. Но за явной невозможностью осуществить эту цѣль даже при тысячной ватагѣ. Швачка, очевидно, выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и, выжидая, истреблялъ шляхту и жидовъ исподволь, по мѣрѣ того, какъ ему ихъ доставляли крестьяне той округи, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Устроилъ онъ свою главную квартиру, такъ сказать, въ Фастовѣ, и туда то были

---

[1]) Кулишъ. Записки о Южн. Руси т. I. Оглавленіе XVI и текстъ стр. 135.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 615.

приволакиваемы на убійство шляхтичи и жиды обоего пола и разныхъ возрастовъ. Въ книгѣ кодненскаго суда есть нѣсколько указаній относительно такой дѣятельности крестьянъ. Такъ, крестьянинъ села Скреловки Олекса Кочубай [1]) былъ поставленъ своей громадой на „сторожу", чтобы изловить собиравшихся убѣгать шляхтичей, супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и четырьмя дѣтьми. Кочубай дѣйствительно устерегъ ихъ, и тогда крестьяне той же Скреловки, Василій Ющенко и Кузьма Ткаченко, по распоряженію громады, отвезли ихъ въ Фастовъ; за это громада черезъ Кузьму Антоненка уплатила каждому по 7 копеекъ. На военно-судной коммиссіи всѣ три, конечно, были приговорены къ обезглавленію рукою палача. Кромѣ того, Ткаченко Павло, сынъ Нечипора ткача, изъ села Веприка, будто бы помогъ гайдамакамъ, везшимъ поляка на убійство въ Фастовъ, поймать вырвавшагося у нихъ коня, а потомъ, когда гайдамаки зашли пить горилку въ шинокъ, стерегъ шляхтича, оставшагося на возѣ. Этотъ Ткаченко попалъ на кодненскій судъ, благодаря доносу эконома своего села и почему-то цѣлой громады. Военно-судная коммиссія однако остановила это дѣло ad resolutionem. Когда Ющенко и Кузьма Ткаченко привезли Ольшевскихъ и Русецкихъ въ Фастовъ, Швачка всѣхъ ихъ поубивалъ, кромѣ двухъ дѣвочекъ. Этимъ онъ даровалъ жизнь, но велѣлъ окрестить.

Устроивъ въ Фастовѣ настоящую человѣческую бойню, на которой, по свѣдѣніямъ кодненской военно-судной коммиссіи, въ короткое время было заклано 700 человѣческихъ жертвъ [2]), Швачка долженъ былъ позаботиться о томъ, какими силами хоронить трупы, чтобы они не заражали воздуха при гніеніи, да и о томъ, какъ вести процессъ убиванія. О преданіи труповъ землѣ естественно должна была заботиться и фастовская громада. Свѣдѣнія на этотъ счетъ мы получаемъ изъ бывшаго на кодненскомъ судѣ дѣла нѣкоего Грицька Васюка. Оказывается, что при убиваніи своихъ жертвъ Швачка завелъ такой порядокъ:

---

[1]) Кодн. кн. стр. 538—539.

[2]) Кодн. кн. стр. 419—420.

каждаго привезеннаго шляхтича онъ собственноручно билъ по лбу тяжелымъ обухомъ и затѣмъ уже омертвѣлаго отдавалъ добивать своимъ гайдамакамъ. Тѣ производили окончательную расправу и при этомъ сдирали съ труповъ и цѣнныя вещи, и все вплоть до сорочки; цѣнныя вещи чаще попадались на жидахъ зашитыми въ платье. Преданіемъ же труповъ землѣ гайдамаки да и крестьяне считали унизительнымъ для себя заниматься— и для этого дѣла фастовская громада созывала „старцивъ торбишныкивъ“. Между послѣдними подчасъ попадались тоже изрядные мародеры, и если только трупъ поступалъ къ нимъ не въ конецъ ограбленнымъ, они живились этими остатками и при этомъ иной разъ находили и цѣнныя вещи. Въ добавокъ, желая выслужиться передъ Швачкой, нѣкоторые изъ старцивъ оттаскивали свѣжіе трупы шляхтичей на пожраніе псамъ. Однимъ изъ такихъ старцивъ-торбишныкивъ—и былъ фигурировавшій на кодненскомъ судѣ упомянутый выше Грыцько Васюкъ. Трупы шляхтичей онъ, по его словамъ, только погребалъ, а не отдавалъ псамъ на пожраніе, да и ограбленіемъ убитыхъ не занимался; если же при немъ найдены золотые галуны отъ жидовскихъ одеждъ, то галуны эти онъ нашелъ на дорогѣ. Поэтому, показаніе нѣкоего Осадчого, будто онъ, Васюкъ былъ однимъ изъ ревностныхъ слугъ Швачки, совершенно ложно. Однако кодненская судная коммиссія не повѣрила Васюку и, чтобы вызвать въ немъ сознаніе, подвергла первой степени пытки—битью кунчуками. Но и послѣ этого Васюкъ остался при прежнемъ своемъ показаніи. На вопросъ судной коммиссіи, по сколько Швачка платилъ крестьянамъ за каждаго привезеннаго пана, Васюкъ отвѣтилъ, что вообще онъ не слышалъ, чтобы крестьяне брали вознагражденіе за доставленныхъ пановъ и жидовъ, но въ одномъ случаѣ, дѣйствительно, Швачка отблагодарилъ привезшаго, отдавъ ему кобылу и вола того самаго пана, который былъ привезенъ на убійство. Этотъ крестьянинъ былъ изъ села Паланичинецъ и назывался Семенъ Купопалъ. Къ чему въ Коднѣ приговорили Васюка—изъ документа не видно.

Мрачнымъ, озлобленнымъ, почти никого не щадящимъ выступаетъ Швачка и въ другомъ имѣющемся у насъ документѣ,

касающемся времени его пребыванія въ Бѣлоцерковщинѣ. Этотъ другой документъ [1]) заключаетъ въ себѣ показанія Яна Весніовскаго, служившаго у Швачки за хлопца, подобно тому, какъ братъ его Василій Весніовскій (о немъ рѣчь еще впереди), служилъ хлопцемъ у Желѣзняка. Янъ Весніовскій былъ не лучше брата своего, клеветавшаго на людей. Это были шляхетскіе отпрыски съ самыми дурными задатками. Янъ Весніовскій, впрочемъ, превзошелъ даже своего брата, такъ какъ изъ показаній его въ кодненскомъ судѣ видно, что на обязанности его лежало разстрѣливать козаковъ и гайдамакъ по первому приказанію Швачки. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Швачка не терпѣлъ противорѣчій со стороны своихъ людей, и что онъ не стѣсняясь прибѣгалъ къ уничтоженію ослушниковъ его воли, для чего и имѣлъ спеціальнаго исполнителя въ лицѣ Яна Весніовскаго.

При такихъ особенностяхъ Швачки, народная память сохранила о немъ представленіе, какъ о человѣкѣ сильномъ, опасномъ для враговъ православія и свободы. Подвиги его даже преувеличили, приписали ему то, чего не было,—захватъ имъ Бѣлой Церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне безчеловѣчное отношеніе Швачки къ павшимъ врагамъ, его глумленіе надъ ними—все это заставляло народныхъ пѣвцовъ приходить въ содроганіе и не одобрять за это Швачки. Вотъ пѣсня [2]), гдѣ все это было высказано:

Да не буде краще, да не буде липше
Якъ на тій Украини,
Що не буде жыдивъ, що не буде ляхивъ,
А третьей уніи!
Ой не звить мене да Швачкою,
А зовить мене Кійло!
Позаганявъ жыдивъ, позаганявъ ляхивъ
Въ Билу Церкву на стійло.
Ой вже жъ тая да Билая Церква
Да обытая кытайкамы;
Ой теперъ вона да завойована
Да славными козакамы!
Ой хвалывся батько Швачка
Да до Хвастова йдучы;

[1]) Кодн. кн. стр. 475.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 613.

„Ой будемо драты, панове молодци,
Изъ китайкы онучы!“
Да ходыть Швачка да по Хвастови
Да у жовтыхъ чоботяхъ;
Ой вывишавъ жыдивъ, ой вывишавъ ляхивъ
Да на панськыхъ воротахъ.
Да ходыть Швачка да по Хвастови,
Да ставъ соби въ кутку:
„Ой не мае жыдивъ, ой не мае ляхивъ,—
Охъ мій тяжкій смутку!...
Да пишли старци-торбишныки
Да сталы ляшкивъ быты:
Ой не подобае, панове молодци,
Зъ нежывого глумыты!“

Что Швачка своею дѣятельностью и своею личностью произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ—подтвержденіемъ этому служитъ не только народная поэзія, но и документальныя данныя о появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ самозванцахъ, принимавшихъ на себя имя Швачки. Такъ, въ Коденской книгѣ мы находимъ цѣлый рядъ положительныхъ бытовыхъ картинъ о похожденіяхъ испившагося бездомнаго бродяги Осипа Мытинскаго, двоюроднаго брата Якова Швачки по матери; въ этихъ картинахъ яркою чертою проходитъ желаніе Мытинскаго импонировать другимъ то своимъ родствомъ съ Швачкой, то просто его именемъ, которое онъ безцеремонно принималъ.

Особенной близости съ этимъ Мытинскимъ у Швачки не было, но все же Мытинскій былъ въ его ватагѣ и однажды даже вмѣстѣ съ нимъ самимъ недалеко отъ московской границы у Триполья напалъ на турецкихъ купцовъ изъ арнаутовъ, причемъ Швачка убилъ тогда двухъ купцовъ, а Мытинскій—одного; хотѣли они потомъ вмѣстѣ же воспользоваться товаромъ изъ пяти брикъ, покинутыхъ погоничами послѣ убійства купцовъ, но въ этомъ имъ помѣшали москали, вдругъ явившіеся на мѣстѣ происшествія и все захватившіе въ свои руки. Кромѣ того, оставаясь въ ватагѣ Швачки недѣли двѣ, Мытинскій по его приказу подъ Володаркой (м. сквир. у. при р. Роси, къ ЮВ. отъ у. города) убилъ двухъ жидовъ. Когда же отрядъ Швачки былъ разбитъ подъ Богуславомъ Протасьевымъ, то въ числѣ плѣнныхъ былъ вмѣстѣ съ Швачкой и Мытинскій. Какъ и всѣхъ

тогда захваченныхъ, Протасьевъ препроводилъ и Мытинскаго въ Кіевъ, конечно, не придавая ему бóльшаго значенія, чѣмъ другимъ. Въ Кіевѣ Мытинскій просидѣлъ съ годъ, былъ свидѣтелемъ того, какъ тамъ Швачку „покнутовали", какъ ему „пошарпали" носъ и какъ затѣмъ отправили его въ ссылку. Мытинскій же послѣ годичнаго заключенія былъ отпущенъ—и съ этого момента начинаются его странныя похожденія.

Онъ направился изъ Кіева, очевидно, на родину. Родина же его была въ Красиловѣ (м. староконстантиновскаго у. близъ р. Случи къ ЗЮЗ отъ у. города). Благополучно дошелъ онъ до Очеретной и Погребищъ (м. бердичевскаго у. при р. Роси на ЮЗ. отъ у. города), причемъ совершилъ этотъ путь чуть не въ полгода, очевидно ради пропитанія останавливаясь работать то тамъ, то сямъ. Но за Погребищемъ счастіе его покинуло, и вблизи Босаго брода его арестовали уманскіе надворные козаки, препровождавшіе какого-то арестанта въ Кодню. Отсутствіе у Мытинскаго какого бы то ни было письменнаго вида, надѣтый на немъ шляхетскій черный жупанъ, при неудовлетворительности остальнаго костюма, испитой видъ—все это, очевидно, сдѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ команды, ведшей арестантовъ. Въ Коднѣ предъ военно-судной коммиссіей Мытинскій ловко скрылъ свое участіе въ гайдамацкомъ движеніи, притворясь бродягой-дьякомъ, какихъ было довольно тогда на Украинѣ. Разсказалъ онъ судьямъ, что изъ Красилова, гдѣ онъ родился и гдѣ отецъ его былъ вознымъ, онъ попалъ въ Кіевъ къ митрополиту и былъ тамъ пѣвчимъ и шафаремъ, что потомъ онъ былъ три года въ Радомыслѣ, полгода въ Грановѣ у протопопа Заблонскаго, съ которымъ визитировалъ церкви. Передъ арестомъ же онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, потому что, заболѣвши въ Грановѣ, долго затѣмъ жилъ въ с. Очеретной и зарабатывалъ кусокъ хлѣба временнымъ дьяконствомъ то въ той церкви, то въ другой. Военно-судная коммиссія, найдя его показанія правдоподобными, признала его бродягой и потому приговорила его за бродяжничество къ 300 ударамъ розогъ подъ висѣлицей.

Наказанія этого Мытинскій однако избѣжалъ, благодаря сердобольной пани Слотвинской, пребывавшей съ мужемъ въ

Коднѣ и участвовавшей въ пирахъ и забавахъ развлекавшихся въ часы досуга судей. Она упросила послѣднихъ отпустить Мытинскаго небитымъ, и онъ благополучно выбылъ изъ Кодни и снова въ теченіе цѣлаго года дьяконствовалъ на этотъ разъ въ с. Мерополѣ, живя тамъ при церкви и школѣ. Но черезъ нѣсколько времени онъ снова попалъ въ бѣду. Явился онъ однажды въ с. Погориле, явился въ полночь, когда всѣ спали, и сталъ стучаться къ тамошнему каплану (уніат. священнику) Корнелію Плисовскому. Ему отворили, впустили въ домъ. Ободренный этимъ Мытинскій сталъ смѣлѣе.

— Вы и не знаете, какого гостя принимаете? спросилъ онъ и затѣмъ потребовалъ, чтобы ему изъ корчмы принесли горилки.

Плисовскій за горилкой въ корчму не послалъ, но до свѣта угощалъ гостя своей горилкой и самъ съ нимъ пилъ. За попойкой шли разговоры, а, кромѣ того, для увеселенія гостя былъ позванъ мѣстный дьякъ для пѣнія. Въ разговорахъ гость похвалялся, что онъ Осипъ Швачка, братъ извѣстнаго ватажка, и что у него есть подъ Хмельникомъ 5000 человѣкъ, съ которыми онъ и будетъ рѣзать шляхту и жидовъ на всемъ протяженіи отъ предгорья у Бродъ до Днѣпра. Каплана же Плисовскаго онъ обѣщалъ при этомъ пощадить въ благодарность за его гостепріимство и для огражденія его отъ непріятныхъ случайностей выдалъ ему „либертацію". Охранную грамоту эту онъ выразилъ желаніе тутъ же написать. Началъ онъ дѣло съ подписи и подписался генераломъ Быловымъ, сказавъ, что такъ велѣла ему впредь называться русская императрица. Текстъ же либертаціи былъ вслѣдъ затѣмъ написанъ такой: Libertacya daná popowi Pohorylskiemu od tegoż Szwaczki. Byl zdes Josef Szwaczka w domu u przewielebnego xiędzia Kornalyia Plisowskiego w Pohoryley. Ten będący ubogim zawolany iest u nayiasnieyszey Monarchini carowey Katarzyny Alexyiowny Generalem Bylowym, źadney krzywdy nie wczynil tylko odpoczol y poszedl ubogą".

Пока все это совершалось въ домѣ каплана, разсвѣло, и капланъ поторопился донести о своемъ странномъ гостѣ въ погорильскій дворъ, гдѣ „диспозиторомъ" состоялъ московскій по-

ручикъ Карабинернаго полка. Услышавъ про гультая, поручикъ вытребовалъ его къ себѣ, причемъ посланные поручика нашли Мытинскаго уже не у каплана, а въ корчмѣ. Послѣ краткаго допроса поручикъ отправилъ его подъ стражей къ другому своему товарищу въ с. Ягодинцы, а ягодинскій поручикъ въ свою очередь въ команду въ Меджибожъ (м. летичев. у., при впаденіи р. Бужка въ Бугъ, къ ЗСЗ отъ у. города), куда для очной ставки съ арестованнымъ былъ вытребованъ и обвинитель его, капланъ Плисовскій. Но послѣ допросовъ Мытинскій былъ русской командой отпущенъ: быть можетъ, тамъ нашли излишнимъ вторично задерживать человѣка, разъ онъ былъ отпущенъ на свободу кіевскими властями. Мытинскій же послѣ этого успѣлъ совершить новый рядъ похожденій и вновь попасть на судъ въ Кодню уже по обвиненію въ гайдамачествѣ.

Новыя его похожденія заключались, по его признанію, въ слѣдующемъ. Изъ Меджибожа попалъ онъ въ Любаръ (м. новградволынскаго у., на р. Случѣ, на Ю. отъ у. города) и тамъ повторялъ всѣ тѣ же похвальбы свои, что высказывалъ и въ Погориломъ. И въ Любарѣ опять объявилъ онъ себя братомъ Швачки, сбирающимъ большую ватагу противъ шляхты и жидовъ, но здѣсь впрочемъ еще добавлялъ, что съ ватагой своей онъ прежде всего разсчитываетъ напасть на турецкую границу, и что если турокъ на границѣ не окажется, то тогда уже займется вырѣзываніемъ шляхты и жидовъ. Похвальбы эти Мытинскій въ Любарѣ высказывалъ между прочимъ предъ студентами, ночуя въ тамошней школѣ, и студенты, слушая его и глядя на его невзрачную фигуру, по его собственному утвержденію, смѣялись надъ нимъ. Въ другихъ же мѣстахъ, по словамъ его, слушатели его гайдамацкихъ рѣчей начинали перешептываться между собой, и въ такихъ случаяхъ онъ, Мытинскій, спѣшилъ уйти по добру по здорову, боясь ареста. Но, очевидно, такіе слушатели, которымъ гаданія Мытинскаго о новой рѣзнѣ среди шляхты и жидовъ были непріятны, попадались не часто. По собственному его показанію, къ похвальбамъ именемъ Швачки и пятью тысячами заготовленныхъ гайдамакъ онъ прибѣгалъ между прочимъ потому, что его за это поили и кормили. „То

mowil aby mu wszędy dali iesc y pic", „chodzil ode wsi do wsi y to samo gadal, aby pil y iadl"—вотъ подлинныя слова Мытинскаго на судѣ.

И вотъ это-то свидѣтельство Мытинскаго о томъ, что всѣ его охотно слушали, когда онъ объявлялъ себя братомъ Швачки и говорилъ о сборахъ своихъ продолжать его дѣло, служитъ намъ яснымъ подтвержденіемъ того, что имя Швачки всѣхъ заставляло думать о возможности при помощи такихъ людей, какъ онъ, когда-нибудь избавиться отъ польско-жидовскихъ обидъ. То же имя Швачки давало поэтому бездомнымъ бродягамъ пріютъ и кусокъ хлѣба. А такое значеніе имѣютъ въ жизни только имена людей, произведшихъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ.

Дѣло Мытинскаго, замѣтимъ мимоходомъ, можетъ для насъ имѣть интересъ и въ другомъ отношеніи; изъ него мы узнаемъ, что близкіе родичи Швачки были родомъ съ Волыни; по крайней мѣрѣ Мытинскій, бывшій двоюроднымъ братомъ Швачки по матери (cioteczny brat) родился въ Красиловѣ (староконст. у., близь р. Случи, къ ЗЮЗ отъ у города). Не тамъ ли поэтому была и родина самого Швачки?

Не менѣе интереснымъ подтвержденіемъ мысли, что Швачка произвелъ глубокое впечатлѣніе на народъ, служитъ еще и другое дѣло, возникшее нѣсколько позже дѣла Мытинскаго на самой московской границѣ, въ Кіевщинѣ, вблизи нѣсколькихъ россійскихъ форпостовъ. Дѣло это извлечено нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія [1]) и заключается въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1768 года нѣсколько жителей прилегающихъ къ Кіеву селъ и нѣсколько кіевлянъ, пріѣхавъ въ Борщаговку (кіев. уѣзда) на тамошній монастырскій дворъ, вмѣстѣ съ жившимъ въ томъ дворѣ монахомъ Лопуцинскимъ устроили попойку, во время которой для потѣхи палили изъ ружей. Въ пьяной бесѣдѣ зашла у нихъ, между прочимъ, рѣчь о томъ, что въ праздникъ Зачатія Пресвятыя Богородицы въ польскомъ селѣ Игнатовкѣ

[1]) Дѣло о грабежѣ въ имѣніяхъ польскаго князя Шуйскаго. Стр. 169—715.

предстоитъ большая ярмарка, и что на ярмаркѣ этой недурно бы пограбить жидовъ и пановъ. Монахъ Лопуцинскій поддержалъ въ перепившихся гультаяхъ зародившуюся мысль о грабежѣ и рѣзнѣ—и они, не долго думая, на подводѣ, тутъ же добытой Лопуцинскимъ, двинулись на польскую сторону. Предъ переправой чрезъ границу близъ бѣлогородскаго форпоста они предпочли не спѣшить и передохнуть, при чемъ снова выпили у тамошняго монаха-шафаря; видѣлся тутъ съ ними и бѣлогородскій молодой попъ. Попъ этотъ, вслѣдъ за тѣмъ, раньше гайдамакъ перешелъ черезъ форпостныя рогатки и явился на игнатовскую ярмарку; тамъ онъ, разсказывая съ жидами, договорился между прочимъ и до такой фразы: „я бы вамъ нѣчто сказалъ, но не могу, вскорѣ увидите". И, дѣйствительно, жиды вскорѣ увидѣли это нѣчто. Въ самую середину ярмарки въѣхали на нѣсколькихъ подводахъ человѣкъ двадцать полупьяныхъ вооруженныхъ гайдамакъ. Конечно, ихъ переѣзду черезъ границу въ польскіе предѣлы долженъ былъ бы помѣшать форпостный гарнизонъ въ Бѣлогородкѣ, но этого не случилось. Когда форпостному начальнику поручику Лярскому, пьяному и на этотъ разъ какъ всегда, донесли, что идутъ гайдамаки, то онъ только отвѣтилъ: „пускай идутъ!"—и даже не поднялся на ноги, а остался лежать; солдаты же его не только не сочли нужнымъ по собственному почину помѣшать гультаямъ поживиться на счетъ польскихъ жидовъ и пановъ, но даже дополнили вооруженіе ихъ, поотдававъ имъ копья свои и ружья. Явясь въ Игнатовку, гайдамаки первымъ дѣломъ столкнулись съ молодымъ бѣлогородскимъ попомъ, и онъ, по показанію одного изъ захваченныхъ потомъ русскою властью участниковъ дѣла, „благословилъ имъ грабить". Само собою разумѣется, на ярмаркѣ съ появленіемъ гайдамакъ поднялась и между торговцами, и между пріѣхавшими покупателями невѣроятная паника; но переполошившихся гайдамаки стали успокаивать, объявляя всѣмъ и каждому, что „греческаго исповѣданія людямъ никакой обиды не учинятъ". Послѣ этого многіе, кинувшіеся было бѣжать на русскую сторону, остались въ Игнатовкѣ.

Гайдамаки однако и теперь не сразу принялись за разгромъ. Первымъ дѣломъ они сочли нужнымъ прочесть всенародно указъ, дозволяющій имъ рѣзать шляхтичей и жидовъ; указъ былъ врученъ какому то дьяку, и тотъ громогласно прочелъ его. Тогда то началась рѣзня и грабежъ. Изъ погребовъ выкочены были бочки съ водкой и ее пилъ всякій, кто хотѣлъ. Убито было не менѣе десяти жидовъ. Затѣмъ гайдамаки съ вновь приставшими къ нимъ ярмарочными гультаями послѣдовательно перебывали въ ближайшихъ къ Игнатовкѣ селахъ—въ Гореничахъ, Лучанкѣ, Петрушахъ, Шпиткахъ, Некрашахъ, повсюду оставляя кровавые слѣды. Было не мало звѣрскихъ поступковъ. Такъ, Несторъ, служитель ктитора бѣлогородскаго, „будучи гораздо уже пьянъ", лежавшаго близъ шинка повитого ребенка полѣномъ убилъ, а потомъ кинулся бить полѣномъ же ранѣе убитую мать ребенка—арендарку шинка изъ ненависти, какъ сказано въ казенной бумагѣ. А одинъ молодой еврейчикъ не былъ добитъ сразу, и нѣкоторые видѣли, какъ онъ, „кишки за собою волоча и глаза необыкновенно выставля", кричалъ: „добейте меня"; нашелся какой то Лаврентьевъ и изъ жалости ударилъ его дубиной по головѣ, чѣмъ прекратилъ страшныя мученія его. Изъ шляхтичей подвергся крайней свирѣпости губернаторъ с. Гореничъ—Горлинскій: его сперва нещадно били и кололи, а потомъ ватажокъ застрѣлилъ его изъ пистолета.

Въ грабежѣ, который особенно силенъ былъ въ Игнатовкѣ, принимали участіе не одни гайдамаки, но и ярмарковые гости. Въ числѣ послѣднихъ, былъ, между прочимъ, самъ форпостный поручикъ Лярскій; онъ счелъ удобнымъ взять себѣ въ жидовской лавкѣ три пуда свѣжаго сала. Но особенно не положилъ охулки на руки въ данномъ случаѣ молодой бѣлогородскій попъ: онъ взялъ себѣ большой винокуренный котелъ съ трубами, оловянную посуду, шабашковые подсвѣчники и жидовскія „богомилья", шелковые нагрудники, подушки; сверхъ того, сами гайдамаки дали ему деньгами одинъ рубль за его благословеніе грабить, да еще много хлѣба на бѣлогородскую церковь.

Во всей этой исторіи много воодушевленія придало гайдамакамъ не что иное, какъ имя Швачки. Имя это принялъ на

себя ватажокъ напавшихъ на Игнатовку. Изъ показаній разныхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу объ игнатовскомъ побоищѣ, мы узнаемъ о разглашеніи бѣлогородскимъ городничимъ монахомъ шафаремъ еще за три недѣли до рѣзни о томъ, что „всемилостивѣйшая государыня гайдамацкаго предводителя Швачку изъ-подъ караула соизволила повелѣть выпустить и полковникомъ пожаловать, давъ ему власть поляковъ и жидовъ смертью казнить, и что ему Швачкѣ два ордена даны отобранные отъ генерала-губернатора кіевскаго, по приказанію котораго оной Швачка наказанъ кнутомъ, носъ и уши рваны, за что ему губернатору голова долой". Изъ тѣхъ же показаній узнаемъ, что ватажокъ напавшихъ на Игнатовку собственно назывался Заяцъ, имя же Швачки принялъ на себя по внушенію бѣлогородскаго шафаря. По общему утвержденію, только благодаря такому имени, вокругъ Зайца въ короткій срокъ могла образоваться значительная ватага.

Въ заключеніе, въ виду того, что въ личности Швачки отрицательныя черты перепутывались съ положительными, интересно было бы опредѣлить, какія же изъ этихъ чертъ въ его личности наиболѣе сильное впечатлѣніе производили на его современниковъ. Отвѣтомъ на такой вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ намъ послужить сохранившаяся пѣсня народная объ этомъ дѣятелѣ. Въ ней народъ скорбитъ о его гибели, „по ёму засмутылась уся Украина", наконецъ величаютъ его въ ней „батькомъ".

Вотъ эта пѣсня [1]):

Ой, на козаченькивъ на молоденькихъ
Прыгодонька стала,
Що у середу да у въ обиди,
Ихъ Москва забрала.
Ой, якъ крыкнувъ батько Швачка:
„Гей, изъ коней до долу!
Гей, не даймося, панове-молодци
Да у тяжкую неволю!"
А москалыки та недурныи
Да разуму добралы:

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 614.

Насамперѳдъ батька Швачку
Изъ осаулою звязалы.
Ой извязалы да попаровалы
Да на возы поклалы,
Изъ Богуслава до Билои Церквы
Ихъ у неволю забралы.
Ой, извязалы да попаровалы,
Ой, якъ голубци въ парци!
Ой, засмутылась уся Украина,
А якъ сонечко въ хмарци.
Ой, повезлы да батька Швачку
Да густымы лозамы;
Ой, оглянувся батько Швачка
Да й умывся сльозамы.
Ой вывезлы да батька Швачку
Да у чыстее поле;
Ой, оглянувся батько Швачка:
„Ой, тутъ мени горе!“

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА V.

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОХИЩЕНІЕ.

Пасмурное утро первыхъ августовскихъ дней нависло густымъ туманомъ надъ Кодакомъ и его окрестностями. И въ крѣпости, и въ жидовскихъ лавченкахъ всѣ еще спали; а за высокими скалами, окутанными туманами, какъ хищныя птицы, притаились козацкія чайки, пославшія впередъ развѣдчиковъ.

Тимошъ сидѣлъ въ одномъ изъ челновъ рядомъ съ Ганжею и Смольчугомъ, и въ воображеніи его живо рисовались только что пережитые страхи опаснаго путешествія. Что это было за путешествіе! Ихъ и крутило, и относило въ сторону, и не разъ заливало волнами, и подбрасывало кверху, и влекло въ глубь... Иногда казалось, не миновать имъ остроконечной скалы, на которую они неслись съ необыкновенною быстротою, но твердая рука ловкаго кормчаго у самой скалы поворачивала руль, и чайка проскальзывала мимо, слегка задѣвая о камень своею камышевою обшивкою... То вдругъ совершенно неожиданно они наскакивали на подводный камень, и лодка отъ полученнаго толчка вертѣлась на одномъ мѣстѣ, какъ подстрѣленная птица... То приходилось давать задній ходъ, чтобы искусно стороною обойти клокотавшій впереди водоворотъ и глубокіе омуты, спо-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г. № 2.

собные поглотить челнъ и разбить его въ щепы. По временамъ то одинъ, то другой гребецъ смѣнялся; и немудрено: даже этимъ желѣзнымъ рукамъ становилось не подъ силу справляться съ упрямымъ и прихотливымъ теченіемъ, ворочавшимъ тяжелые камни и отрывавшимъ отъ островов цѣлыя скалы. Длинныя крѣпкія весла гнулись подъ напоромъ волнъ, но привычныя мозолистыя руки упорно боролись съ волнами и выносили челнъ изъ опасныхъ стремнинъ.

— Что, братику, усталъ? тихо спросилъ Тимоша Смольчугъ, заглядывая въ блѣдное, тревожное лицо мальчика. Вотъ оно, что значитъ козакомъ сдѣлаться! За то ты теперь козакъ настоящій, любой курень приметъ тебя.—Тимошъ сознавалъ это и самъ. Во все время плаванія онъ ни разу не крикнулъ, какъ ни жутко приходилось ему подчасъ; только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ лодка чуть чуть не опрокинулась, наѣхавъ на подводный камень, онъ безсознательно схватился за руку Ганжи и прошепталъ: „Матка Божія, спаси и помилуй!“

Развѣдчики, вернувшись, донесли, что въ крѣпости всѣ еще спятъ, а въ жидовскихъ лачугахъ кое кто начинаетъ просыпаться.

— Теперь время! сказалъ Сулима, а то жиды какъ разъ пронюхаютъ и донесутъ въ крѣпость. Слушайте жъ, братове! Ни въ крѣпости, ни въ жидовскомъ гнѣздѣ никого не оставлять въ живыхъ, будь то хоть полудикая собака, чтобы никто не проскользнулъ и не донесъ коронному гетману. Поняли?

— Добре, пане атамане! отвѣчали козаки.

Тихо чайки подъѣхали къ берегу; въ полномъ молчаніи и стройномъ порядкѣ козаки сошли на берегъ и выстроились по куренямъ, оправляя сабли и готовя пистолеты. Крѣпость была отъ мѣста высадки шагахъ во ста, и ея темный силуэтъ неясно вырисовывался въ туманѣ.

Сулима подозвалъ Ганжу.

— Съ какой стороны главныя ворота? спросилъ онъ шепотомъ.

Ганжа указалъ ему жестомъ.

— А подъемные мосты?

— Вонъ тамъ! также шепотомъ отвѣчалъ старикъ. Ровъ широкій, но не слишкомъ глубокій,—прибавилъ онъ тихо,—а валъ высокій; но взлѣзть на него можно.

— Добре! сказалъ атаманъ.

Подозвавъ куренныхъ, Сулима отдалъ имъ приказанія:

— Большая часть двигается на крѣпость и аттакуетъ ее, меньшая оцѣпляетъ жидовскій кварталъ и никого не оставляетъ въ живыхъ!

— А рабочіе? нерѣшительно спросилъ одинъ изъ есауловъ: между ними есть и козаки...

— Все равно, всѣхъ изрубить: панскихъ хлоповъ намъ не нужно!

Ганжа съ Тимошемъ, Смольчугомъ и Злымъ попали во второй отрядъ. Въ то время, какъ Сулима и Павлюкъ бросились съ крикомъ къ крѣпостному валу, другой отрядъ подъ предводительствомъ Ганжи дружно оцѣпилъ тѣсно сплоченныя лавченки и въ нѣмомъ молчаніи съ саблями на-голо, выжидалъ приказанія куренныхъ рубить и колоть все живое.

Въ убогой избушкѣ Янкеля было все тихо. Тимошъ и Смольчугъ стояли у самаго окна, и первый съ любопытствомъ заглянулъ внутрь. Все было пусто, никого не было видно. У него отлегло отъ сердца: видно, онъ еще далеко не вполнѣ былъ козакъ; ему страшно было подумать, что эти люди, которыхъ онъ нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ живыми, теперь будутъ плавать въ крови. Между тѣмъ въ сосѣдней лавченкѣ пріотворилась дверь, и испуганная голова съ длинными пейсами выглянула на улицу. Въ этотъ же моментъ раздался условный кличъ куренныхъ:

— Бей ихъ! Не жалѣть поганыхъ жидовъ: они наши кровопійцы и грабители!

Въ одинъ мигъ десятки козаковъ ворвались въ каждую лавченку; все смѣшалось, спуталось; отовсюду неслись пронзительные крики, вопли, стоны. Вонъ изъ окна низенькой лачужки въ предсмертномъ ужасѣ выскочила немолодая еврейка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ; одной рукой она зажимаетъ рану въ груди, другою прижимаетъ къ себѣ ребенка; за нею никто не гонится—

козаки добивали оставшихся въ избушкѣ—но она съ дикими воплями бѣжитъ, спотыкается, подымается и снова бѣжитъ далѣе.

Изъ другаго домишка выскочило все семейство: отецъ, мать, четверо дѣтей и трое рабочихъ, ночевавшихъ у нихъ. Козаки погнались за ними и, настигая поочередно каждаго изъ нихъ, убивали съ дикимъ наслажденіемъ, торопясь къ другимъ жильямъ, откуда уже высыпалъ обезумѣвшій отъ страха народъ.

Ганжа, Смольчугъ и Тимошъ по данному сигналу тоже вбѣжали въ избу Янкеля. Ганжа перерылъ всѣ пуховики, все тряпье, всю солому, лежавшую подъ лавкою,—нигдѣ ничего не было. Онъ въ досадѣ стукнулъ ногою объ полъ.

— Вотъ то вражья сила! крикнулъ онъ. Куда жъ эти нехристи сгинули?

Приказавъ Смольчугу и Тимошу стеречь избу, онъ вышелъ изъ дверей, обошелъ вокругъ, заглянулъ подъ телѣгу, обшарилъ уголки убогой клѣтушки, даже поболталъ саблей въ чану съ помоями; но нигдѣ никого не оказалось. Тимошъ въ это время съ ужасомъ смотрѣлъ въ окно, какъ рѣзали и кололи людей—и ему отвратительною показалась эта бойня.

— Панъ Смольчугъ, а панъ Смольчугъ! обратился онъ къ молодому козаку, задумчиво облокотившемуся на саблю: это и всегда такъ бываетъ?

— Что? съ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— Да битва! отвѣтилъ мальчикъ, показывая рукой въ окно.

— Какая это битва! съ презрительной улыбкою отвѣчалъ Смольчугъ. Это рѣзня; перекрошатъ ихъ всѣхъ, какъ барановъ, и дѣлу конецъ.

— Зачѣмъ же ихъ крошить? допытывался мальчикъ. Они не помѣшали бы взять крѣпости.

— Они убѣжали бы къ полякамъ.

— Такъ можно было бы ихъ связать.

Смольчугъ только махнулъ рукой.

— Такъ нужно, такъ всегда дѣлаютъ, отвѣчалъ онъ, неопредѣленно смотря вдаль.

— Ну, братику! утекъ, видно, Янкель—сказалъ вошедшій Ганжа, обращаясь къ Смольчугу. Пойдемъ-ка, поищемъ другой

добычи! А ты, хлопецъ, оставайся здѣсь и жди насъ: тебѣ еще рано въ крови купаться; чего добраго, еще сомнутъ въ свалкѣ.

Смольчугъ неохотно пошелъ за Ганжею. Въ битвѣ на открытомъ полѣ онъ всегда былъ изъ первыхъ; но эта безпощадная, нелѣпая рѣзня и его не удовлетворяла, какъ и Тимоша.

Тимошъ остался одинъ. Его не удовлетворялъ отвѣтъ Смольчуга: „такъ надо; такъ всегда бываетъ".—„Зачѣмъ надо? можно бы и безъ этого обойтись"—шевелилось у него въ головѣ. Онъ не хотѣлъ смотрѣть въ окно, и все-таки какое-то странное любопытство влекло его къ окну. Видя окровавленныя тѣла, отрубленныя головы, онъ чувствовалъ отвращеніе и все-таки не могъ оторвать отъ нихъ своихъ взоровъ. Вдругъ ему послышался въ тишинѣ какой-то странный звукъ подъ поломъ, точно пискъ мыши, или стонъ, или плачъ ребенка. Онъ прислушался: все тихо. Онъ сжалъ въ рукѣ саблю и внимательно сталъ осматривать полъ, стѣны, углы и закоулки бѣдной лачуги.

„Когда могъ Янкель убѣжать?"—думалъ онъ. „Кажется, они все время стояли около избушки и не видѣли, чтобы кто нибудь изъ нея выходилъ".

У задней стѣны выдавалась небольшая печь, слѣпленная изъ глины пополамъ съ пескомъ. Между печью и стѣной оставалось небольшое пространство, темный уголъ, куда едва могъ пролѣзть одинъ человѣкъ. Тимошу казалось невѣроятнымъ, чтобы тамъ могъ кто-нибудь спрятаться, но онъ пролѣзъ и въ этотъ уголъ. Въ эту минуту ему ясно послышался подъ землею плачъ ребенка. Онъ быстро припалъ ухомъ къ полу и отчетливо услышалъ какой то шелестъ, не то шепотъ, не то человѣческіе шаги. Онъ внимательно осмотрѣлъ полъ и замѣтилъ, что двѣ доски за печкою не соединялись съ остальными. Когда онъ ихъ попробовалъ рукой, онѣ какъ будто подались; онъ сдѣлалъ еще небольшое усиліе, и доски приподнялись, а подъ ними оказалось пустое пространство, нѣчто въ родѣ подвала. Недолго думая, однимъ прыжкомъ онъ соскочилъ въ подвалъ; его волновали противоположныя чувства. Онъ гордился, что перехитрилъ Янкеля и нашелъ его убѣжище, и жалѣлъ его. „И его, и черноглазую Хайку, и всѣхъ ихъ ребятъ также изрубятъ и искро-

шатъ, какъ остальныхъ жидовъ“, думалось ему. Онъ осмотрѣлся; слабая полоса свѣта проникала въ открытый люкъ, и черезъ минуту онъ уже ясно различалъ у противоположной стѣны подвала испуганную Хайку, старавшуюся унять груднаго ребенка. При появленіи Тимоша она еще больше съежилась и заслонила собою остальныхъ ребятъ.

— А гдѣ же Янкель? подумалъ Тимошъ; но Янкеля нигдѣ не было видно. Жидовка узнала Тимоша и задрожала при видѣ его обнаженной сабли. Тимошъ это замѣтилъ и гордо вложилъ саблю въ ножны. Въ немъ шевельнулось непонятное чувство жалости къ этой беззащитной женщинѣ и маленькимъ, худенькимъ копошившимся за ея спиною дѣтямъ. Если бы теперь самъ старый дидъ вздумалъ убить ее, Тимошъ сталъ бы ее защищать.

— Не погубите, панычу! шептала Хайка, бросаясь на колѣни.

— Не бойся, я ничего тебѣ дурнаго не сдѣлаю,—важно отвѣтилъ козакъ. А гдѣ же твой мужъ?

— Янкеля нѣтъ,—съ безпокойствомъ отвѣтила женщина: онъ уѣхалъ. Да поможетъ ему всемогущій Богъ, услышитъ мои молитвы Іегова, да задержитъ его подольше въ городѣ! Не погубите насъ, панычу, не выдайте!—со слезами молила она, ползая по полу.

— Добре, добре! Сиди тутъ. Я сейчасъ уйду и закрою твое подполье.

Онъ осторожно выбрался на свѣтъ, прикрылъ доски и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ у окна.

На улицѣ уже перемѣнилась картина. Все населеніе жидовскихъ лачужекъ было уже перебито. Козаки шныряли изъ хаты въ хату и съ тріумфомъ тащили, кто горилку, кто медъ, кто съѣстное, складывая все въ одну кучу передъ своими куренными.

Въ крѣпости въ это время происходило побоище. Пользуясь густымъ туманомъ, козаки безъ труда взобрались на валъ, заклепали пушки, перебили стражу и теперь хозяйничали въ крѣпости, добивая гарнизонныхъ солдатъ, прятавшихся по угламъ. Нападеніе было столь внезапно, что полковникъ Маріонъ, разбуженный перепуганнымъ часовымъ, въ первую минуту не повѣрилъ его разсказамъ о ворвавшихся въ крѣпость козакахъ.

— Вы видѣли это во снѣ,—сказалъ онъ ему, протирая глаза: этого быть не можетъ!

Но въ этотъ моментъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ подъ самыми окнами его спальни. Тогда онъ вскочилъ, быстро одѣлся и выбѣжалъ вмѣстѣ съ часовымъ изъ своей квартиры съ крикомъ:

— Къ оружію! Къ оружію!

Но было уже поздно. Что могъ сдѣлать гарнизонъ въ двѣсти человѣкъ противъ вдесятеро превосходящаго врага, какъ лава ворвавшагося въ крѣпость. Закаленные въ бою французы, видавшіе не одну битву, и ихъ почтенный начальникъ дорого продавали свою жизнь. Сплотившись въ небольшую кучку у внутренней стѣны крѣпости, они нѣсколько разъ отражали наступающихъ на нихъ козаковъ.

— Ишь, черти! Какъ славно дерутся, даромъ что нехристы!

— Взять бы ихъ живьемъ! проговорилъ кто то.

— Слыхалъ, что атаманъ не приказывалъ! возразило нѣсколько голосовъ. Бей, коли! Что на нихъ смотрѣть!

Дружный натискъ козаковъ сломилъ наконецъ храбрецовъ. Полковникъ палъ однимъ изъ первыхъ подъ ударами козацкихъ сабель; за нимъ пали и остальные. Раненыхъ добивали ружейными прикладами или рубили имъ головы. Козаки особенно щеголяли другъ передъ другомъ умѣньемъ рубить головы, стараясь однимъ ударомъ отдѣлить голову отъ туловища. Наконецъ всѣхъ прикончили. Атаманы обтерли свои сабли о складки шароваръ.

— Ухъ, братцы! всею грудью вздохнулъ Павлюкъ, выпрямляя свои мощныя руки и расправляя пальцы. Важкая была работа, даже жарко стало. Надо послать кого-нибудь къ остальнымъ козакамъ; пусть бросятъ жидовъ и идутъ сюда въ крѣпость.

— Да! подхватилъ Сулима; пусть всѣ соберутся,—здѣсь будетъ чѣмъ попировать.

Вѣсть объ одержанной побѣдѣ живо облетѣла весь таборъ. Козаки захватили награбленную у жидовъ добычу и поспѣшили въ крѣпость. Когда Ганжа и Смольчугъ вышли изъ хаты, Тимошъ позамѣшкался, дѣлая видъ, что ищетъ шапку. Давъ имъ

отойти нѣсколько шаговъ, онъ быстро подошелъ къ люку, приподнялъ доски и шепотомъ спросилъ, заглядывая внизъ:

— Ты будешь сидѣть здѣсь, Хайка?

— Не знаю, нерѣшительно отвѣтила еврейка: дѣти ѣсть просятъ.

— Сиди тутъ! Я принесу тебѣ чего нибудь, улучивъ минуту.

— Великъ Іегова! Есть же еще добрые хлопцы на свѣтѣ!

Но Тимошъ ея уже не слышалъ; онъ вприпрыжку бѣжалъ за козаками, нахлобучивая на ходу шапку и стараясь не смотрѣть на валявшіеся всюду трупы. Подъемный мостъ былъ теперь спущенъ, и у самаго входа въ крѣпость они встрѣтили Ивана Злого.

— Эй, хлопче! Ты откуда взялся? кричалъ ему Ганжа. Мы тебя съ Смольчугомъ искали, а ты какъ сквозь землю провалился.

— Чи я дурень, что буду жидовъ бить? засмѣялся Злой. Тутъ у насъ работа была почище.

— Да, вѣдь, атаманъ тебѣ велѣлъ идти съ нами!

— Ну, и велѣлъ, а я взялъ и утекъ.

— Ой, хлопче! не сносить тебѣ головы за твое своевольство!— съ укоризною проговорилъ Ганжа.

Иванъ улыбнулся и почесалъ чубъ; его коренастая фигура дышала какимъ то дикимъ разгуломъ и весельемъ. Окровавленныя руки, кровью забрызганное лицо, взъерошенный чубъ и торчавшіе во всѣ стороны усы придавали ему звѣрскій видъ; Тимошъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ него.

— Что воротишься отъ меня, хлопче? Чи не любъ тебѣ Ивашко? Погоди, полюбишь!

Онъ пошелъ за ними слѣдомъ, стараясь не упускать ихъ изъ виду.

Далеко за полночь длилось шумное веселье: горилки оказалось много, больше, чѣмъ ожидали; нашелся цѣлый погребъ прекраснаго французскаго вина. Но пьяные козаки не понимали въ немъ толку; они отбивали у бутылокъ горлышки, сливали всевозможные сорты въ одну бочку, размѣшивали все это съ горилкой и черпали эту смѣсь кто ковшемъ, кто кружкой, а кто и просто грязною окровавленною рукою.

Атаманъ не вмѣшивался въ дѣла разгульной толпы. Окруженный старшинами, онъ держался въ сторонѣ, предоставляя своимъ воинамъ полную свободу. Ему нечего было бояться, онъ зналъ, что желѣзною рукою можетъ сразу прекратить это разгульное веселье, подавить эту безшабашную свободу. Въ походѣ онъ былъ полновластный господинъ своевольнаго Запорожья; по одному его слову могли мигомъ слетѣть десятки буйныхъ головъ. Только около полуночи Тимошу удалось ускользнуть отъ полупьянаго Ганжи, растянувшагося на своей буркѣ. Мальчикъ уже заранѣе набилъ карманы, чѣмъ только могъ. За пазухой просторнаго козакина онъ спряталъ бутылку вина, бѣлый хлѣбъ, ломти жареной баранины, а въ карманы шароваръ наложилъ лепешекъ, ржаныхъ сухарей, луку и кукурузы. Проскользнувъ между пирующими, онъ ловко перебрался черезъ валъ, спустился въ ровъ и побѣжалъ къ избушкѣ Янкеля, храбро шагая и перескакивая черезъ окоченѣвшіе трупы. Занятый мыслью поскорѣе накормить голодныхъ дѣтей Хайки, онъ почти не замѣчалъ ужасныхъ вытаращенныхъ глазъ и оскаленныхъ зубовъ, блестѣвшихъ на яркомъ лунномъ свѣтѣ. Запыхавшись, вбѣжалъ онъ въ хату, открылъ люкъ и шепотомъ позвалъ Хайку.

Къ великому его изумленію изъ люка высунулась испуганная голова Янкеля.

— А, ты вернулся! сказалъ Тимошъ.

— Я и не уѣзжалъ, добрый панычу! Я сидѣлъ вонъ тамъ въ ямѣ подъ соломой, сказалъ онъ, показывая въ уголъ подвала. Я все слышалъ.

— Такъ зачѣмъ же Хайка мнѣ сказала, что ты уѣхалъ?

— Дура баба, больше ничего; со страху! презрительно процѣдилъ Янкель.

— Ну, ужъ и ты храбрецъ! хотѣлъ сказать Тимошъ, но удержался.

Онъ поторопился передать Янкелю все принесенное и побѣжалъ назадъ. Теперь ему стало жутко. Возбужденіе прошло. Каждый мертвецъ, казалось, ожилъ, шевелился, таращилъ глаза, и Тимошъ не зналъ куда дѣться; обходилъ лачуги, лѣпился по задворкамъ; но и тамъ натыкался на трупы, обезображенные

козаками. Онъ уже почти достигъ рва, какъ вдругъ изъ-за угла послѣдней лачуги наскочило на него что то огромное, неуклюжее; онъ почувствовалъ себя въ чьихъ-то крѣпкихъ рукахъ и, поднявъ голову, увидѣлъ себя въ рукахъ Ивана Злого.

— Что тебѣ отъ меня нужно? крикнулъ было Тимошъ; но Иванъ зажалъ ему ротъ рукою и со словами: „молчи щенокъ! я тебя научу, какъ батька не слушаться!", сталъ опутывать его веревкою, переброшенною черезъ плечо. Вдругъ изъ-за края оврага тихо поднялась огромная фигура, и мощная рука схватила Злого за плечо.

— Ты что дѣлаешь, бисовъ сынъ! прогремѣлъ голосъ Павлюка.

Ошеломленный Иванъ бросилъ Тимоша и вскочилъ на ноги. Оба козака смѣрили другъ друга съ головы до ногъ.

— А тебѣ что за дѣло? злобно отозвался Иванъ.

— Отвѣчай, или я тебя научу говорить!—прогремѣлъ Павлюкъ, наступая на Злого.

— Ого! руки то и у меня есть, да и сабля еще не заржавѣла!—крикнулъ Иванъ, засучивъ рукава и выхвативъ саблю.

Павлюкъ презрительно передернулъ плечами.

— Если бы ты не былъ такое животное, я бы, пожалуй, помѣрялся съ тобою силою; а такихъ бездѣльниковъ, какъ ты, берутъ за шиворотъ и вздергиваютъ.

Съ этими словами онъ ловкимъ ударомъ кулака вышибъ у него саблю изъ рукъ, схватилъ его за воротъ козакина, тряхнулъ въ воздухѣ и бросилъ о земь. Отъ этого удара Злой потерялъ сознаніе, а Павлюкъ не спѣша вытащилъ изъ-за пояса крѣпкую веревку, сплетенную изъ ремней и связалъ ему руки и ноги.

— Вотъ такъ то, лежи здѣсь, пока я моего хлопца освобожу!

Онъ распуталъ Тимоша и поставилъ его на ноги.

— За что онъ тебя связалъ? спросилъ онъ его.

— Не знаю! едва проговорилъ испуганный Тимошъ.

— Какъ же ты тутъ очутился?

— Такъ, погулять пошелъ! отвѣчалъ уклончиво мальчикъ, стараясь не глядѣть въ ястребиныя очи козака.

— Гм, гм!—недовѣрчиво промычалъ Павлюкъ. Странное гулянье ночью между убитыми жидами! Ну, да все это мы уз-

наемъ. Я какъ разъ развяжу языкъ этому пучеглазому уроду, а теперь, хлопецъ, пора тебѣ спать; твой дидъ давно уже на всю крѣпость храпитъ!

Съ этими словами онъ взвалилъ себѣ на плечи Ивана и зашагалъ, какъ ни въ чемъ не бывало къ крѣпости, по временамъ потряхивая на плечахъ свою ношу. Тимошъ поплелся за нимъ и въ душѣ искренно желалъ провалиться сквозь землю.

ГЛАВА VI.

СУДЪ.

На другое утро козаки не скоро протрезвились; имъ хотѣлось допить горилку и вино, хотѣлось обшарить убитыхъ, ограбить всѣ уголки крѣпости, поискать золота и дорогого оружія; но грозный голосъ атамана прокричалъ: „въ путь!“ Двумъ-тремъ забуянившимъ было козакамъ атаманъ ловкимъ взмахомъ молодецкой сабли снесъ головы, и это сразу отрезвило остальныхъ. Всѣ молча разошлись по своимъ мѣстамъ, стройными рядами двинулись къ лодкамъ, человѣкъ по тридцать, по сорока взвалили ихъ себѣ на плечи и двинулись на встрѣчу обозу. Ивана Злого тоже потащили связаннаго, такъ какъ некогда было теперь имъ заняться.

Только что грозные запорожцы исчезли вдали, какъ изъ лачугъ мало по малу стали показываться головы. Увы! немного осталось въ живыхъ, мало кому удалось спрятаться отъ зоркихъ глазъ козаковъ, и только одна семья Янкеля оказалась въ полномъ составѣ, чему другіе не мало завидовали.

— Ой вей миръ, ой вей миръ! Что мы теперь будемъ дѣлать, бѣдныя мы, несчастныя! вопили женщины съ отчаяніемъ, разыскивая среди убитыхъ кто отца, кто мужа, кто брата.

Мужчины равнодушнѣе относились къ убитымъ; они знали, что раненыхъ между ними нѣтъ,—козаки всѣхъ прикончили; а о мертвыхъ они еще успѣютъ позаботиться. Прежде надо рѣшить вопросъ, кого послать къ пану гетману. Это порученіе было выгодное, но и опасное: опасное вслѣдствіе трудности

пути; выгодное потому, что панъ Конецпольскій щедро наградитъ за быстрое извѣстіе. Только что пережитое несчастіе, казалось, еще болѣе пробудило жадность къ наживѣ въ этихъ людяхъ; они спорили, торговались и никакъ не могли придти къ соглашенію; наконецъ, практичный Янкель предложилъ рѣшить споръ жребіемъ и подставилъ полу своего кафтана. Надкусанные гроши, перстни и другія бездѣлки быстро полетѣли туда; потомъ подозвали одну изъ женщинъ и велѣли ей вынуть. По странному стеченію обстоятельствъ жребій выпалъ Янкелю; на этотъ разъ ему больше везло, чѣмъ другимъ. Его сейчасъ же собрали въ путь, привели бродившую около разграбленной крѣпости тощую лошаденку, достали рваную уздечку, вмѣсто сѣдла подостлали обрывокъ какого то покрывала, и пантофельный почтарь былъ готовъ. Второпяхъ онъ едва успѣлъ отдать приказаніе Хайкѣ, чтобы она собирала всѣ пожитки, забирала дѣтей и ѣхала вслѣдъ за нимъ въ Польшу.

Оставшіеся въ живыхъ евреи одинъ за другимъ проскользнули въ крѣпость, гдѣ на ихъ долю осталась еще порядочная добыча.

Панъ коронный гетманъ только что всталъ съ постели и занимался своимъ туалетомъ, читая при этомъ какую то интересную книгу историческаго содержанія. Наукою панъ занимался въ качествѣ диллетанта, но зналъ, пожалуй, не менѣе иного ученаго, благодаря умѣнью группировать и сопоставлять факты. Красивое круглое лицо его съ большими умными глазами и съ длинною окладистою бородою носило отпечатокъ сосредоточеннаго вниманія, а бѣлая рука съ длинными выхоленными ногтями время отъ времени переворачивала страницы и спокойно опускалась на широкія складки домашней одежды.

— Можно войти? прозвучалъ сильный, звучный голосъ.

Не дожидаясь отвѣта, въ комнату вошелъ стройный юноша лѣтъ восемнадцати.

— Что тебѣ, Александръ? съ неудовольствіемъ спросилъ коронный гетманъ, и брови его сдвинулись. Онъ не любилъ, когда прерывали его утренній отдыхъ.

— Важныя вѣсти, отецъ! иначе я не рѣшился бы тебя потревожить.

Гетманъ закрылъ книгу.

— Что еще? Нынче каждый день надо ожидать важныхъ вѣстей. Богъ знаетъ, до чего мы дожили.

— Тамъ ждетъ тебя жидъ. Онъ увѣряетъ, что прискакалъ изъ-подъ Кодака, что козаки разгромили крѣпость, гарнизонъ и всѣ рабочіе вырѣзаны...

Конецпольскій вскочилъ съ мѣста.

— А полковникъ? спросилъ онъ тревожно.

— По разсказамъ жида всѣ погибли.

— Надо допросить его хорошенько; быть можетъ, онъ и лжетъ. Это совсѣмъ невѣроятно, такая прекрасная крѣпость, такой испытанный гарнизонъ и опытный комендантъ.

Въ волненіи, сильно заикаясь, зашагалъ панъ Станиславъ по комнатѣ. Его природный недостатокъ обнаруживался теперь въ полной силѣ. Не даромъ про него говорили, что панъ Станиславъ прежде разобьетъ, чѣмъ прикажетъ идти на бой. Онъ велѣлъ позвать Янкеля и заставилъ его подробно разсказать обо всемъ, происшедшемъ въ Кодакѣ.

— Прошу не разглашать до поры до времени о случившемся—сказалъ онъ Янкелю на прощаніе, сунувъ ему въ руку нѣсколько золотыхъ. Я провѣрю сообщенные слухи, и если они окажутся достовѣрными, можешь разсчитывать на мой кошелекъ.

Лице Янкеля вытянулось.

— Ясновельможный панъ не будетъ такъ немилостивъ къ бѣдному еврею,—низко кланяясь, попробовалъ заявить онъ:—козаки разграбили все мое имущество, я остался ни съ чѣмъ, а у меня жена, дѣти...

— Потерпи нѣсколько дней, пока слухи оправдаются,—твердо повторилъ гетманъ, важнымъ жестомъ руки показавъ, что еврей можетъ удалиться.

— Жадная христіанская собака! проворчалъ Янкель, выходя на улицу. Стоило скакать столько верстъ, загнать двухъ коней, чтобы получить нѣсколько золотыхъ. Не даромъ козаки вѣшаютъ и топятъ этихъ жирныхъ пановъ,—размышлялъ онъ,

опуская деньги въ карманъ.—Ну, да не уйдетъ онъ отъ меня; я изъ него выжму свою награду!

Панъ Станиславъ кликнулъ дежурнаго дневальнаго и приказалъ послать гонцевъ за козацкими сотниками Богданомъ и Ильяшемъ. Потомъ присѣлъ къ письменному столу и написалъ письма къ пану Киселю и пану канцлеру Оссолинскому, потеръ руки съ видомъ довольства и проговорилъ про себя:

— Хитры эти козаки, но мы ихъ возьмемъ тоже хитростью, и они попадутъ къ намъ въ ловушку.

Въ козацкомъ таборѣ допрашивали Ивана Злого. Въ небольшомъ четырехугольникѣ, образованномъ окопами, наскоро вырытыми привычною козацкою рукою, въ самомъ центрѣ обоза собралась теперь рада. Сулима сидѣлъ на опрокинутомъ боченкѣ; надъ головой его развѣвалось воткнутое въ землю козацкое красное знамя. Подлѣ него, тоже на боченкѣ, сидѣлъ писарь со всѣми своими аттрибутами: почтенныхъ размѣровъ чернильницею, большимъ листомъ толстой грубой бумаги, печатью, воскомъ и огаркомъ восковой свѣчи. Тутъ же стояла и остальная козачья старшина съ бунчукомъ и булавою. Противъ старшины расположились курени со своими куренными атаманами, опиравшимися на толстыя палицы и имѣвшими на плечахъ короткія мѣховыя мантіи. Довбиши ударили въ котлы. Сулима принялъ булаву и приказалъ привести Ивана Злого, помѣщеннаго въ одну изъ ближнихъ палатокъ. Его привели и поставили среди полукруга. Съ лѣвой стороны сталъ Тимошъ, съ правой—Павлюкъ въ качествѣ обвинителя. Лицо Злого осунулось и поблѣднѣло, глаза безпокойно перебѣгали съ одного предмета на другой. Онъ искалъ случая улизнуть, и державшіе его дюжіе козаки не сводили съ него глазъ.

— Карпо Павловичъ Гудзанъ! торжественно произнесъ Сулима, обращаясь къ Баюну:—что имѣешь ты сказать про козака Ивана Злого и въ чемъ его обвиняешь?

— Козакъ Злой, началъ Баюнъ съ разстановкою, учинилъ насиліе надъ сыномъ славнаго козака Богдана Хмельницкаго,

лично извѣстнаго и мнѣ, и тебѣ, атаманъ; онъ связалъ его съ явнымъ намѣреніемъ причинить ему зло.

Писарь записалъ показаніе обвинителя; атаманъ обратился къ Злому.

— Что имѣешь ты сказать въ свое оправданіе, принимаешь ли ты обвиненіе Гудзана?

— Не принимаю,—отвѣтилъ Злой, стараясь казаться спокойнымъ.—Да будетъ вѣдомо всему войску запорожскому, что малый хлопецъ этотъ спознался съ жидами. Я выслѣдилъ его, какъ онъ ходилъ въ корчму жида Янкеля и слышалъ, какъ онъ тамъ перешептывался съ жидами; за то я его и связалъ.

Если бъ на козаковъ ударили изъ яснаго неба громъ и молнія, они не такъ бы удивились, какъ услышавъ о предательствѣ Тимоша.

— Брешетъ онъ, вражій сынъ! вскрикнулъ Ганжа, выскакивая впередъ. Не можетъ этого быть, вывернуться хочетъ, обѣлиться.

Сулима махнулъ на старика булавою, и тотъ ворча отступилъ къ своему куреню.

— Карпо Павловичъ, гдѣ ты нашелъ ихъ? обратился атаманъ къ Баюну.

— За рвомъ, у жидовскихъ лачугъ.

— Какъ ты туда попалъ, хлопецъ? обратился атаманъ къ Тимошу.

Тимошъ поблѣднѣлъ, смутился и, видимо, колебался отвѣчать. Павлюкъ подошелъ къ нему, положилъ свою мозолистую руку на голову и ласково проговорилъ:

— Не бойся, сынку! Выложи пану атаману всю свою душу. Я съ тобою и въ обиду тебя никому не дамъ.

Тимошъ благодарно глянулъ въ нагнувшееся къ нему лицо и тихо нетвердымъ голосомъ проговорилъ:

— Я не спознавался съ жидами, а только мнѣ было ихъ жалко: голодные они сидѣли, и ребятишки плакали,—вотъ я и снесъ имъ поѣсть и попить.

Послѣ минутнаго молчанія козаки зашумѣли. Услышавъ признаніе Тимоша, Ганжа даже крякнулъ съ досады:

— Ишь, бисовъ сынъ! что выдумалъ! жидовъ кормить! А они зашлепаютъ въ своихъ пантофляхъ до ляховъ, да и приведутъ на насъ ляшское войско. Вотъ ужъ навязалъ я себѣ заботу на шею; нехай бы тебя вѣдьмы съѣли!

Голоса раздѣлились: кто былъ за Тимоша, кто оправдывалъ Злого, находя, что онъ поступилъ такъ, какъ слѣдуетъ. Завистники Баюна воспользовались случаемъ и, поглядывая на него, съ недоброжелательствомъ говорили:

— Небось, къ другимъ строгъ! а самъ, не разобравши дѣла, какую кашу заварилъ. Пускай бы козакъ поучилъ хлопца, впередъ не сталъ бы соваться, куда его не спрашиваютъ.

Павлюкъ сурово молчалъ, изъ-подлобья посматривалъ на всѣхъ, крутя свой густой усъ. Онъ время отъ времени пытливымъ проницательнымъ взоромъ окидывалъ Злого, и тотъ невольно ежился подъ этимъ взглядомъ.

— Карпъ Гудзанъ! обратился Сулима къ обвинителю:—что имѣешь сказать намъ, берешь ли назадъ обвиненіе?

— Браты запорожцы!—началъ Павлюкъ, сложивъ руки на груди и обводя взоромъ все собраніе:—и ты, храбрый атаманъ нашъ! не одинъ годъ вы знаете Баюна Полуруса, не въ первый разъ вы слушаете его совѣтовъ. Повѣрьте же ему, други, и теперь: недобрый козакъ стоитъ передъ вами и брешетъ онъ, вражій сынъ; по глазамъ его вижу, брешетъ. Разсудите вы только вотъ что. Онъ говоритъ, что слышалъ, какъ Тимошъ перешептывался въ хатѣ съ жидами. Если онъ дужій козакъ, зачѣмъ же онъ пошелъ слѣдомъ за хлопцемъ, который бы все равно никуда отъ насъ не ушелъ. И зачѣмъ онъ, лихо его возьми, не вошелъ въ хату и не перерѣзалъ все жидовское отродье? Спрашиваю васъ, панове козаки, зачѣмъ ему было вязать хлопца?...

Сулима одобрительно кивнулъ головою, и послѣ минутнаго молчанія толпа загудѣла на иной ладъ.

— А и то правда! кричали козаки:—допроси его, батько, отчего онъ не перерѣзалъ жидовъ?

— Оттого, братове, продолжалъ Павлюкъ, что онъ самъ шпіонъ! Нечего на меня коситься, какъ сѣрый волкъ!—обратился

онъ къ Злому. Ты бы хлопца то связалъ да и утекъ съ нимъ о ляховъ. Признавайся-ка, братику, я тебя насквозь вижу!

Толпа загудѣла.

— Допроси его, пане атамане! А не признается, батогами его,—може и скажетъ.

— Признавайся! обратился атаманъ къ Ивану.

Иванъ упорно молчалъ. Но десятки рукъ его уже схватили, собираясь подвергнуть пыткѣ.

— Смилуйся, пане атамане! взмолился онъ вдругъ, увидавъ надъ обнаженною спиною взвившіеся батоги. Не надо меня пытать, я и такъ все скажу.

Прерывающимся голосомъ покаялся онъ въ своихъ намѣреніяхъ, разсказалъ о порученіи Хмельницкаго и о томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крѣпости у него ужъ былъ приготовленъ осѣдланный конь, котораго онъ заранѣе вывелъ изъ крѣпостныхъ конюшенъ.

— Подъ шибеницу его! загудѣла рада. Въ землю зарыть живьемъ! Батогами забить до смерти!

Но густой голосъ Гудзана повелительно пронесся надъ толпой, и всѣ сразу замолкли. Авторитетъ его въ одну минуту возросъ, и тѣ, кто говорилъ противъ него, поспѣшили затеряться въ заднихъ рядахъ.

— Козакъ этотъ мой! коротко отрѣзалъ онъ. Я его обвинилъ, я и берусь расправиться съ нимъ; а кто его тронетъ пальцемъ, тотъ будетъ считаться со мною. Позволяешь ли мнѣ, атамане? обратился онъ къ Сулимѣ.

Атаманъ утвердительно кивнулъ головою и опустилъ булаву.

Было уже довольно поздно; всѣ разошлись по палаткамъ, а Павлюкъ повелъ къ себѣ своего плѣнника.

— Ну, бисовъ сынъ! обратился онъ къ нему. Что, ты думаешь, я теперь съ тобою сдѣлаю?

Злой сурово покосился на него.

— Прикончи ужъ скорѣй! отвѣчалъ онъ мрачно. Нечего надо мною насмѣхаться.

Павлюкъ взялъ его за конецъ связанной веревки и потащилъ изъ табора въ степь.

— Кончать его ведетъ,—говорили козаки, кивая на мощную фигуру, скрывшуюся въ сумракѣ.

Отойдя шаговъ сто отъ лагеря, Павлюкъ остановился, не спѣша вынулъ изъ-за пояса ножъ, медленно перерѣзалъ веревки, связывавшія руки и ноги козака, далъ ему легкаго пинка въ спину и проговорилъ:

— Ну, вражій сыну! бѣги теперь на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ, да помни: если ты когда нибудь вздумаешь вредить войску запорожскому, Карпъ Гудзанъ на днѣ моря тебя сыщетъ и встряхнетъ ужъ не такъ!

Злой въ первую минуту ошалѣлъ и тупо, безсмысленно смотрѣлъ на своего избавителя, думая, что тотъ надъ нимъ издѣвается.

— Чего бѣльма-то вытаращилъ? прикрикнулъ на него Павлюкъ. Еще чего добраго, пройдетъ кто нибудь изъ козаковъ... Гайда въ степь! и чтобы духу твоего не было!.. Баюнъ, хоть и полурусъ, а все таки крестъ на немъ есть, и жалость у него въ сердцѣ не умерла.

Злой бросился на колѣни:

— Батько, родный мой, золотой мой! Ввѣкъ не забуду; всю жизнь готовъ тебѣ служить...

— Ну, добре, добре! Утекай! махнулъ ему Павлюкъ и съ усмѣшкою, дергая себя за усъ, смотрѣлъ, какъ замелькали пятки козака.

— Покончилъ его?—спрашивали его встрѣчные товарищи въ таборѣ.

— Покончилъ! отвѣчалъ имъ съ загадочною улыбкою Павлюкъ.

ГЛАВА VII.

ПОМИЛОВАНІЕ.

Стоялъ конецъ ноября. Осень была пасмурная, дождливая и тянулась ужъ слишкомъ долго. Несмотря на дурную погоду, на слякоть, изморозь, холодный рѣзкій вѣтеръ, на улицахъ Вар-

шавы чувствовалось какое-то оживленіе. Народъ толпился, стоялъ кучами на площадяхъ, на перекресткахъ, на бульварахъ; всѣ съ жаромъ толковали о текущихъ дѣлахъ, высказывали мнѣнія, спорили, шумѣли. Сеймъ подходилъ къ концу; рѣшалась участь козацкаго атамана Сулимы съ его сообщниками. У дверей зданія, гдѣ засѣдалъ сеймъ, народъ съ утра собирался густою массою, несмотря на противодѣйствіе стражи. Всѣ были убѣждены, что помилованія козакамъ не будетъ, но всякому хотѣлось знать, когда и какую казнь имъ назначатъ и что еще рѣшатъ на сеймѣ относительно козацкихъ вольностей.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ шинковъ сидѣлъ знакомый уже намъ сотникъ Богданъ Хмельницкій съ двумя козаками: одинъ—пожилой, благообразный мужчина съ дѣтски наивнымъ добродушнымъ лицемъ, въ одеждѣ войсковаго атамана, другой—молодой, безбородый, худощавый съ проницательнымъ взглядомъ и хитрой заискивающей улыбкой, судя по одеждѣ былъ войсковой писарь. Передъ ними стояла горѣлка, и Богданъ усердно угощалъ своихъ собесѣдниковъ.

— Эхъ, жаль Павлюгу! со вздохомъ сказалъ атаманъ, опоражнивая налитую чарку: такому дужему козаку и пропасть ни за что подъ топоромъ палача, какъ какому нибудь бездѣльнику. Душа-то его, душа-то одна чего стоитъ! Этакого человѣка на всемъ свѣтѣ не найти другаго...

— Быть можетъ, паны ихъ еще и помилуютъ, съ ехидною улыбкою вставилъ писарь.

— Нѣтъ! серьезно отвѣчалъ Богданъ: врядъ ли! Панъ коронный гетманъ ни за что не проститъ Сулиму и настоитъ на казни, а тутъ еще турки и татары въ дѣло вмѣшались.

— Ну, да Сулима-то проходимецъ! Богъ съ нимъ съ Сулимой!—махнувъ рукой, возразилъ атаманъ. Былъ нехристь, нехристемъ и остался... Слышалъ я давеча отъ тюремной стражи, что въ католичество перешелъ онъ.

— И я слышалъ, подтвердилъ Богданъ, да може пустое брешутъ.

— Да ну его Сулиму! нетерпѣливо перебилъ атаманъ; а я вотъ о Павлюгѣ думаю, нельзя ли ему какъ-нибудь помилованіе

выпросить? Не грѣхъ бы пану сотнику похлопотать о нашемъ козацкомъ горѣ; панъ сотникъ близокъ съ панами; у пана короннаго гетмана, что свой, принятъ. Да панъ гетманъ, говорятъ, и простъ съ людьми. Что бы попросить его?...

— Осмѣлюсь доложить пану атаману,—заискивающимъ тономъ началъ писарь,—что тутъ никто изъ пановъ ничего сдѣлать не можетъ; одинъ голосъ на сеймѣ ничего не значитъ. А вотъ если бы панъ сотникъ захотѣлъ это дѣло устроить, то лучше ему забѣжать повыше, а я знаю, что у него есть туда ходъ.

— Панъ—приказная крыса: слишкомъ много знаетъ! рѣзко возразилъ Богданъ, сверкнувъ на писаря своими блестящими глазами.—Кабы могъ я что-нибудь сдѣлать,—обратился онъ къ атаману—я бы все сдѣлалъ: мнѣ мой сынишка всѣ уши прожужжалъ о своихъ друзьяхъ.

— А развѣ это правда, что Тимошъ вмѣстѣ съ ними къ Кодаку ходилъ? спросилъ атаманъ. Я слышалъ, да не вѣрилъ.

— Правда, правда! Сущая истина. Бѣдовый хлопецъ!

— Какъ же ты его выручилъ?

— Да такъ! Какъ схватили Сулиму наши реестровые, онъ поскакалъ за ними вслѣдъ, не хотѣлъ безъ своихъ друзей въ таборѣ оставаться.

— Важный будетъ козакъ! покачивая головою, проговорилъ атаманъ. Это первое дѣло друзей въ бѣдѣ не оставлять.

Писарь лукаво посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.

— Еще разъ осмѣлюсь доложить, панове!—съ тою же улыбкою, тихимъ мягкимъ голосомъ проговорилъ онъ,—что Павла Баюна можно спасти, стоитъ только замолвить словечко пану великому канцлеру.

Богданъ сердитымъ взглядомъ смѣрилъ его съ головы до ногъ и, ни слова не отвѣтивъ, всталъ съ мѣста.

— Пора и до дому! сказалъ онъ, зѣвая и подтягивая свой дорогой кушакъ.

Онъ простился со старшиною, кивнулъ головою писарю и, выйдя на улицу, поспѣшно пошелъ домой. Онъ остановился у пана Конецпольскаго съ нѣсколькими другими сотниками и полковниками, находившимися въ милости у короннаго гетмана.

Въ роскошномъ флигелѣ великолѣпнаго дворца, въ одной изъ старинныхъ комнатъ верхняго этажа его съ нетерпѣніемъ ждалъ Тимошъ. Мальчику было не по себѣ въ громадномъ зданіи, кишѣвшемъ теперь нарядными панами, ихъ прислугою, стражею и войскомъ. Онъ терялся въ этой непривычной для него сутолокѣ и пугливо прятался за широкую спину отца, проходя съ нимъ по двору или входя въ большую залу, наполненную гостями. Когда же отецъ уходилъ, онъ скорѣе забирался на верхъ въ отведенную имъ комнату, не зная, что съ собою дѣлать и чѣмъ заняться.

— Татко, наконецъ-то! радостно проговорилъ онъ, порывисто бросаясь къ отцу.—Кончился сеймъ?

Этотъ вопросъ онъ предлагалъ отцу каждый разъ, какъ тотъ возвращался домой. Отецъ всякій разъ отвѣчалъ ему какой-нибудь шуткой; но на этотъ разъ онъ видимо былъ не въ духѣ.

— Успѣютъ еще всѣмъ головы срубить,—мрачно отвѣчалъ онъ. Тебѣ то что до этого?

Тимошъ со времени ареста Сулимы, Павлюка, Ганжи и Смольчуга сталъ особенно раздражителенъ и чутокъ къ отцовской рѣзкости. На всѣ его просьбы о ходатайствѣ передъ панами Богданъ либо отмалчивался, либо отшучивался, и это еще болѣе волновало мальчика.

— Какъ что? почти крикнулъ онъ. Какъ что? Это тебѣ нѣтъ дѣла до того, что твоихъ братьевъ козаковъ вѣшаютъ; это ты не хочешь пановъ попросить ни о дидѣ, ни о Павлюкѣ, ни объ атаманѣ, а мнѣ за нихъ больно. Дидъ обо мнѣ, какъ о родномъ заботился; Павлюкъ заступился за меня, когда меня судить хотѣли... Стыдно мнѣ за тебя, татко! нервно крикнулъ мальчикъ и разразился рыданіями.

Богданъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на него, нерѣшительно подергивая свой усъ. Разсердиться на него, думалъ онъ, обойтись строгостью—опять, пожалуй, убѣжитъ.

— Полно, хлопче! ласково проговорилъ онъ, кладя руку мальчику на плечо. Я, вѣдь, не жидъ Ильюшка! Еслибъ можно было, я и самъ не прочь помочь козакамъ.

— Какъ не можно? Ты можешь, ты только не хочешь! упрямо проговорилъ мальчикъ. Не хочу я жить безъ нихъ! опять

разрыдался мальчикъ. Пусть и мнѣ отрубятъ голову; я вмѣстѣ съ ними ходилъ къ Кодаку.

Богданъ въ раздумьи погладилъ усы.

— Да полно же тебѣ! Ну, будетъ! проговорилъ онъ, стараясь успокоить мальчика.—Я попробую, схожу къ пану канцлеру—продолжалъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою. Не даромъ этотъ дурень Онушкевичъ говорилъ про него давеча.

Тимошъ ожилъ.

— Татко! если это ты сдѣлаешь,—задыхаясь проговорилъ онъ,—если живы будутъ и Павлюкъ, и Ганжа, никогда я этого не забуду, всегда буду во всемъ тебя слушаться.

Послѣдующіе дни прошли въ тревожномъ ожиданіи для Тимоша. Онъ видѣлъ, что отецъ куда то уходилъ, совѣтовался съ какими то людьми, часто упоминалъ въ разговорахъ имена канцлера, короля и пойманныхъ козаковъ; наконецъ кончился сеймъ, и Тимошъ узналъ изъ разговоровъ взрослыхъ, что всѣ козацкіе старшины осуждены на казнь.

— Татко, чтожъ это будетъ? приставалъ онъ къ отцу:—неужели нѣтъ помилованія?

— Молчи, сынку! утѣшалъ Богданъ. Атамана не помилуютъ, а другихъ, можетъ, и высвободимъ!

Насталъ наконецъ день казни. На площади былъ воздвигнутъ эшафотъ. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ: паны со своею многочисленною свитою, шляхтичи съ женами и домочадцами, козаки реестровые и запорожскіе, всякій мелкій людъ—купцы, ремесленники всевозможныхъ національностей, хлопы изъ подгородныхъ деревень. Для почетныхъ гостей наскоро были устроены поближе къ эшафоту мѣста, среди которыхъ особенно обращали на себя вниманіе предназначенные для ханскихъ пословъ, пользовавшихся особымъ вниманіемъ польскихъ сановниковъ.

Богданъ съ Тимошемъ стояли въ толпѣ почетной свиты пана короннаго гетмана. Мальчикъ за послѣдніе дни осунулся? глаза его ввалились и блестѣли лихорадочно; носъ заострился, онъ крѣпко сжималъ руку отца и шепталъ про себя молитвы.

Король отсутствовалъ. Его представителями были великій канцлеръ Оссолинскій и великій канцлеръ литовскій Радзивилъ.

Въ толпѣ слышался сдержанный говоръ; козаки мрачно, злобно посматривали на пановъ, старавшихся превзойти другъ друга великолѣпіемъ костюмовъ и пышностью обстановки. Гдѣ-то въ толпѣ кто-то изъ панской челяди хлестнулъ нагайкой не посторонившагося во-время козака, мгновенно блеснула въ воздухѣ козацкая сабля, но прежде чѣмъ она успѣла опуститься, десятки панскихъ стражниковъ схватили провинившагося, обезоружили и поволокли изъ толпы. Нѣсколько стоявшихъ вблизи козаковъ схватились уже за сабли... и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ въ самый этотъ моментъ не раздались возгласы: „везутъ, везутъ!" Толпа дрогнула, задвигалась, заколыхалась.. Изъ-за угла улицъ показалась колесница съ осужденными; на всѣхъ на нихъ были надѣты какія то шутовскія мантіи; въ рукахъ они держали жезлы. Лице Сулимы было блѣдно; но онъ старался не выказать смущенія и время отъ времени перекидывался словами съ ѣхавшимъ съ нимъ католическимъ ксендзомъ. Павлюкъ мрачно исподлобья посматривалъ на толпу. Замѣтивъ Тимоша, онъ кивнулъ ему, и мягкая, немного грустная улыбка скользнула по его лицу. Тимошъ конвульсивно сжалъ руку отца.

— Татко! прошепталъ онъ. А помилованіе?

— Молчи, сынку! отвѣчалъ тотъ и покосился на стоявшихъ рядомъ шляхтичей.

Атаманъ твердо взошелъ на помостъ, снялъ съ шеи небольшой образокъ въ золотой оправѣ, набожно поцѣловалъ его и, передавая ксендзу, сказалъ:

— Этотъ образокъ подаренъ мнѣ его святѣйшествомъ; я бы хотѣлъ, чтобъ его положили со мною въ гробъ.

— Желаніе твое будетъ исполнено, сынъ мой! отвѣчалъ ксендзъ, благословляя его.

Атаманъ глубоко вздохнулъ, медленно поклонился на всѣ четыре стороны, взглянулъ на палача, стоявшаго подлѣ деревянной плахи, самъ отстегнулъ воротъ и спокойно положилъ голову на плаху.

Тимошу все это казалось сномъ; онъ слѣдилъ за движеніями атамана и думалъ, что вотъ онъ сейчасъ проснется, и тяжелое

видѣніе исчезнетъ. Но когда взвился топоръ въ мощной рукѣ палача, когда что то замерло и повисло надъ стотысячною толпою, а знакомая Тимошу голова покатилась по помосту,—мальчикъ не выдержалъ и съ воплемъ „татко, что же это такое?“—повалился замертво отцу на руки.

Произошло маленькое замѣшательство вокругъ Богдана; двое знакомыхъ сотниковъ бросились помогать ему; шляхтичи презрительно посторонились, и Тимоша съ большимъ трудомъ пронесли въ ближайшій шинокъ.

Когда мальчикъ открылъ глаза, ему казалось, что онъ долго спалъ и видѣлъ страшный сонъ. Первое, что привело его въ сознаніе, были дорогія ему лица, наклонившіяся надъ нимъ.

— Дидъ! Павлюкъ! радостно вскрикнулъ мальчикъ и вскочилъ съ соломенной постилки. Выживы? А атаманъ?

Козаки грустно опустили головы, и Павлюкъ положилъ свою большую коренастую руку на плечо мальчика.

— Не кручинься, хлопецъ! сказалъ онъ, и въ голосѣ его что то дрогнуло.

Мальчикъ испуганно посмотрѣлъ на него.

— Такъ это былъ не сонъ! Какъ же вы-то спаслись?

— Спаслись, сынку! Спасибо пану канцлеру! отвѣчалъ Ганжа.

— А татко? а Смольчугъ? спрашивалъ мальчикъ, озираясь.

— И Смольчуга помиловали. Онъ сейчасъ придетъ съ твоимъ отцемъ. Насъ троихъ и помиловали только. Между козаками ходятъ слухи, что отецъ твой просилъ пана канцлера, да онъ, видишь, не сознается въ этомъ.

Тимошъ былъ увѣренъ, что это дѣло его отца, но промолчалъ. Если отецъ не признавался козакамъ, значитъ такъ нужно, но онъ теперь готовъ все сдѣлать для отца.

— Ну, хлопче! Радъ ты, что видишъ насъ? весело спросилъ Павлюкъ.

Тимошъ засмѣялся.

Въ эту минуту отворилась дверь, и Смольчугъ показался на порогѣ.

— Если хлопцу лучше, то Богданъ велѣлъ его привести къ себѣ; онъ у пана короннаго гетмана. Сегодня тамъ пиръ, и онъ никакъ не можетъ отлучиться. Эге! да онъ уже и на ногахъ! продолжалъ Смольчугъ, ласково потрепавъ мальчика по плечу. Ну, пойдемъ же, хлопецъ! татко тебя ждетъ.

Тимошъ простился съ Павлюкомъ и Ганжею и пошелъ со Смольчугомъ.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ КВИТКА,

неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія.

Въ 1812 г. была издана въ Харьковѣ, безъ обозначенія имени автора, книга: „Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года“, отпечатанная въ университетской типографіи. Кто именно былъ авторъ этой книги—въ печати до настоящаго времени точно не было извѣстно. Въ дѣлахъ правленія харьковскаго университета за 1812 г., относительно этой книги имѣется въ дѣлѣ „О типографіи и о всѣхъ предметахъ къ оной относящихся“ такая запись: „4 апрѣля 1812 г. *слушали* рапортъ фактора университетской типографіи о напечатаніи сочиненія: „Записки о слободскихъ полкахъ“, 150 экземпляровъ, для чего употреблено бумаги № 2 двѣ стопы и 5 дестей, корректурной 1 десть; *по справкѣ оказалось*: Записки печатались на счетъ капитала Григорія Квитки; *приказали*: Записки отдать г. Квиткѣ, потребовавъ прежде отъ него слѣдующія по счету 99 р. 32½ к. деньги“.

Вѣроятно, въ виду содержащагося въ этой записи указанія на то, что „Записки о слободскихъ полкахъ“ печатались на капиталъ Григорія Ѳедоровича Квитки, въ брошюрѣ *А. Рославскаго-Петровскаго*: „Указатель сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Императорскаго харьковскаго университета въ 1804—1814 годахъ“ (Харьковъ, 1866), это сочиненіе и приписано Григорію Ѳ. Квиткѣ.

Перепечатавъ эту книгу въ 1883 г., въ приложеніи къ „Статистическому Листку“ (Харьковъ, типографія окружнаго штаба, 4°), г. *Сокальскій* въ своемъ предисловіи къ ней, указавъ на то, что въ книгѣ Г. П. Данилевскаго „Украинская Старина“ списокъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки начинается только съ 1816 г. и что въ этомъ спискѣ упоминается объ историческомъ изысканіи Г. Ѳ. К. „О слободскихъ полкахъ“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1840 г. т. XVII, прибавляетъ, что за отсутствіемъ въ библіотекѣ харьковскаго университета журнала „Современникъ“ за 1840 г., онъ не могъ провѣрить, составляетъ ли „изысканіе“, помѣщенное въ этомъ журналѣ, простую перепечатку „Записокъ“, появившихся въ Харьковѣ въ 1812 г., или же съ измѣненіями и дополненіями. Такимъ образомъ, и г. Сокальскій повидимому полагаетъ, что изданная въ 1812 г. и перепечатанная имъ въ 1883 г. книга „Записки о слободскихъ полкахъ“— есть сочиненіе Григорія Ѳед. Квитки и что, можетъ быть, это самое сочиненіе и было перепечатано въ „Современникѣ“ за 1840 г., который онъ не могъ найдти въ харьковскихъ библіотекахъ.

Однако, напечатанная въ „Современникѣ“ 1840 г. статья Г. Ѳ. Квитки „О слободскихъ полкахъ“ вовсе не есть перепечатка изданной въ 1812 г. книги „Записки о слободскихъ полкахъ“, и г. Данилевскій не безъ основаній не включилъ эту книгу въ составленный имъ „Перечень сочиненій Основьяненка“, напечатанный въ приложеніи къ статьѣ его: „Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко“, въ книгѣ „Украинская Старина“. Хотя упомянутыя „Записки о слободскихъ полкахъ“ и были изданы на капиталъ Григорія Ѳед. Квитки, но это не было его сочиненіе.

Просматривая недавно бумаги бывшаго профессора харьковскаго университета, а потомъ директора новгородсѣверской гимназіи Ильи Ѳедоровича *Тимковскаго,* мы изъ нѣсколькихъ, сохранившихся между этими бумагами писемъ имѣли случай узнать, кто именно былъ авторъ изданныхъ въ 1812 г. „Записокъ о слободскихъ полкахъ“, свѣдѣніями о чемъ и сочли не лишнимъ подѣлиться съ читателями.

Между означенными бумагами мы нашли около десятка писемъ, писанныхъ въ 1810—1814 годахъ, съ помѣтою: „с. Основа“ и съ подписью: „*Илія Квитка*“. Это былъ тотъ Илья Ивановичъ Квитка (сынъ полковника Ивана Григорьевича Квитки и дядя Григорія Ѳед. Квитки-Основьяненка), одно письмо котораго (къ Гр. Ник. Теплову) было напечатано въ приложеніи къ „Краткому историческому описанію о Малой Россіи“, изданному О. М. Бодянскимъ въ 1848 г. [1]) и о которомъ преосвященный Филаретъ, въ своемъ „Описаніи харьковской епархіи“, описывая село Основу и упоминая похороненныхъ въ склепѣ подъ церковью этого села благотворителей ея, говоритъ: „Илія Ивановичъ Квитка, который, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ: ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное жилище и не зналъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни; переписка его съ Тепловымъ и Кочубеемъ показываетъ, что онъ занимался и литературою“ [2]).

Изъ найденныхъ нами писемъ Ильи Ив. Квитки видно, что онъ бывалъ не у одного преосвященнаго Павла, а также навѣщалъ иногда и И. Ѳ. Тимковскаго; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ извиняется, что нездоровье мѣшаетъ ему лично повидѣться съ Тимковскимъ, и усердно шлетъ поклоны женѣ и другимъ членамъ семьи Тимковскаго. Въ одномъ письмѣ, именно отъ 9 сентября 1814 г., И. И. Квитка даетъ прямое указаніе на свой возрастъ; жалуясь въ этомъ письмѣ на нездоровье и говоря о возможной близости смерти, онъ прибавляетъ: „сего ожидать надобно ежечасно шестидесяти-девятилѣтнему старику“. Это письмо и было послѣднимъ изъ тѣхъ, которыя мы нашли въ бумагахъ Тимковскаго.

Также какъ и вышеупомянутое письмо къ Григорію Николаевичу Теплову, которое И. И. Квитка писалъ, посылая Теплову рукопись, названную имъ въ письмѣ „Журналомъ малороссійскихъ дѣяній до временъ гетмана Богдана Хмельницкаго“,

---

[1]) Чтенія въ Импер. московск. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1848 г., кн. 6-я.

[2]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, кн. 2, стр. 132.

найденныя нами письма показываютъ, что И. И. Квитка интересовался и занимался малорусской исторіей и собиралъ для нея разные матеріалы. Отъ времени до времени онъ дѣлился съ Тимковскимъ этими матеріалами, посылая ему списки имѣвшихся у него документовъ. Такъ при одномъ письмѣ онъ посылаетъ списокъ докладныхъ пунктовъ гетмана Скоропадскаго его царскому величеству съ состоявшеюся по этимъ пунктамъ резолюціею и копію инструкціи, данной 27 іюля 1709 г., состоявшему при Скоропадскомъ стольнику Измайлову; съ другимъ письмомъ посылаетъ списокъ договорныхъ пунктовъ Выговскаго, съ третьимъ— копію письма Мазепы Петру I и т. д. Почти при каждомъ письмѣ своемъ къ Тимковскому онъ прилагаетъ какіе нибудь матеріалы по исторіи Малороссіи.

Въ 1810 году И. И. Квитка, какъ видно изъ его писемъ, послалъ Тимковскому два рукописныя сочиненія свои. Объ одномъ изъ нихъ онъ писалъ 24 апрѣля 1810 г.: „исполняя слово мое, препровождаю при семъ тетрадь *о Малой Россіи*; пусть описаніе въ оной будетъ памятникомъ усердія, почтенія и приверженности къ вамъ неопытнаго писателя онаго; вы можете исправить и дополнить вашими записками; другое жъ чрезъ нѣсколько дней вы получите отъ пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ вашего покорнѣйшаго Иліи Квитки“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 19 мая того же года И. И. Квитка писалъ: „препровождаю описаніе *о слободскихъ полкахъ*; извините писателя, неопытнаго въ слогѣ сообразно историческимъ изданіямъ, и въ правописаніи равно и ошибкахъ мало видящаго съ помощію двухъ стеколъ глазами; прилагая въ чернѣ оное, надѣюсь на благосклонность вашу ко мнѣ, что будетъ оное исправлено во всѣхъ пунктахъ, и всеприлежнѣйше прошу того одолженія, чтобъ я удовольствіе имѣлъ видѣть труды мои изданные въ печати по слову вашему, но безъ надписанія сочинителя; и ежели вамъ угодно, то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное“.

Въ письмѣ, писанномъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, Квитка снова говоритъ объ обоихъ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ: „ежели предвидѣть можно затрудненіе въ напечатаніи описанія о

слободскихъ полкахъ то прилежнѣйше прошу приказать переписать исправнымъ почеркомъ оное описаніе и переплесть для доставленія ко мнѣ, а черное пусть у васъ остается. Вы можете по времени, какъ о Малой Россіи, такъ и о слободскихъ полкахъ описанія передать въ печать, только не отъ моего имени, по тѣмъ резонамъ, кои могу вамъ лично объявить, и вы конечно согласитесь на оные".

Еще въ одномъ письмѣ, отъ 11 декабря 1810 г. идетъ рѣчь о томъ, чтобъ Тимковскій поручилъ переписчику переписать какую то рукопись Квитки, которая въ письмѣ не называется, и чтобы послѣ этого одинъ экземпляръ рукописи Тимковскій оставилъ у себя, а другой возвратилъ Квиткѣ: „пріятно для меня будетъ", прибавляетъ онъ, „когда я, получивъ переписанную, оставлю въ рукахъ вашихъ мой трудъ въ память между нами заключеннаго дружества".

Приложилъ ли Тимковскій свой трудъ къ исправленію рукописи о слободскихъ полкахъ и что вообще онъ сдѣлалъ для исполненія просьбъ И. И. Квитки—неизвѣстно; но наблюдать за печатаніемъ книги въ Харьковѣ въ концѣ 1811 и началѣ 1812 г. онъ уже не могъ, такъ какъ осенью 1811 года онъ переселился изъ Харькова въ черниговскую губернію.

Немедленно послѣ того, какъ книга „Записки о слободскихъ полкахъ" была издана (напоминаемъ, что рапортъ фактора университетской типографіи о напечатаніи этой книги правленіе университета, какъ видно изъ вышеприведенной справки, слушало 4 апрѣля 1812 г.), Илья Ив. Квитка *26 апрѣля 1812* писалъ Тимковскому: „посылаю вамъ печатный экземпляръ *Записки о слободскихъ полкахъ*, прошу по дружбѣ вашей сохранить оный въ память мою".

Имѣя въ виду, что, кромѣ вышеупомянутой, напечатанной въ Харьковѣ, въ университетской типографіи въ 1812 г. книги „Записки о слободскихъ полкахъ", никакой другой книги, не только съ подобнымъ заглавіемъ, но и вообще о слободскихъ полкахъ, ни въ 1812 г., ни ранѣе того, издаваемо не было, читатель, мы надѣемся, согласится, что въ приведенныхъ нами выдержкахъ изъ писемъ И. И. Квитки рѣчь идетъ именно объ

этомъ сочиненіи, и что слѣдовательно авторъ означенной книги былъ не Григорій Ѳедоровичъ Квитка, какъ полагали нѣкоторые, а Илья Ивановичъ Квитка; Григорій же Ѳедоровичъ Квитка участвовалъ въ изданіи этой книги своимъ капиталомъ, и затѣмъ воспользовался ею, какъ матеріаломъ, для своей статьи о слободскихъ полкахъ, напечатанной въ „Современникѣ“ 1840 г.

Болѣе сомнительнымъ представляется вопросъ о другомъ сочиненіи, которое И. И. Квитка посылалъ Тимковскому, называя его въ одномъ письмѣ „тетрадью о Малой Россіи“, а въ другомъ—„описаніемъ о Малой Россіи“, и о которомъ онъ также говорилъ, какъ авторъ этого сочиненія, называя себя „неопытнымъ писателемъ онаго“ (т. е. описанія) и предоставляя Тимковскому исправить и издать его.

Между разными бумагами Тимковскаго мы нашли рукописное сочиненіе, безъ обозначенія имени автора, съ такимъ заглавіемъ: „Историческое описаніе о Малой Россіи, взятое изъ польской лѣтописи, журнала россійскаго генерала Гордона и публичныхъ записокъ, съ 1320 по 1765 годъ, съ Дополненіемъ о запорожскихъ козакахъ“. Писано оно красивымъ почеркомъ неизвѣстнаго переписчика (но не Квитки, и не Тимковскаго) на бумагѣ, сфабрикованной, какъ видно изъ водяныхъ знаковъ, въ 1802 году.

Это заглавіе естественно напоминаетъ заглавіе того упомянутаго нами выше сочиненія, которое было издано О. М. Бодянскимъ въ 1848 г. и въ приложеніи къ которому напечатано письмо Ильи Ив. Квитки къ Григорію Николаевичу Теплову. Приводимъ это послѣднее заглавіе цѣликомъ: „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года, съ Дополненіемъ о запорожскихъ козакахъ и Приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное изъ лѣтописей, польскаго и малороссійскаго журнала или записокъ генерала Гордона, Страленберга шведскаго историка, изъ жизнеописаній о государѣ Петрѣ Великомъ архіепископомъ Феофаномъ Прокоповичемъ и грекомъ Антоніемъ Катифоромъ, фамильныхъ записокъ и публичныхъ указовъ. 1789“.

По сличеніи найденной нами рукописи съ книгой, изданной О. М. Бодянскимъ, оказывается, что одно изъ этихъ сочи-

ненiй —есть передѣлка другого. Притомъ рукопись Тимковскаго есть, повидимому, позднѣйшая передѣлка, а первоначальный текстъ изданъ Бодянскимъ. Во-первыхъ, это видно изъ сопоставленія цифръ: годъ, обозначенный въ самомъ заглавіи изданнаго Бодянскимъ сочиненія, показываетъ, что сочиненіе это было писано или окончено въ 1789 году, а водяные знаки на бумагѣ, употребленной для рукописи Тимковскаго, свидѣтельствуютъ, что эта рукопись не могла быть писана ранѣе 1802 года; во-вторыхъ, тоже заключеніе можно вывести и изъ сравненія содержанія обоихъ сочиненій.

И тамъ, и здѣсь разсказъ начинается 1320 годомъ и оканчивается 1765 годомъ. Рукопись Тимковскаго, сравнительно съ текстомъ, изданнымъ Бодянскимъ, въ значительной своей части представляетъ перефразировку, мѣстами въ ней сдѣланы многія сокращенія, мѣстами введены нѣкоторыя дополненія. Тамъ, гдѣ сдѣлана перефразировка, слогъ представляется болѣе выровненнымъ, болѣе правильнымъ, чѣмъ въ изданіи Бодянскаго. Время до Богдана Хмельницкаго въ рукописи изложено короче, въ исторіи Хмельницкаго съ большею полнотою разсказана его личная жизнь. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подробнѣе разсказана исторія Мазепы. Вообще характеръ измѣненій таковъ, что опущены сухія и скучныя подробности и полнѣе разсказаны такія событія, которыми можно легче заинтересовать читателя. Тѣхъ приложеній, которыя были напечатаны въ изданіи Бодянскаго, въ рукописи нѣтъ; за то, вмѣсто нихъ, въ текстъ рукописи включены другіе документы, которыхъ не было въ спискѣ, изданномъ Бодянскимъ, а именно: письмо Мазепы къ Карлу XII, письма Апостола и Головкина къ Мазепѣ, письмо султана къ хану крымскому (о Мазепѣ) и указъ сенату объ учрежденіи малороссійской коллегіи.

Въ предисловіи къ своему изданію О. М. Бодянскій говоритъ, что авторъ издаваемаго имъ сочиненія неизвѣстенъ, и что онъ имѣлъ два списка этого сочиненія, изъ которыхъ одинъ былъ полученъ отъ П. П. Артемовскаго-Гулака, а другой—отъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. На послѣднемъ спискѣ имѣлась такая надпись: „списалъ Николай Алексѣевичъ Боровиковскій въ Хо-

ролѣ, 1814 г., изъ рукописи, имѣющейся у Василія Павловича Горленка". Изъ „Росписи рода Горленковъ", составленной кн. Дабижею [1]), извѣстно, что этотъ Вас. Павл. Горленко былъ родной племянникъ Прасковьи Андреевны Квитка, урожденной Горленко, жены полковника Ивана Григорьевича Квитки (котораго кн. Дабижа ошибочно называетъ Иваномъ Андреевичемъ), и слѣдовательно приходился двоюроднымъ братомъ сыну ея—Ильѣ Ивановичу Квиткѣ. Такимъ образомъ, близость собственника одной изъ рукописей къ автору, о которомъ мы пишемъ, несомнѣнна, и повидимому оба полученные О. М. Бодянскимъ списка шли изъ одного мѣста—изъ Харькова.

Обращаетъ затѣмъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ приложеніяхъ къ изданному Бодянскимъ сочиненію, между разными документами, относящимися къ исторіи Малороссіи, помѣщены, кромѣ вышеупомянутаго нами письма Ильи Ив. Квитки къ Г. Н. Теплову, еще четыре письма, адресованныхъ къ Ильѣ Ив. Квиткѣ, именно: два письма Григорія Ник. Теплова и два письма Семена Васильевича Кочубея. Спрашивается: какимъ образомъ между означенными приложеніями могли явиться эти письма? Приложены они къ сочиненію не издателемъ, который напечаталъ всю рукопись цѣликомъ съ имѣвшимися при ней приложеніями. Указаніе на эти приложенія въ самомъ заглавіи сочиненія повидимому свидѣтельствуетъ, что всѣ эти бумаги приложилъ къ сочиненію самъ авторъ, а не кто нибудь другой. Но очевидно, что пять упомянутыхъ писемъ, изъ которыхъ одно было писано Ильею Ив. Квиткою, а другія къ нему адресованы,—вышли изъ рукъ И. И. Квитки. Притомъ намъ думается, что только онъ могъ и приложить эти письма къ сочиненію. Копію своего письма онъ могъ оставить у себя и затѣмъ приложить къ сочиненію—потому, что въ этомъ письмѣ онъ излагаетъ свой взглядъ на заселеніе малорусскаго края въ до-рюриковскія времена, доказывая, что край этотъ не былъ тогда ненаселенною пустынею; такимъ образомъ, по содержанію своему это письмо составляетъ естественное дополненіе къ той

---

[1]) „Кіевская Старина", 1886 г., кн. 6-я.

исторіи, которая излагается въ текстѣ сочиненія. Письма Теплова и Кочубея были писаны по поводу посылки Квиткою Теплову, черезъ Кочубея, матеріаловъ для малорусской исторіи, именно— „Журнала малороссійскихъ дѣяній до временъ Хмельницкаго“ (какъ называетъ посланную рукопись Квитка); содержаніе этихъ писемъ не имѣетъ никакого отношенія къ предмету сочиненія. Приложеніе этихъ писемъ къ сочиненію понятно со стороны Квитки, который могъ дорожить этими письмами, какъ получившій ихъ, и которому могло казаться, что письма эти имѣютъ какое то отношеніе къ рукописи—именно потому, что они были писаны по поводу посылки Квиткою матеріаловъ для малорусской исторіи, хотя въ самыхъ письмахъ и нѣтъ ничего относящагося къ тому предмету, о которомъ трактуетъ „Историческое описаніе“; со стороны всякаго другаго автора приложеніе этихъ писемъ къ сочиненію являлось бы непонятнымъ. Если же И. И. Квитка, а не кто нибудь другой, приложилъ эти письма къ изданному О. М. Бодянскимъ сочиненію, и если приложенія, какъ указываетъ заглавіе сочиненія, сдѣланы самимъ авторомъ, слѣдовательно И. И. Квитка и былъ авторъ этого сочиненія.

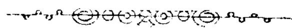
Послѣ этого понятно, какія именно „фамильныя записки“ указываются въ заглавіи сочиненія въ числѣ источниковъ: очевидно, это—та „Фамильная лѣтопись Квитокъ“, которою пользовался преосвященный Филаретъ для своего „Историко-статистическаго описанія харьковской епархіи“ и о которой онъ такъ часто упоминаетъ въ этомъ описаніи.

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ писемъ И. И. Квитки къ Тимковскому видно, какъ легко онъ дѣлился съ другими не только тѣми матеріалами для малорусской исторіи, которые имѣлъ у себя, но и своими литературными произведеніями, предоставляя другимъ списывать и оставлять у себя эти произведенія „на память о немъ“, и не только списывать, но даже издавать ихъ подъ своимъ именемъ: „ежели вамъ угодно“, пишетъ онъ Тимковскому о своемъ сочиненіи о слободскихъ полкахъ, „то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное“. Такимъ образомъ онъ могъ, раньше знакомства съ Тимковскимъ, разрѣшить кому нибудь списать рукопись своего „Историческаго опи-

санія о Малой Россіи", а потомъ, когда съ открытіемъ харьковскаго университета познакомился съ Тимковскимъ, передалъ ее послѣднему, желая видѣть труды свои изданными въ печати. Или могло быть еще иначе: та же самая рукопись, по возвращеніи ея Тимковскимъ, могла впослѣдствіи перейдти къ В. П. Горленку или П. П. Артемовскому-Гулаку и затѣмъ дойти до О. М. Бодянскаго. Что же касается до той передѣлки этой рукописи, которую мы нашли въ бумагахъ Тимковскаго, то полагаемъ, что эту передѣлку могъ сдѣлать Тимковскій, воспользовавшись предоставленнымъ ему Квиткою правомъ.

Мы изложили наши соображенія, по которымъ мы считаемъ Илью Ивановича Квитку авторомъ двухъ сочиненій, изъ которыхъ одно было издано въ Харьковѣ въ 1812 г., а другое—въ Москвѣ въ 1848 г. Относительно сочиненія о слободскихъ полкахъ авторство И. И. Квитки, по нашему мнѣнію, внѣ всякихъ сомнѣній; относительно же „Историческаго описанія о Малой Россіи", изданнаго О. М. Бодянскимъ, мы желали бы, чтобъ наше предположеніе нашло себѣ подтвержденіе еще въ какихъ нибудь другихъ данныхъ. Не возьметъ ли на себя кто нибудь изъ харьковцевъ трудъ собрать, на мѣстѣ жительства И. И. Квитки, свѣдѣнія объ этомъ скромномъ труженикѣ по малорусской исторіи?

Н. Шугуровъ.

ГОЛОСЪ „МАЛОРОССІИ" КОНЦА XVIII В.

(*Стихи по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ*).

Приводимое здѣсь стихотвореніе встрѣтили мы въ одномъ сборникѣ статей разнообразнаго содержанія (silva rerum) к. XVIII в. Написано оно, какъ видно изъ его заголовка, вслѣдъ за назначеніемъ М. Н. Кречетникова, въ 1790 г., малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, съ цѣлію выразить desiderata тогдашней Малороссіи, именемъ которой и подписано стихотвореніе. „Малороссія" жалуется на „злыхъ судей", которые „длятъ каждое дѣло", чтобы „златой песокъ" къ нимъ несло; жалуется она и на духовную власть, которая подражаетъ тѣмъ же судьямъ. Далѣе, указывается—на злоупотребленія лицъ, завѣдывавшихъ казенными имѣніями („до̀бра казны") на что̀ стряпчіе не обращаютъ должнаго вниманія;—на то какъ исправники пользуются изъ „мірской сумы" и изъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ;—на то какъ „выводятся въ дворянску стать, за деньги" мѣщане, козаки, крестьяне... „Грозный мечъ" новоназначеннаго генералъ-губернатора долженъ былъ все это „зло пресѣчь"...

Стихотвореніе это очень интересно какъ голосъ конца XVIII в. о тѣхъ непорядкахъ, которые явились въ *новыхъ* учрежденіяхъ, введенныхъ въ Малороссіи лишь за восемь лѣтъ до назначенія Кречетникова...

А. Л.

Идиллія на прибытіе въ Малороссію новою генералъ-губернатора его высокопревосходительства господина генералъ-аншефа, сенатора и разныхъ ординовъ кавалера Михаила Никитича Кречетникова, по предложенію, въ началныхъ словахъ стиховъ значащемуся, 1790 года.

1.

Перо небесного высокопарнаго
Россійского свого двуглавнаго орла
Екатерина отъ самодержавного
Престола своего, руцѣ твоей дала,
Обогатила перстъ твой какъ невѣстника,
Явила здѣсь тебя своего намѣстника.
Шумъ тутъ не постижимъ, съ крылъ орлѣхъ отъ высотъ
Изъятымъ съ нихъ перомъ злымъ судьямъ угрожаетъ,
Мститъ, а обидимыхъ въ покровъ тебѣ вручаетъ,
Єдинъ ты, чтобъ сберегль сей области народъ!

2.

Чело здесь гордое писцы рукой подперъ,
Тупясь въ остротѣ гусиныхъ перъ, дрожатъ,
Въ перстахъ скляклыхъ [1]), какъ гусь предъ орломъ теперъ,
Орлиному перу не вмѣютъ отвѣчать.
Изчезло хвастовство, что острописецъ тотъ,
Перомъ здесь пишетъ такъ, что нимъ бумагу зжотъ;
Отъ чуждей бо крови, чернилъ ихъ ремесло,
Буяетъ пяно какъ не въ силахъ что и златой
Ему песокъ помочъ, минулъ бо часъ, для нихъ той,
Длить дѣло каждое, чтобъ тотъ песокъ несло.

3.

Россійскій царь-орелъ, имѣя двѣ главы,
Єдну жалобщику, отвѣтчику другу,
Тѣхъ къ нимъ равно склонилъ, дѣла ихъ безъ молвы
Внушивъ, рѣшитъ не лестя, ни другу, ни врагу;

[1]) Окоченѣлыхъ.

Онъ у правителствъ всѣхъ зерцаломъ къ судьямъ зря,
Есть выставленъ въ примѣръ, на стражу дѣлъ царя
Мірскаго ли ты членъ, духовного ль суда,
Смотрѣть на зракъ орла, заутра въ солнце зряща,
И не лѣнясь являть себя въ дѣлахъ трудяща,
Лежню, ложь, ливу (?) спесь, забуть велитъ всегда.

4.

Но быстрость орляго пера въ противность тутъ
Его законамъ всѣмъ, нашла въ тѣхъ членахъ зло;
Истцы за дѣло что поколь не принесутъ,
Надменно не идетъ ихъ горде въ судъ чело,
Архіерей не такъ смиренъ, какъ былъ Христосъ,
Легко бъ ему истецъ златое иго ніосъ,
Являетъ способъ самъ такъ пастырь для овецъ,
Цена съ келейникомъ, въ сто, въ двѣ (сотни?) свою помѣту,
И чрезъ мытарствы шлетъ, истца къ тому жъ разчету,
Увесть бы сей, съ себя и въ свѣцкихъ образецъ [1]).

5.

Смотритель добръ казны, присягши бъ показалъ,
Палатѣ, что доходъ по вѣдомостямъ въ полъ
Его съ директоромъ, что такъ онъ раздѣлялъ,
Всѣхъ закуповъ съ статей, взимая же крамолъ,
А стряпчіе сего не берегутъ, не бдятъ,
И не провѣдуя, сидятъ, сидятъ, сидятъ,
Исправникъ же съ сумы мірской и съ магазѣй,
Царапаетъ къ себѣ останокъ, разодравъ щотъ,
А мышачу пеню разложуетъ на народъ,
Разпредѣля своихъ тутъ выборныхъ друзей.

6.

Съ коммиссіи дворянъ тожъ вѣдомость пришла:
Тамъ кто то тщился, чтобъ рубли въ плутовъ побрать,
Въ даръ имъ не малъ за трудъ, плутни же ремесла

---

[1]) Сбоку приписка: „Нащотъ Іларіона, епископа Новгородско-сиверскаго“.

Увесть за то бъ плутовъ толпу въ дворянску стать,
И здѣланъ дворянинъ съ швеца, съ ремесника,
Изъ войта, съ мужика, съ затяги-козака.
Сихъ предводитель всѣхъ въ уѣздѣ въ зборъ зоветъ,
Того что больше дастъ, въ нарядахъ свобождаетъ,
Нарядъ же одному впадетъ кто не даетъ.

7.

Испитуяй сердца премудрость Божія,
Россійскою речетъ императрицею,
Ахъ! на безсовѣстныхъ вы всѣ похожыя,
Державною грозя за то десницею,
Измѣнники царской присяжной вѣрности
И недостойные монаршей милости—
Кречетникову я, грозной вручаю мечъ.
Расположить его, на всѣхъ зерцалныхъ столахъ,
Острѣйша обнаживъ, нимъ показать для всѣхъ страхъ
Тѣмъ, съ смертью погрозить, чтобъ ваше зло пресѣчь.

8.

Обрящи души ихъ, чтобъ мечъ сей не поялъ
Силнѣйшій Михаилъ грозный архистратигъ,
Трегодный курсъ уже изкончевать началъ [1]),
Ихъ съ миромъ, уволни, на мѣсто жъ ихъ съ другихъ,
Поставъ власть добрую, духовну и мірску,
Рукою твоею инструкцю таку
Азбукой напиши: чтобъ всякъ изправенъ былъ,
Въ должности своей, премудрость просто знати,
Дѣла работать такъ, за тѣ чтобъ награждати
Ихъ ты хотѣлъ; тебя жъ за то чтобъ всякъ любилъ! [2])

Малороссія.

[1]) Повидимому, разумѣется истекавшее трехлѣтіе выборной службы.

[2]) Желаніе автора составить акростихъ нѣсколько затемняетъ рѣчь „идилліи“.

„Вояжъ по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова".

Пархѣмъ съ Панасомъ повстрѣчався,
Погнавши на поле волы,
До ихъ Овдій съ Харкомъ припхався,
Сказавъ, здоровы, хлопцѣ, вы були,
Що, дядьку, чуть за людъ хрищеній,
Щось вѣйтъ нашъ бѣга, якъ скаженый,
Отаманъ соцькихъ всѣхъ збира,
Тай голова щось коверсуе,
Недобре мабуть вѣнъ вѣщуе,
Въ дворы заедно зазира.

2.

Пожды, небожъ, вже не дурниця
Теперъ симъ чортовымъ сынамъ,
Цвѣрчать усѣ, мовъ въ стрѣсѣ птиця,
Щось, кажутъ, есть, бачъ, и панамъ,
Хиба нечувъ, що вже въ объиздѣ
И въ нашему теперъ уѣздѣ
Беклашевъ ганбуе всѣхъ панивъ,
Паперомъ имъ у нисъ сувае,
Брехню на очи выкидае
И лае ихъ, якъ псѣхъ сынѣвъ.

3.

Да вже бо и воны мудруютъ,
Колотять, мовъ въ кошарѣ вовкъ,
Изъ брата нашего ḡлузуютъ,
Хиба бъ іого лихій умовкъ.
Такую роблять злу годину,
Що чоловѣка, якъ скотину,
Або ще гирше и собакъ
За всяку всячину ḡрунзююгъ,
Мовъ непотрѣбнаго ганьбуютъ;
Ще не було николи такъ.

4.

Теперъ же, бачь, винъ якъ дочувся
Велѣвъ въ бирлимъ клячь запрягать,

[1]) Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" была напечатана статья проф. В. С. Иконникова о Беклешовѣ. Въ дополненіе къ этой статьѣ печатаемъ современное стихотвореніе, относящееся къ дѣятельности А. А. Беклешова въ Малороссіи и извлеченное нами изъ рукописнаго сборника нач. текущаго столѣтія. Объ этомъ сборникѣ см. „Кіевск. Стар." 1889, № 10, стр. 161—2. *Ред.*

Прибравсь гарненько и обувся
И ну повсюду розижжать.
Якъ ставъ на всѣ чотирѣ лиціовать,
Панамъ въ нисъ и въ бороду совать,
Другій що пасокою ажъ умився
Або прощенья просимъ ажъ на
пудивъ,
Якъ песъ, ховався между люди
Да де іому—не вкривсь.

5.

Було за пазуху и голимъ,
Поки оскому трохи збивъ,
Гладкимъ, брюхатимъ, товстоно-
гимъ
Всѣмъ дуже кисло насоливъ.
А далѣ, сѣвши у коляску,
Щобъ не надѣялись на ласку,
Чмихнувъ по всѣй губерніи вдругъ,
Паны тропы щобъ не вхопили,
Бо вже воны іому остили,
Калаберду объихавъ вкругъ.

6.

Вѣдтиль пустился къ Золотоношѣ
И черезъ Днипръ чуть перехва-
тивсь,
То позакачувавъ холошѣ,
Брести до берега пѣднявсь,
Якъ вся калабердійска громада
Безъ вѣйта, соцкихъ и уряда
Прійшла и впала передъ нимъ,
Дала іому суплѣку въ руки,
Хоть по просту и безъ науки
Та вже було, бачь, тутъ усѣмъ.

7.

Вѣнъ гулькъ и самъ злякався—
Зъ села пригрянувъ ввесь народъ,
Россердився и роскричався,
Сказавъ „гай чорный на насъ годъ,
Чого сюда, якимъ резономъ
Усѣмъ селомъ и цѣлымъ згономъ?
Яка васъ заспѣла бѣда?
Се вы до мене, небожаты,
Не возьме васъ недобра маты,
Не пропаде Калеберда“.

8.

Народъ низенько поклонився,
И хлѣбъ и сѣль іому подавъ;
Одинъ изъ нихъ причепурився,
Такую бесѣду іому сказавъ:
„До тебе, пане мы вельможный,
Будь милостивъ и будь незлобный,
Не дай загинуть головамъ!
ПанъКанѣвскій щось нашъ,лядащо,
Усѣхъ насъ нехтуе ни нащо,
Хиба жъ не жить на свѣтѣ намъ.

9.

Усѣхъ на панщину гоняе,
И жинокъ и дѣвокъ поти пре
И всяки витребеньки мае,
Поки которе ажъ умре,
Закабаливъ нивки и пидмети,
Чи сежъ таки такъ до кибети?
Огляньсь ты, батьку, хоть на насъ!
За того шкуры поздирае,
Давно добра вже намъ не мае,
Лихій прійшовъ намъ часъ!

10.

Да мы жъ колись козаковали
И пѣдъ Бендерями були,
Ляхивъ не разъ вже прогоняли
И Василькивъ сами взяли,
Варили кашу на лилѣи,

Робили всяки чудасіи,
Татаръ ни ухомъ не вели,
Розбѣйникѣвъ переловили,
А де якихъ и подушили,
Понадки бѣлше не дали".

11.

Послухавъ, ажъ все до чмиgи,
Заплакавъ, гѣрко заридавъ,
Сказавъ: „ну дамъ же я хвалиgи!"
И на Канивского такъ закричавъ:
„Пѣди сякій такій злый сыну,
Бо задавлю якъ злу личину,
Не будешъ бѣлше воевать.
И іонъ и іонъ що завелося
Громадѣ бѣдный довелося
Вѣдъ тебе на свѣтѣ погибать!".

12.

Къ громадѣ винъ оборотився,
И ставъ изъ нею толковать,
То Канѣвскій бувъ ободрився,
И тильки що хотѣвъ сказать,
„Идѣть, сказавъ Беклашевъ, всѣ
за мною.
Канѣвского возьмить съ собою.
Мы тамъ зъ нимъ найдемо ярмись."
И іонъ що въ свѣтѣ стало,
Громадѣ бѣдный що припало
И въ спину видъ панивъ и въ нисъ.

13.

Гѣнцемъ побѣгъ съ звонкомъ пру-
денько,
Народъ за нимъ вслѣдъ на волахъ.
Тогдѣ бувъ дощъ та щей гряз-
ненько,
Такъ всѣ були в кобинякахъ.
Пѣдъ городомъ остановились
И гарненько причепурились,
Пишли питати де винъ бувъ.
Гай, гай уже іого немае,
Що буде зъ ихъ теперъ Богъ знае,
Чи вже жъ винъ насъ тутъ и
забувъ.

14.

Ну якъ такъ мае будь робота,
Заиздять насъ, якъ цапа чортъ,
Коли яка не буде льгота;
Бо Канѣвскій тримтить, якъ хортъ,
Беклашевъ такъ швидко попин-
дрячивъ,
Що трохи у Хоцькахъ оглядѣвся
И у Пирятинъ прибѣжавъ.
За Канѣвскимъ гиньця прудкого
Пославъ тотъ часъ щобъ винъ до іого
На винну шию прибѣжавъ.

15.

Прибѣгъ гинець, взявъ Канѣвского,
Помчавъ іого, мовъ кѣшка мишъ,
И знатеме вже буде зъ іого,
Коли бувъ въ объиздѣ Беклишъ.
Козатство на внеройми дейко
И въ Перятинѣ раненько
Изуспѣло къ іому сусѣль.
Тутъ Канѣвскій такъ нахопився,
Що трохи зъ ляку не скрутився,
Беклишевъ сказалъ: „а ты видкиль?"

16.

Кричавъ, кричавъ, мовъ на собаку,
Точивъ балясы, ганьбувавъ,
Що Канивскій було изляку
Отъ тѣльки-тѣльки що не впавъ.

„Якъ дамъ тобѣ (я) халазіи,
Щобъ ты не строилъ чудасіи
И изъ народу не глумивсь,
То будешъ тямить Савчинъ діо-
готь,—
Залью тобѣ свинцю за ноготь!“
И іонъ, и іонъ якъ росходився.

17.

ПанъКанѣвскійстоявъсмирненько,
Не знавъ винъ, на яку ступать;
И кланявся іому низенько,
Якъ самъ не свій, ни шисть, ни пять.
И комисару тутъ случилось,
Чого николи и не снилось:
И въ нисъ, и въ ротъ, и по губамъ...
Сказавъ изъ панства заразъ ски-
нуть,
Не давъ козацькимъ головамъ за-
гинуть,
Спасибѣ,—добрый панъ бувъ намъ!

18.

Якъ же добрався до Прилуки,
Тамъ колоту наробывъ,—
Кому тамъ не було науки,
На гречку всѣхъ перегонивъ.
А до Лубень якъ докосивсь,
То вже и Богъ отступивсь:
Було пѣдпанкамъ и панамъ,
Було соцькимъ и бургомистрамъ,
Секретарямъ и канцилиристамъ,
Втрусивъ на кабаку и лѣкарямъ.

19.

Смикнувъ потимъ до Кременчука,
И тамъ всѣхъ переганьбувавъ;
Була тутъ и купцямъ наука,
Усю брехню винъ отгадавъ;
Давъ и злодѣямъ мартопляса,
Що бѣгали мовъ у Панаса,
Кровавымъ потомъ облились,
Передъ отвѣтомъ лупали очима;
Не вкрила ихъ лиха година
Заплакали всѣ и разойшлись.

20.

Такую строивъ чудасѣю,
Що далибѣ ажъ страхъ бере,
Нагнавъ и судьямъ калазію,
Що знатеме всякъ, поки и вмре.
Не будуть драти бѣлшъ съ гро-
мады
И всякіи робить неправды.
Нехай здорови будуть,
Такого страху имъ нагнавъ,
Вже буде зъ имъ за губу,
Усѣмъ имъ славы доказавъ.

21.

Въ Полтавѣ трохи до кибети
На кабаку и тутъ втруснувъ,
И тильки що въ свои лабеты
Панивъ и судьивъ притягнувъ.
Булобъ може що и въ Хоролѣ,
Да встрѣтили Родзянки въ полѣ,
Іого съ собою потягли;
А тамъ, каже, люштиковали
И всякіе точили бали
И оковитки щось дали.

22.

Въ Зѣнькѣвъ и въ Гадячъ якъ
добрався,
То всѣхъ якъ зайцевъ розѣгнавъ,
Да Швикопламенецъ(?) дознався

И трохи, кауть, упросивъ;
А тобѣ двѣ випили неповнихъ.
Дай такъ зробивъ всѣхъ солонихъ
И баляндрасовъ наточивъ;
Вказавъ имъ дорогу до болота
Воды пить, въ кого сухота,
И трохи, кауть, усмиривъ.

23.

Зъ Рѣмнѣ мабуть циганъ злякався,
Бо тутъ смирненько обійшовсь
И свидче съ города убрався:
Нихто розсердить не знайшовсь.
А въ Глуховѣ,що и въ Новгородѣ,
Було вельможнѣйшій всѣй громадѣ,
За шкуру сала заливавъ;
За бѣдный тамъ народъ вступився,
Що на панивъ якъ розсердився,
То трохи зъ крику не пропавъ.

24.

Уже що панъ бувъ, грѣхъ сказати,
Такого рѣдко и пошукать.
Недобра бъ не взяла насъ мати,
Було бъ іого за що зградать.
Такъ що жъ, братко, вже якъ
дознались
Паны, въ Чернѣгѣвъ всѣ збирались,
И дейко въ Петенбургъ гиньця,
Бо вже везе всѣмъ добру хліору,
Що не сховаться и въ комору,
Задасть винъ имъ усѣмъ ловця(sic).

25.

Гинець прибѣгъ и до самого
Въ палати золоти явивсь,
Самъ якъ спитавъ гинця швидкого,
То такъ тобѣ и заходивсь.
Роскривъ суплику и читае,
Чого тамъ, бачъ, въ ней немае,
Мовъ чортъ на ухо имъ шипнувъ.
Крутивъ, крутивъ самъ головою,
Велѣвъ гинцеви ити съ собою
И прокурора тутъ кликнувъ.

26.

„Затенперуй, сказавъ, гарненько,
Перо и папиръ возьми:
Моторно, круто и швиденько
Пиши, митью угомзны:
Нехай не дуже коверсуе
Да въ Петербурхъ швиндрує.
Ось мы іому а іонъ и іонъ!
Да вже винъ всѣхъ тамъ пороз-
гонивъ,
Багацько лиха вже наковъ,
Гинця пирнувъ видъ себе вонъ“

27.

То тѣльки що хотѣвъ писати,
Якъ заразъ и перо впустивъ;
На Малу Русъ мавъ налагати,
И вже бъ винъ іи пидкрутивъ.
Самъ гулькъ, ажъ винъ у весь
трусився,
И пѣтъ видромъ изъ іого лився
Дрижить тобѣ мовъ сатана,
„Иди собѣ, сказавъ, злый сыну,
Ты, „мовъ несвижій“, пускаешъ
слыну, —
Цуръ пек тоби да осина.

28.

Кликнить минѣ сюди другого,
Той мабуть знае трохи бѣлшъ!“
Якъ прискочивъ другій до іого,
Списавъ ввесь аркушъ або й бѣлшъ.

Пославъ гинця за нимъ такого,
Мовъ птахъ летѣвъ що до самого,
И дуже, кауть, прикрутивъ.
Вхвативъ винъ іого, де заставъ,
И въ Чернѣгѣвъ не допустивъ.
Той такъ тобѣ и полетѣвъ.

29.

Прибѣгъ гинець и напустився,
Щобъ въ Петербурхъ винъ убиравсь.
Изъ часъ и бѣлше не барився,
Но винъ недуже излякавсь;
Ставъ самъ собѣ мирковати,
Чи заразъ въ Петенбурхъ чухрати,
Чи въ Кіевъ ихать до святыхъ,
Щобъ тамъ з усѣми попрощаться,
Бо може бѣлше не видаться;
Дай тутъ таки ище не оттихъ.

30.

Якъ ставъ зъ усѣми толковати,
Щобъ бѣлше здорства не було,
Брехню на очи викидати
И все казати, що пришло.
Винъ лаявъ всѣхъ посоромитскій,
Щобъ соромъ ихъ побивъ несвѣтскій,
И по московскій загинавъ;
То волосъ дибомъ ажъ пиднявся,
А иншій такъ тобѣ злякався,
Що слыну, мовъ несвижій, пускавъ.

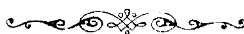
31.

Кричавъ и витребеньки строивъ,
Було посередъ батька всѣмъ,
Чого вже знаешъ, винъ не коивъ,
Недуже уважавъ панивъ,
Забувъ и о святыхъ за крикомъ,
Такимъ злымъ напустився лихомъ,
Що ни здумать, ни згадать;
Крутивъ, крутивъ, мовъ вовкъ вивцями,
Кобець мовъ мижъ горобцями,
Не можна и перомъ списать.

32.

Ще мудровавъ бы може й довго,
Та дуже, бачъ, гинець ягливъ,
Щобъ ихавъ швидче до самого,
Іого щобъ бѣлше не баривъ;
Вхвативъ іого, и самъ у будку —
Таку я, бачъ, чувавъ погудку,—
Помчавъ, помчавъ, ажъ загуло.
Пани жъ усѣ перехристились.
Отъ лиха що освободились,
Іого-жъ тобѣ якъ не було.

КОНЕЦЪ.

VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ.

25-го января окончились въ Москвѣ занятія VIII-го археологическаго съѣзда, совпавшаго съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Московскаго археологическаго общества. Юбилейное засѣданіе состоялось 8 января, а открытіе съѣзда на слѣдующій день, 9-го числа въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича съ Супругой и массы депутатовъ, членовъ и почетныхъ гостей. Въ юбилейномъ засѣданіи была прочитана историческая записка о дѣятельности общества, а вслѣдъ за тѣмъ въ теченіе 2—3-хъ часовъ произносились привѣтствія и адресы разными депутаціями. Эффектное и величественное зрѣлище представляли изъ себя, по окончаніи засѣданія, залы историческаго музея, освѣщенныя электричествомъ; эффектъ еще болѣе усилился, когда появился многочисленный хоръ синодальныхъ пѣвчихъ и прекрасно исполнилъ нѣсколько старыхъ историческихъ пѣсенъ. Въ день открытія съѣзда, предсѣдателемъ предварительнаго комитета графиней Уваровой была доложена записка о подготовительныхъ работахъ къ съѣзду. Комитетъ, съ графиней Уваровой въ главѣ, много потрудился, чтобы московскій археологическій съѣздъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды — и его труды не пропали даромъ. На призывъ его откликнулось 68 различныхъ ученыхъ учрежденій, приславшихъ болѣе 150 депутатовъ; общее же число членовъ равнялось 380. Депутаты были отъ академіи наукъ, всѣхъ русскихъ университетовъ, петербургской, московской, и кіевской духовныхъ академій, Демидовскаго юрид. лицея, археологическаго института и Лазаревскаго института восточныхъ

языковъ, историческихъ, антропологическаго, географическаго и археологическихъ обществъ (московскаго, петербургскаго, одесскаго, кіевскаго, харьковскаго, новороссійскаго), главнаго штаба и артиллерійскаго управленія, архивовъ мин. юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, губернскихъ музеевъ, архивныхъ коммиссій и статистическихъ комитетовъ: тверскаго, пензенскаго, воронежскаго, казанскаго, новгородскаго, витебскаго, таврическаго, нижегородскаго и т. п. Финляндская археологія была представлена тремя депутатами, въ числѣ которыхъ былъ и извѣстный проф. Аспелинъ. Наконецъ, и Зап. Европа прислала своихъ представителей на праздникъ русской археологіи: изъ Франціи прибыли Эмиль Картальякъ, графъ Луи де-Флери и баронъ де-Бай, изъ Германіи д-ръ Гремплеръ, изъ Австріи Францъ Хегеръ и пр.-доц. Стржиговскій. И нужно сознаться, что Москва съумѣла принять своихъ гостей. Почетный предсѣдатель съѣзда Великій Князь Сергѣй Александровичъ пригласилъ членовъ съѣзда къ себѣ во дворецъ на обѣдъ и въ большой театръ на спектакль. Моск. генералъ-губернаторъ оказалъ вниманіе членамъ съѣзда приглашеніемъ ихъ на раутъ. Моск. городская дума ассигновала въ распоряженіе съѣзда 2500 р., а городской голова г. Алексѣевъ устроилъ въ помѣщеніи думы на свои средства обѣдъ, въ которомъ участвовало 400 чел. гостей. Антропологическое общество назначило спеціальное засѣданіе, на которомъ, между прочимъ, приглашеннымъ археологамъ показывался фонографъ Эдиссона. Архимандритъ Троице-Сергіевской Лавры, извѣстный ученый палеографъ о. Леонидъ выказалъ необыкновенное радушіе, принимая членовъ съѣзда, пріѣхавшихъ осмотрѣть достопримѣчательности Лавры. Всѣ депутаты, а въ особенности иностранные, были очарованы оказаннымъ имъ гостепріимствомъ, что и выразили въ своихъ прощальныхъ рѣчахъ.

Но праздники не мѣшали ученымъ занятіямъ съѣзда. Съѣздъ продолжался 2 недѣли. Въ это время было 34 засѣданія (изъ нихъ 3 общихъ и 31 частное) и на нихъ прочитано 136 рефератовъ, т. е. по четыре реферата въ каждомъ или по десяти рефератовъ въ день. Для того, чтобы прочесть всѣ эти сообщенія, необходимо было раздѣлиться на секціи; всѣхъ секцій

было 9; больше всего было сдѣлано сообщеній по секціи памятниковъ историко-географическихъ (6 засѣданій и 25 рефератовъ), затѣмъ слѣдовали отдѣленія первобытныхъ древностей (5 засѣданій и 21 сообщеніе), памятниковъ славянорусскаго языка и письма (5 засѣд., 21 сообщ.) памятниковъ церковныхъ (4 засѣд. и 13 рефератовъ), восточныхъ (3 засѣданія, 12 рефератовъ), русскаго быта домашняго и общественнаго (2 засѣданія, 9 рефератовъ), памятниковъ археографическихъ (2 засѣданія, 9 рефератовъ), искусствъ и художествъ (2 засѣданія), древностей классическихъ, византійскихъ и зап.-европейскихъ (2 засѣданія, 7 рефератовъ). Не всѣ рефераты отличались солидностью и интересомъ своего содержанія; не всѣ отличались осторожностью въ выводахъ и заключеніяхъ: многіе были встрѣчены цѣлымъ рядомъ серьезныхъ возраженій и замѣчаній. Но нельзя не сказать, что *въ общемъ* доклады, предложенные вниманію нынѣшняго съѣзда затронули много важныхъ вопросовъ и нѣкоторые изъ нихъ рѣшили вполнѣ удовлетворительно. Въ каждой секціи можно указать на нѣсколько такихъ докладовъ.

По самому свойству задачи преслѣдуемой „Кіевской Стариной“ мы коснемся только тѣхъ сообщеній, которыя имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ территоріи южной Россіи. Въ первыхъ двухъ секціяхъ—древностей первобытныхъ и историко-географическихъ—сюда относились рефераты проф. Д. Я Самоквасова, пр. В. Б. Антоновича, Г. Л. Скадовскаго, К. Н. Мельникъ, Н. Е. Бранденбурга, г. Хайновскаго, мой, проф. Хвольсона, проф. Будиловича и проф. Дмитріевскаго. Въ остальныхъ отмѣтимъ чтенія того-же пр. Дмитріевскаго, проф. Павлова, проф. Соболевскаго, г. Богдана и г. Янчука.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ выступилъ съ двумя рефератами общаго и третьимъ спеціальнаго содержанія. Первый рефератъ „*Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи*“ былъ посвященъ чрезвычайно важному, можно сказать, основному вопросу русской археологіи—классификаціи курганнаго матеріала. Матеріала этого въ настоящее время собрано уже очень много и является настоятельная необходимость въ его группировкѣ и систематизаціи. Д. Я. Самоквасовъ предложилъ систе-

матизировать его по историческимъ эпохамъ. Историческія свидѣтельства въ связи съ матеріаломъ, доставляемымъ раскопками, даютъ возможность отнести всѣ курганы, раскопанные въ предѣлахъ южной и центральной Россіи, къ пяти эпохамъ, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ хронологическомъ порядкѣ. 1-я древнѣйшая—эпоха киммерійская, продолжавшаяся до VII вѣка передъ Р. Х., т. е. до прихода въ южно-русскія степи скиѳовъ. Киммерійскія могилы характеризуются, по словамъ докладчика, отсутствіемъ желѣзныхъ издѣлій и присутствіемъ костяныхъ, каменныхъ и бронзовыхъ вещей; сюда нужно отнести многіе курганы въ кубанской области и сѣверномъ Кавказѣ. 2-я эпоха—скиѳская (съ VII по II в. до Р. Х.); въ скиѳскихъ курганахъ мы находимъ уже желѣзо; сами они отличаются особымъ устройствомъ, а находимые здѣсь предметы искусства носятъ на себѣ печать эллинскаго вліянія (греческихъ черноморскихъ колоній); таковы чертомлыцкая могила, курганъ, разрытый г. Оссовскимъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кіев. губ. и мн. др. 3-я эпоха—сарматская (со II-го вѣка до Р. Х. по VI-й в. по Р. Х.), въ ея могилахъ мы находимъ монеты и предметы искусства римскаго характера императорской эпохи; таковы курганы у с. Яблоновки и др. Четвертая эпоха—антославянская (съ VI-го по X-й в. по Р. Х.); здѣсь уже римское вліяніе смѣняется византійскимъ, восточнымъ и западноевропейскимъ; сюда слѣдуетъ отнести, напр., извѣстные сѣверянскіе курганы черниговской губ. и мн. др. Наконецъ, пятая эпоха—монголо-татарская; могильники ея характеризуются присутствіемъ татарскихъ монетъ XIII, XIV вв. Классификація Д. Я Самоквасова встрѣтила возраженія со стороны многихъ археологовъ—гг. Хвольсона, Анучина, Милюкова. Указано было, между прочимъ, что классификація эта не приложима къ центральной Россіи, такъ какъ въ ней вовсе не отмѣчены финны; что же касается соотвѣтствія ея съ южнорусской исторической этнографіей, то и здѣсь оказываются кое-какіе недочеты—пропущены готы, печенѣги, торки и половцы; кромѣ того, киммерійская эпоха мало уясняется намъ историческими свидѣтельствами. Въ своемъ отвѣтѣ оппонентамъ Д. Я. Самоквасовъ заявилъ, что его классификація основана не на этнографическихъ

признакахъ указанныхъ имъ народностей (которые дѣйствительно недостаточно выяснены историческими данными), а просто на хронологическихъ граняхъ, отдѣляющихъ одинъ народъ отъ другого. Мы отъ себя замѣтимъ слѣдующее. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что историческія пріуроченія, указанныя Д. Я. Самоквасовымъ, имѣютъ вполнѣ реальное основаніе, но едва ли въ нихъ можетъ уложиться весь археологическій матеріалъ, доставляемый курганными раскопками даже въ предѣлахъ одной южной Россіи. Классификація Д. Я. Самоквасова имѣетъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторое практическое значеніе въ особенности для археологовъ, мало знакомыхъ съ историческими свидѣтельствами о древнѣйшей судьбѣ южнорусскаго края; но едва ли, при своемъ слишкомъ общемъ характерѣ, она можетъ претендовать на универсальное значеніе. Не можемъ не вспомнить здѣсь аналогичной попытки почтеннаго одесскаго изслѣдователя А. А. Матвѣева, котораго брошюру „Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи“ издалъ въ 1884 г. распорядительный комитетъ VI (одесскаго) археологическаго съѣзда. Брошюра эта представляетъ, по словамъ автора, попытку оріентироваться среди значительнаго уже археологическаго матеріала и какъ таковая дѣйствительно оказывается полезнымъ пособіемъ для всякаго практическаго археолога, тѣмъ болѣе что заключаетъ въ себѣ массу библіографическихъ данныхъ.

2-й рефератъ Д. Я Самоквасова „*О происхожденіи русскихъ славянъ и причинъ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ областяхъ центральной Европы*“ только отчасти касался юга. Сущность его вкратцѣ такова: Д. Я. Самоквасовъ опровергаетъ господствовавшее доселѣ объясненіе происхожденія кладовъ съ римскими монетами. Западные археологи объясняли присутствіе этихъ кладовъ на территоріи центральной Европы сношеніями древнихъ римлянъ съ янтарнымъ — Балтійскимъ побережьемъ. Но на самомъ дѣлѣ, по письменнымъ свидѣтельствамъ, приводимымъ референтомъ, оказыватся, что римляне и не знали странъ, находящихся за Эльбой, а вели торговлю только съ пограничными народами. Съ другой стороны находки обширныхъ кладовъ съ римскими монетами встрѣчаются въ такихъ восточныхъ областяхъ

нын. Россіи, которыя вовсе уже не могли торговать съ римлянами (бассейнъ Днѣпра, Десны, Сулы, Донца, Оки). Это обстоятельство привело референта къ мысли, что монеты эти вынесены были славянами изъ Гето-Дакіи, откуда они вышли, по свидѣтельству русской лѣтописи, вслѣдствіе притѣсненій волоховъ, т. е. римлянъ, покорившихъ, какъ извѣстно, Дакію при имп. Траянѣ. Это доказывается и составомъ монетныхъ кладовъ (они относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х.), и ихъ географическимъ распространеніемъ въ территоріи, занятой русскими и ляшскими славянами. Теорія Д. Я. Самоквасова была встрѣчена цѣлымъ рядомъ возраженій со стороны г.г. Соболевскаго, Маркевича, Анучина, Лучицкаго и Антоновича. Каждый изъ оппонентовъ указалъ на какое нибудь слабое мѣсто въ доказательствахъ референта и эти возраженія, взятыя въ совокупности, нужно признать весьма серьезными. Намъ лично кажется, что мысль Д. Я. Самоквасова о связи римскихъ монетныхъ кладовъ съ господствомъ римлянъ на Дунаѣ заслуживаетъ вниманія; напрасно только референтъ *исключительно* этою связью объясняетъ происхожденіе такихъ кладовъ; здѣсь, конечно, могли имѣть мѣсто и торговыя отношенія, на которыя указывали г.г. оппоненты. Что же касается западно-европейскихъ кладовъ (весьма численныхъ), то по отношенію къ нимъ теорія Д. Я. Самоквасова совѣмъ неприложима, ибо тамъ славянъ вовсе не было.

Третій рефератъ Д. Я. Самоквасова „*Раскопки въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губ. у д. Аксютинецъ*“ былъ въ высшей степени инлересенъ по своему содержанію. Д. Я. Самоквасовъ, не останавливаясь передъ большими затратами, (1200 р.), раскопалъ огромный курганъ („Старшую могилу“) достигавшій отвѣсной высоты 10 сажень и представлявшій изъ себя цѣлую гору, обнесенную широкимъ рвомъ и валомъ. Къ сожалѣнію курганъ этотъ оказался разграбленнымъ еще въ древности и попорченнымъ въ наше время (однимъ извѣстнымъ археологомъ-кладоискателемъ). Тѣмъ не менѣе раскопка его въ связи съ розысканіями, произведенными въ меньшихъ курганахъ (какъ самимъ Д. Я. Самоквасовымъ, такъ и другими лицами—г.г. Мазараки и Антоновичемъ) привела къ заключенію, что въ бассейнѣ р. Сулы

жилъ одинъ народъ, о богатой культурѣ котораго свидѣтельствовали предметы, представленные проф. Самоквасовымъ вниманію членовъ съѣзда. Предметы эти, по своему характеру, относятся къ сарматскому періоду.

Нельзя не удивляться энергіи почтеннаго Д. Я. Самоквасова, который вотъ уже болѣе 20 лѣтъ занимается правильными научными раскопками, оказывающимися обыкновенно чрезвычайно удачными по своимъ результатамъ.

Вопросу о классификаціи кургановъ, хотя впрочемъ въ предѣлахъ одной кіевской губ., было посвящено и прекрасное сообщеніе извѣстнаго историка-археолога В. Б. Антоновича (*Типы кургановъ въ кіев. губ.*). Изучивъ громадный матеріалъ, доставленный многочисленными раскопками кургановъ по кіев. губ. референтъ свелъ его къ тремъ важнѣйшимъ отдѣламъ, изъ коихъ каждый въ свою очередь распадается на нѣсколько болѣе мелкихъ подраздѣленій. Первый типъ погребенія самый древній—каменнаго вѣка. Онъ дѣлится на 3 подраздѣленія: а) небольшіе курганы съ исключительно каменными предметами; костяки лежатъ на песчаномъ слоѣ; иногда они обернуты въ бересту; б) могилы безъ насыпи изъ каменныхъ плитъ; на днѣ стоятъ сосуды со жженными костями; при нихъ встрѣчаются гладкіе полированные топорики; в) большія насыпи съ цѣлымъ рядомъ ямъ, въ которыхъ находится иногда по 2 и больше скелетовъ въ согнутомъ положеніи; при нихъ попадаются молотки на длинныхъ костяныхъ цѣпочкахъ; нѣкоторые скелеты окрашены красною краскою. Второй типъ—скиоскій; гробницы высѣчены изъ камня; вещи по большей части желѣзныя, хотя попадаются и бронзовыя (напр. зеркала); характерными предметами являются здѣсь желѣзные чушуйчатые панцыри и желѣзныя же съ бронзовыми наконечниками копья, а также огромные кувшины съ остатками пищи и раковины. Третій типъ—славянскій съ очень замѣтнымъ преобладаніемъ серебряныхъ вещей. Подраздѣляется онъ на два вида: а) древлянскія могилы въ сѣверной части кіевской губ.; могила копалась здѣсь до подпочвы и вокругъ всего скелета оказывались гвозди; сосудовъ здѣсь почти не встрѣчалось, если не считать желѣзныхъ ведерокъ; въ головахъ нѣкорыхъ скелетовъ

находимы были серебряныя кольца, украшавшія волосы покойницъ; б) могилы полянской территоріи, въ которыхъ умершаго хоронили вмѣстѣ съ лошадью; скелетъ въ полномъ вооруженіи съ типичнымъ шлемомъ нашей княжеской эпохи. Кромѣ этихъ болѣе чистыхъ типовъ были и смѣшанные, которые здѣсь опускаются.

Таково содержаніе выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ реферата пр. В. Б. Антоновича; въ методологическомъ отношеніи онъ несомнѣнно является образцомъ для всякаго археолога; особенно цѣнно здѣсь то, что авторъ сдѣлалъ свои обобщенія исключительно на основаніи археологическаго матеріала и эти обобщенія были построены столь осторожно, что не вызвали никакихъ возраженій на съѣздѣ. Рефератъ В. Б. Антоновича служитъ яркимъ доказательствомъ той мысли, что въ настоящее время возможна только пока частная областная классификація археологическаго матеріала, и только впослѣдствіи путемъ сведенія въ одно цѣлое всѣхъ этихъ обобщеній возможно будетъ создать дѣйствительно универсальную классификацію, которая будетъ основана на всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ. Эту же мысль подтверждаетъ и прекрасный рефератъ проф. В. З. Завитневича, который распадается на 2 части: въ первой изложены общія соображенія референта о способахъ классификаціи археологическихъ данныхъ, а во второй сдѣлана попытка классифицировать тотъ матеріалъ, который былъ открытъ при раскопкѣ бѣлорусскихъ кургановъ. В. З. Завитневичъ высказывается рѣшительно въ пользу археологическаго, а не историческаго критерія для классификаціи курганнаго матеріала. Такую же мысль высказывалъ въ своемъ обширномъ и обстоятельномъ докладѣ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ извѣстный археологъ ген.-м. Н. Е. Бранденбургъ. Такимъ образомъ очевидно, что мнѣніе это находитъ себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что историческія свидѣтельства тутъ нисколько не устраняются—но имъ отводится надлежащее мѣсто.

Сообщеніе помѣщика херс. уѣзда Г. Л. Скадовскаго должно быть признано однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ. Напрасно г. Скадовскій аттестовалъ себя простымъ люби-

телемъ—всѣ пріемы его были строго научные и обличали въ референтѣ добросовѣстнаго, пріобрѣвшаго значительную эрудицію изслѣдователя. Г. Л. Скадовскій произвелъ правильную раскопку кургановъ въ своемъ имѣніи близь м. Бѣлозерки, въ херс. уѣздѣ, у Бѣлозерскаго городища и представилъ съѣзду обширное сообщеніе, дневникъ раскопокъ и цѣлую коллекцію череповъ, предметовъ и фотографическихъ снимковъ, дававшихъ ясное представленіе о самыхъ могильныхъ камерахъ и положеніи въ нихъ покойниковъ. По недостатку времени онъ пропустилъ 3 главы своего сообщенія, въ которыхъ заключались свѣдѣнія о географическомъ распредѣленіи кургановъ и о техникѣ раскопокъ, и только остановился на характеристикѣ погребальныхъ типовъ, встрѣченныхъ имъ въ этихъ курганахъ. Всѣхъ такихъ типовъ референтъ насчитываетъ семь: одни изъ нихъ относятся къ древнѣйшей порѣ—каменному вѣку, другіе, болѣе поздніе—къ скиѳскому періоду. Въ древнѣйшихъ небольшихъ и неглубокихъ могильныхъ ямахъ скелеты лежатъ на слоѣ зеленой глины съ согнутыми колѣнями; при нихъ находятся каменныя орудія; кости окрашены какою то мастикой; черепа долихоцефалическіе; землю для могилы копали треугольными камнями, которые и были находимы въ могилахъ. Въ болѣе новыхъ могилахъ, но все того же каменнаго вѣка, окрашенные скелеты находятся въ утробномъ (скорченномъ) положеніи; при каждомъ изъ нихъ стоитъ грубой работы горшокъ, иногда костяныя издѣлія и амулеты; головой скелеты обращены обыкновенно на юго-востокъ. Третій типъ характеризуется похоронами покойника въ лодкѣ вмѣстѣ съ конемъ; въ этихъ курганахъ находятся уже металлическія вещи. Остальные четыре типа (4—7-й) имѣютъ уже несомнѣнно прямое отношеніе къ скиѳско-эллинской культурѣ. Въ могилахъ четвертаго типа при скелетахъ мы находимъ уже посуду греческой работы съ надписями, браслеты, ожерелья и т. п. Найденные здѣсь черепа съ красивымъ профилемъ и выпуклымъ лбомъ приводятъ къ мысли, что тутъ были погребены греческіе колонисты. Могильныя ямы пятаго типа весьма характерны по своему устройству; находимые здѣсь предметы отличаются единообразіемъ; это желѣзный ножъ съ костяною ручкою, изящная греческая посуда, зеркала и раз-

ныя украшенія; оружіе въ видѣ исключенія найдено только въ одномъ такомъ курганѣ; на черепицѣ выбито было клеймо съ гербомъ Ольвіи. Шестой типъ отличается отъ предъидущаго устройствомъ могилъ, обязательнымъ присутствіемъ оружія вмѣстѣ съ костями лошадей; это даетъ поводъ предполагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ кочевыми скиѳами, а въ предъидущемъ—съ осѣдлыми. 7-й типъ, наконецъ, характеризуется похоронами въ ямѣ, имѣющей форму лодьи, и присутствіемъ серебряныхъ украшеній. Уже изъ этого краткаго изложенія можно видѣть, какъ много новыхъ и интересныхъ заключеній дали раскопки г. Скадовскаго для русской археологіи вообще и археологіи Новороссійскаго края въ частности. Можно только пожелать, чтобы онъ продолжилъ свои изслѣдованія и приступилъ къ раскопкамъ могильника близъ городища у Глубокой Пристани, гдѣ, по его мнѣнію, также можно найти аналогическіе предметы.

Рефератъ г-жи К. Н. Мельникъ „*Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у днѣпровскихъ пороговъ*“ былъ доложенъ проф. В. Б. Антоновичемъ. Мѣстность эта находится на берегу Днѣпра между Сурскимъ и Лоханскимъ порогами. О ней давно уже ходили слухи, какъ о территоріи, богатой кладами. Жители села Волоскаго находили здѣсь много каменныхъ орудій. Неудивительно, что сюда приходили и кладоискатели, которые изрыли землю въ разныхъ направленіяхъ. Г-жѣ Мельникъ поручено было сдѣлать тутъ правильныя археологическія изысканія. Изысканія эти привели къ весьма важнымъ открытіямъ. Весь культурный слой площадки, гдѣ произведены были раскопки, изобиловалъ остатками былой жизни. Въ четырехъ мѣстахъ этой площадки открыты были четыре гнѣзда, оказавшіяся настоящими кладовыми древнихъ орудій. Но любопытнѣе всего то, что орудія эти здѣсь же на мѣстѣ и производились—это были настоящія мастерскія каменнаго вѣка. Доказательствомъ этого служитъ находка многихъ недодѣланныхъ или испорченныхъ во время работы предметовъ. Таковъ, напр., каменный молотокъ, въ которомъ только начали сверлить отверстіе и т. п. Въ мастерскихъ этихъ приготовлялись каменныя орудія, костяныя вещи и глиняныя издѣлія; къ числу первыхъ относятся ножи, скребки, стрѣлки, точильные

камни, пращи и т. п.; среди глиняной посуды особенное внимание обращаетъ на себя лѣпная орнаментировка. Сообщеніе это демонстрировалось найденными предметами, которые сильно заинтересовали присутствующихъ.

I. А. Хайновскій сдѣлалъ сообщеніе о *„Курганъ Сауръ въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ екатерин. губ.“*. Въ курганѣ этомъ были найдены скелеты, окрашенные красною краскою. Объясненію этого загадочнаго обстоятельства и былъ посвященъ главнымъ образомъ рефератъ г. Хайновскаго. Черепа эти и кости, по мнѣнію г. Хайновскаго, отличались большою древностью, значительно превосходя въ этомъ отношеніи скиѳскіе и приближаясь къ извѣстному Дюссельдорфскому черепу, который причисляется Катрфажемъ къ первобытной Капштадской расѣ длинноголовыхъ. По наблюденіямъ, произведеннымъ русскими археологами, оказывается, что окрашенныя кости принадлежатъ древнѣйшимъ могиламъ. По анализу краска оказалась водною окисью желѣза. Происходеніе краски на костяхъ г. Хайновскій объясняетъ тѣмъ, что народъ этотъ окрашивалъ въ красный цвѣтъ свои волосы и бороду и одѣвался въ шкуры, выдубленныя при помощи той же краски; когда же тѣло сгнивало, краска переходила на кости. Когда г. Хайновскій окончилъ свое длинное сообщеніе, поднялся проф. Д. Н. Анучинъ и заявилъ, что объясненіе г. референта едва ли можетъ быть принято, такъ какъ оно слишкомъ натянуто и вопросъ о происхожденіи окрашиванія остается, по мнѣнію профессора, по прежнему открытымъ.

Сообщеніе Н. Е. Бранденбурга *„Къ вопросу о происхожденіи каменныхъ бабъ“* было вызвано раскопкою одного кургана въ Новороссіи, на которомъ стояла каменная баба. Референтъ затронулъ очень интересный вопросъ, но едва ли можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, къ которому онъ повидимому склоняется,—что каменныя бабы имѣютъ связь со скиѳскими могилами; болѣе вѣроятно относить ихъ къ половцамъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ южн. Россіи.

Содержаніе моего реферата *„Общій очеркъ древностей харьковской губ.“* имѣло цѣлью опровергнуть установившееся мнѣніе, что харьковская губ. въ археологическомъ отношеніи

не представляетъ никакого интереса. Изъ отрывочныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ изданіяхъ, оказывается, что въ предѣлахъ харьк. губ. существовалъ каменный періодъ, который раньше не былъ отмѣченъ. Есть данныя, указывающія и на существованіе бронзовой эпохи, хотя въ очень неопредѣленной, смѣшанной формѣ. Сюда именно относятся находки *типичныхъ* вещей бронзовой культуры въ богодух. уѣздѣ г. Зарѣцкаго (кельтъ, копье, мечъ, фибула). Эти вещи слѣдуетъ отличать отъ предметовъ, найденныхъ тѣмъ же г. Зарѣцкимъ въ курганахъ. Курганныя находки относятся къ I—III в.в. по Р. Х., о чемъ свидѣтельствуетъ и монета Септимія Севера. Всѣ римскія монеты, найденныя въ харьк. губ., относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х. Золотыя вещи, найденныя въ курганахъ г. Зарѣцкимъ (бляшки изъ двухъ колчановъ), могутъ быть отнесены къ скиѳосарматскому періоду. Всѣ другія монетныя находки относятся уже къ болѣе позднему времени—VI—IX в.в. и заключаютъ въ себѣ византійскія и арабскія монеты. Имъ соотвѣтствуетъ хозарско-славянорусскій періодъ харьковской жизни, о которомъ свидѣтельствуютъ и письменные источники, и археологія, и географическая номенклатура. Нынѣшняя харьк. г. въ княжескій періодъ представляла изъ себя украйну Чернигово-Сѣверской земли; здѣсь существовали города—Вырь, Вьяхань, Попашъ, Донецъ, Шарукань, Чешуевъ и др. Остатками то этихъ городовъ являются многочисленныя городища, разсѣянныя въ предѣлахъ харьк. губ. и упоминаемыя уже въ географическихъ источникахъ XVI—XVII в.в. Не всѣ они относятся къ древнему періоду нашей исторіи—есть и старѣе, и моложе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и находки, которыя попадаются тамъ, и самыя названія ихъ. Одни звучатъ по славянски (Хорошево городище, Кабанье и др.), другія указываютъ на инородцевъ (Торчиново, Хозаревское, Бусовъ яръ и др.). Тюрки господствовали въ южной части губ. и памятниками пребыванія ихъ здѣсь повидимому нужно признать каменныя бабы, которыя распространены въ южныхъ уѣздахъ (изюмскомъ, зміевскомъ и др.). Для подкрѣпленія или опроверженія нѣкоторыхъ изъ этихъ выводовъ необходимо продолжать раскопки, ко-

торыя положатъ начало въ будущемъ харьковскому археологическому музею.

Всѣ перечисленныя здѣсь сообщенія основывались въ большей или меньшей степени на археологическихъ данныхъ; остальныя же были составлены по письменнымъ источникамъ.

Вопросу о происхожденіи и началѣ имени „Русь“ было посвящено два сообщенія—небольшой, но цѣнный рефератъ извѣстнаго оріенталиста проф. Хвольсона и обширный рефератъ проф. варш. унив. г. Будиловича.

Проф. Хвольсонъ представилъ вниманію съѣзда данныя о Руси у арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе, которыя раньше относились къ концу IX в., а теперь по новымъ изслѣдованіямъ придвигаются къ нач. IX ст. Русь, по свидѣтельству Ибнъ-Хордадбе, ѣздила по Дону, Волгѣ и Каспійскому морю, доходила до Багдада и тамъ торговала, при чемъ переводчиками ей служили тамошніе славяне. Отсюда видно, что еще до такъ наз. призванія варяговъ существовала у насъ Русь, которая, по свидѣтельству другихъ арабскихъ писателей, обитала въ Поволжьѣ. Такимъ образомъ, въ этомъ извѣстіи мы получаемъ новое важное свидѣтельство о туземномъ происхожденіи Руси и нельзя не согласиться съ Д. И. Иловайскимъ, который заявилъ, что это коротенькое сообщеніе арабскаго писателя 1-й пол. IX в. наноситъ сильный ударъ норманизму. Г.г. Квашнинъ-Самаринъ и Милюковъ своими возраженіями не ослабили значенія этого извѣстія.

Рефератъ проф. А. С. Будиловича представляетъ цѣлую систему происхожденія Руси и, нужно сознаться, систему стройную, логичную и остроумную, хотя едва ли она рѣшитъ полуторавѣковой спорный вопросъ о началѣ русскаго государства. Каково происхожденіе слова Русь—туземное или иноземное? спрашиваетъ себя референтъ—и подвергаетъ его филологическому анализу какъ въ отношеніи морфологическаго строенія, такъ и со стороны функціональной. Въ строеніи его онъ видитъ двойственность корневой вокализаціи (русь и рось), необычную въ другихъ аналогичныхъ славянскихъ географическихъ терминахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово это имѣетъ не одно, а нѣсколько значеній (обозначаетъ то всю русскую землю, то одно Поднѣпровье и т. д.).

Изъ этихъ особенностей слова „Русь" (отмѣченныхъ впрочемъ, прибавимъ отъ себя, уже раньше) А. С. Будиловичъ дѣлаетъ выводъ, что оно не славянскаго, а чужеземнаго происхожденія. Но какого? Оно не могло быть ни финскимъ, ни литовскимъ, ни роксоланскимъ, ни варяжскимъ. А. С. Будиловичъ объясняетъ его изъ готскаго нарѣчія, принадлежащаго къ восточной отрасли германскаго языка. Въ пользу своего мнѣнія референтъ представилъ слѣдующія важнѣйшія доказательства. Готы жили довольно долго въ предѣлахъ Россіи, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ поселились поляне и былъ г. Кіевъ). Готское вліяніе отразилось въ славянскомъ языкѣ (названіе нѣкоторыхъ буквъ азбуки—азъ, глаголь, иже); отразилось оно и въ географическихъ и этнографическихъ именахъ (р. Бугъ, Бескиды). Слово Русь соотвѣтствуетъ готскому Hrôthis, Hrôs, въ которомъ основное ô звучало и какъ о, и какъ у. У готовъ существовало даже названіе одного племени Hrodh, Hroedh—gotaland; это была, по сказанію исландскихъ сагъ, область, лежавшая между Карпатами и Днѣпромъ; Росъ-Готія эта, такимъ образомъ, совпадаетъ съ кіевскимъ княжествомъ IX в. Если мы примемъ это толкованіе, говоритъ г. Будиловичъ, то имъ устранятся всѣ затрудненія, „ключемъ этимъ, по выраженію референта, отпираются всѣ замки". Мы думаемъ, что едва ли теорія эта можетъ удовлетворить всѣхъ. Спрашивается, какъ могутъ принять ее тѣ, кто считаетъ Русь туземнымъ славянорусскимъ племенемъ. Не отвѣчаетъ она и на тѣ возраженія, которыя раздаются обыкновенно по адресу норманнистовъ—въ чемъ отразилось вліяніе нѣмецкой (въ данномъ случаѣ готской) народности на славянорусскую. Наконецъ, нельзя не поставить на видъ того обстоятельства, что самая существенная часть теоріи (о готской области въ странѣ полянъ) построена на такихъ мутныхъ источникахъ, какъ исландскія саги. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія въ печати этого интереснаго изслѣдованія проф. Будиловича.

Проф. кіевской духовной академіи г. Дмитріевскій выступилъ съ рефератомъ „*О греческомъ нѣжинскомъ братствѣ и его уставѣ*", основаннымъ на новыхъ матеріалахъ, извлечен-

ныхъ изъ архива этого братства въ г. Нѣжинѣ. Прототипомъ греческаго братства считаются итальянскія, но къ сожалѣнію о нихъ мы почти ничего не знаемъ. Въ Нѣжинѣ мы находимъ грековъ уже въ пол. XVII в.; ихъ надѣляетъ нѣкоторыми привилегіями уже Богданъ Хмельницкій; его универсалъ подтверждается другими гетманами. Но фундаторомъ братства въ Нѣжинѣ былъ священникъ Христофоръ Димитріевъ. Сохранилась біографическая записка о немъ, которая правда отличается панегирическимъ характеромъ, но въ ней не мало и реальныхъ чертъ. Онъ энергично собиралъ подаянія для постройки каменной церкви, ходилъ даже съ этою цѣлью въ Москву—и труды его увѣнчались успѣхомъ. Умирая, онъ изложилъ свою мысль объ устройствѣ братства въ духовномъ завѣщаніи. Въ 1697 г. проектъ устава братскаго былъ представленъ на обсужденіе всей общины. Онъ состоялъ изъ 51-й главы. Здѣсь говорилось о братскихъ священникахъ, о выборѣ ихъ, отрѣшеніи отъ должности, доходахъ, объ обязанностяхъ братчиковъ, о выборѣ 12 человѣкъ для завѣдыванія школами, госпиталемъ, медовареніемъ и т. п. Уставъ былъ утвержденъ, но измѣнялся и дополнялся потомъ въ 1718, 1720, 34 и др. годахъ. Впослѣдствіи братство замѣнилось греческимъ нѣжинскимъ магистратомъ.

Наиболѣе интереснымъ въ настоящемъ докладѣ является характеристика содержанія братскаго устава; къ сожалѣнію, авторъ, вмѣсто того чтобы остановиться подробнѣе на этомъ содержаніи, нѣсколько увлекся біографіей о. Христофора, чѣмъ нарушилъ цѣльность впечатлѣнія.

Въ прямой непосредственной связи съ настоящимъ стояло другое сообщеніе того же референта *„Объ архивѣ нѣжинскаго братства“*; архивъ этотъ (въ г. Нѣжинѣ) находится въ полномъ небреженіи; а между тѣмъ въ немъ и теперь еще находится много цѣнныхъ матеріаловъ. Въ немъ сохранилось почти все мѣстное судопроизводство, которое было основано отчасти на греческихъ, отчасти на мѣстныхъ законахъ. Тутъ рельефно выступаютъ греческіе адвокаты, съ крайне несимпатическими чертами своей дѣятельности; отсюда мы ясно видимъ, какими исключительными привилегіями пользовалась греческая община и какъ трудно

было отстаивать свои законнѣйшія права мѣстному малороссійскому населенію. Малороссійскому магистрату чрезвычайно нелегко было привлекать грековъ къ отбыванію общегородскихъ повинностей, вся тяжесть которыхъ падала на южно-русскихъ обывателей города. Дѣла въ архивѣ хранятся съ 1696 по 1872-й годъ. Въ заключеніе референтъ высказалъ желаніе, чтобы документы эти были присоединены къ историческому архиву при харьковскомъ унив., такъ какъ они находятся другъ съ другомъ въ тѣсной органической связи. Я лично вполнѣ присоединился къ этому проекту и съ нимъ согласилась вся археографическая секція со своимъ предсѣдателемъ, директоромъ архива мин. иностр. дѣлъ барономъ Бюллеромъ во главѣ.

Заслуженный проф. москов. унив. А. С. Павловъ прочиталъ обширный и очень важный докладъ „*О подлинности церковнаго устава Владиміра св.*“ Въ началѣ референтъ указалъ на перемѣнчивую литературную судьбу этого памятника: Карамзинъ считалъ его подложнымъ, Неволинъ—подлиннымъ, теперь опять проф. Голубинскій и Суворовъ — подложнымъ. А. С. Павловъ даетъ этому вопросу новую методологическую постановку. Прежніе изслѣдователи смѣшивали матеріальное содержаніе памятника съ его внѣшней письменной формой. На самомъ же дѣлѣ здѣсь произошло то явленіе, которое можно было наблюдать и относительно Русской Правды: содержаніе устава съ большою вѣроятностью можетъ быть отнесено ко времени Владиміра св., но оно не было самимъ Владиміромъ облечено въ письменную форму, а только дано въ непосредственныхъ личныхъ распоряженіяхъ равноапостольнаго князя; другими словами, церковный уставъ Владиміра, подобно Русской Правдѣ, образовался путемъ частной кодификаціи нормъ церковной жизни и процессъ этой кодификаціи, начавшись при Владимірѣ, закончился только въ концѣ XIII в. Такова основная мысль сообщенія проф. А. С. Павлова; фактическая же сторона этого реферата состояла въ подробнѣйшемъ, тщательномъ анализѣ внутренняго содержанія этого памятника.

Проф. А. И. Соболевскій и молодой румынскій изслѣдователь г. Богданъ посвятили свои чтенія *грамотѣ Ивана Рости-*

славича Берладника, (1134 г.) которая хорошо извѣстна всѣмъ изслѣдователямъ галицко-русской исторіи. Оба референта пришли къ одинаковымъ заключеніямъ—о несомнѣнной подложности этой грамоты. Оба реферата взаимно дополняли другъ друга. Но особенное значеніе имѣлъ докладъ г. Богдана, удовлетворявшій всѣмъ требованіямъ строгой исторической критики. Г. Богданъ подвергъ самому тщательному анализу эту грамоту не только съ филологической стороны, но и съ палеографической и исторической. Изслѣдованіе вышло образцовое, напоминающее работы, производимыя въ École des chartes. Едва ли только былъ правъ г. Богданъ, отрицая вовсе существованіе русскихъ владѣній у Дуная. Извѣстный этнографъ Н. А. Янчукъ прочелъ сообщеніе *„Эпизодъ изъ области критики народной поэзіи“*, въ которомъ разобралъ и объяснилъ двѣ старинныя малороссійскія обрядовыя пѣсни. Одна изъ нихъ свадебная: „Нема попа дома, поихавъ винъ до Львова, ключей куповаты, церковь одмыкаты, двое людей винчаты“. Референтъ видитъ здѣсь одно изъ проявленій величальныхъ свадебныхъ мотивовъ: ради торжественности самъ батюшка отправляется во Львовъ, чтобы купить тамъ ключи, которыми отпирается церковь. Другая пѣсня о Зелиманѣ, который ѣдетъ „по дивоньку“. Она, по мнѣнію референта, принадлежитъ къ весняночнымъ; самое имя Зелимана, можетъ быть, стоитъ въ связи съ „зеленымъ маемъ“.

Не могу, къ сожалѣнію, передать содержанія еще четырехъ рефератовъ, относящихся къ южной Россіи—проф. А. В. Прахова *„Изслѣдованіе Мстиславова Владиміро-Волынскаго собора XII в.*, И. А. Линниченка *„Черты изъ исторіи землевладѣнія юго-зап. Руси XIV—XV вв“.*, г. Квашнина-Самарина *„Крещеніе Руси по памятникамъ литературнымъ“* и г. Е. К. Рѣдина *„Свѣтская живопись лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора“*. Замѣчу только, что сообщеніе пр. А. В. Прахова имѣло полный и заслуженный успѣхъ, которому много способствовала масса великолѣпно исполненныхъ плановъ и снимковъ, иллюстрировавшихъ этотъ замѣчательный памятникъ древне-русскаго зодчества.

Въ заключеніе, мнѣ остается еще отмѣтить коллекціи и предметы на археологической выставкѣ, устроенной при съѣздѣ,

имѣющіе отношеніе къ южно-русской старинѣ. Сюда нужно отнести коллекціи проф. Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича, К. Н. Мельникъ, Г. Л. Скадовскаго, г-жи Скаржинской, г. Хайновскаго, И. А. Зарѣцкаго, И. М. Бичъ-Лубенскаго, церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи, проф. А. В. Прахова.

Предметы, выставленные на этотъ разъ Д. Я. Самоквасовымъ, составляютъ только незначительную часть его громадной коллекціи, которую онъ цѣликомъ пожертвовалъ въ московскій историческій музей. Предметы эти являются главнымъ образомъ результатомъ его послѣднихъ раскопокъ у с. Аксютинецъ роменскаго уѣзда полт. губ.; для сравненія здѣсь же фигурируютъ вещи, отысканныя въ курганахъ сѣвернаго Кавказа (возлѣ Пятигорска) и въ татарскихъ могилахъ Новороссійскаго края.

Вещи въ коллекціи В. Б. Антоновича относятся къ кіев., подол. и волын. губ., а также Бессарабіи. Тутъ мы находимъ каменные молотки съ орнаментомъ, топорки, стрѣлы, бронзовыя орудія изъ кургановъ радомысльскаго уѣзда, находки въ большомъ курганѣ скиѳскаго характера—бронзовыя привѣски восточнаго типа, птичьи головки, булаву и кельтъ и, наконецъ, вещи княжескаго періода (серебряную цѣпь и т. п.). О коллекціи К. Н. Мельникъ мы могли уже составить нѣкоторое представленіе изъ отчета о ея рефератѣ—это предметы, найденные въ стоянкѣ и мастерской каменнаго вѣка, открытой у с. Волошскаго (въ екатеринославской губ.).

Г. Л. Скадовскій представилъ на выставку весьма интересное собраніе предметовъ и череповъ, найденныхъ имъ во время раскопки кургановъ, археологическую карту всей этой мѣстности и массу фотографическихъ снимковъ, дающихъ наглядное понятіе о самомъ процессѣ раскопокъ. Было бы желательно, чтобы коллекція г. Скадовскаго сдѣлалась достояніемъ одного изъ южно-русскихъ музеевъ.

Землевладѣлица лубенскаго уѣзда полтавской губ. г-жа Е. Н. Скаржинская давно уже собираетъ мѣстныя древности и въ настоящее время имѣетъ у себя въ помѣстьи небольшой музей. Здѣсь между прочимъ хранятся предметы каменнаго вѣка палео-

литической эпохи, найденные въ слоѣ леса вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гонцахъ (г. Каминскимъ). Эта находка, какъ извѣстно, впервые доказала существованіе человѣка въ южной Россіи въ эпоху мамонта. Среди относящихся сюда предметовъ отмѣтимъ: каменные топоры и костяныя издѣлья. Другіе предметы каменнаго вѣка были найдены случайно въ лубенскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ. Наконецъ, послѣдняя группа каменныхъ орудій была отыскана въ курганахъ на Лысой горѣ въ г. Лубнахъ;—это кремневыя стрѣлки возлѣ покойника, лежавшаго въ желѣзномъ чешуйчатомъ панцырѣ. Керамическія произведенія въ фрагментахъ встрѣчались вмѣстѣ съ каменными орудіями въ почвѣ курганныхъ насыпей на Лысой горѣ (масса черепковъ съ орнаментировкой и сосуды). Тутъ же найдены были желѣзныя пластины чешуйчатаго панцыря, точильные камни и терракотовая посуда; въ особенности интересна терракотовая вазочка съ изображеніемъ тигровъ или леопардовъ; слѣдуетъ также отмѣтить обратно грушевидную кружку скиѳо-сарматскаго типа, каменную терку съ пестикомъ и со слѣдами краски бураго желѣзняка, жертвенные сосуды изъ кургановъ на старомъ замкѣ въ Лубнахъ, черную полированную миску съ конскимъ бедромъ и курильницу съ углями и смолистымъ сплавомъ. Изъ бронзовыхъ вещей выдѣляются—топорикъ и браслеты; еще интереснѣе каменная форма для отливки бронзоваго криваго серповиднаго ножа, найденная въ селеніи Березнякахъ. Четыре таблицы фотографическихъ снимковъ даютъ понятіе о золотыхъ, серебряныхъ и другихъ предметахъ великокняжеской эпохи, найденныхъ на старомъ Каневскомъ городищѣ. Изъ болѣе новыхъ предметовъ фигурируютъ: козацкая пороховница изъ оленьяго рога съ рѣзьбой, два келепа, старинная козацкая „обчеськая“ трубка, оловяная старинная дарохранительница изъ одной лубенской церкви XVII в., хрустальная сулейка кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго съ надписью и, наконецъ, старопечатное евангеліе 1590 г. Коллекція г. Хайновскаго имѣетъ эффектный видъ, но возбуждаетъ въ осторожномъ изслѣдователѣ нѣкоторое сомнѣніе. Значительная часть предметовъ найдена на такъ называемой Княжей горѣ, гдѣ былъ въ древности г. Родня; г. Хайновскій выставилъ даже

черепъ, принадлежащій якобы князю Роману Мстиславичу, но подлинность его ничѣмъ не доказана да едва ли, конечно, и можетъ быть доказана; большое вниманіе обращаетъ на себя золотая діадема, надѣтая также на „историческій черепъ", но она... реставрирована и, такъ сказать, дополнена г. Хайновскимъ, а какова она была въ дѣйствительности и была ли даже въ дѣйствительности, сказать мудрено.

И. А. Зарѣцкій продалъ историческому музею весьма интересную коллекцію древностей, найденныхъ имъ въ богодуховкомъ и ахтырскомъ уѣздѣ харьков. губ. Коллекція по составу своему довольно разнообразна; здѣсь мы находимъ и каменныя, и бронзовыя, и желѣзныя издѣлія. Особенное вниманіе обращаютъ на себя типическіе предметы, сдѣланные изъ бронзы, и золотыя украшенія, находившіяся на колчанахъ; это—золотыя бляшки, которымъ довольно искусно придана форма львовъ, грифовъ и т. п. По своему стилю они относятся по крайней мѣрѣ къ сарматскому періоду. Къ территоріи же харьковской губ. относится еще небольшое собраніе металлическихъ предметовъ и глиняныхъ сосудовъ землевладѣльца изюмскаго уѣзда И. М. Бичъ-Лубенскаго; металлическія вещи всѣ почти желѣзныя, исключая одного бронзоваго ножика. Все это собраніе пожертвовано въ музей харьков. университета. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи выставилъ значительное количество памятниковъ церковной старины, а кромѣ того еще замѣчательное козацкое знамя, хранившееся въ одной изъ сельскихъ церквей въ Малороссіи. Проф. А. В. Праховъ выставилъ цѣлый рядъ предметовъ, найденныхъ въ старомъ Владиміро-Волынскомъ соборѣ XII в.: фрески, кирпичи, остатки кафельнаго пола, гвозди и т. п. Слѣдуетъ также отмѣтить обѣтныя подвѣски и другія церковныя древности, старыя церковныя книги (рукописное евангеліе XVI в., помянникъ кн. Острожскихъ) и рядъ снимковъ и плановъ того же Мстиславова собора. Профессоръ же Праховъ прислалъ на выставку гробницу извѣстнаго воеводы кіевскаго Адама Киселя и его брата Николая изъ церкви селенія Низкиничъ владиміро-волынскаго уѣзда. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще коллекцію картинъ, хранившихся нѣкогда въ м.

Вишневцѣ въ замкѣ Вишневецкихъ (портретъ Марины Мнишекъ и Самозванца), а также въ Почаевской лаврѣ (портреты фундаторовъ ея—Домашевскихъ 1649 г. и др.).

Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ археологическихъ картахъ, относящихся къ территоріи южной Россіи: кіевская губ. обработана проф. В. Б. Антоновичемъ, харьковская—мною; карта В. Б. Антоновича представляетъ въ своемъ родѣ шедевръ; тамъ мы найдемъ полную исторію мѣстныхъ изысканій и полный каталогъ кіевскихъ древностей въ ихъ географическомъ распредѣленіи; древности самого города Кіева выдѣлены въ особую группу и нанесены на современный планъ его; обѣ карты сопровождаются довольно обширнымъ объяснительнымъ текстомъ.

Д. И. Багалѣй.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.[1])

ЯК. КАРО.

(*Переводъ съ нѣмецкаго*).

(Окончаніе).

IV.

Четырнадцатилѣтняя вдова по прежнему стала послушной дочерью своей матери: воля послѣдней была для Гальшки закономъ. Безъ сомнѣнія по приказу матери княжна уже 19 марта, черезъ день послѣ свиданія съ Беатой, заявила жалобу противъ своего дяди, кн. Василія Острожскаго. Прежде всего она обратилась въ познанскій гродскій судъ, „освободившись благодаря Бога и помощи друзей отъ Дмитрія, учинившаго надъ нею насиліе". Она указываетъ на погромъ Острожскаго замка, насильственное присвоеніе добра и продолжаетъ: „противъ моей воли и желанія моей матери, онъ силою заставилъ меня обвѣнчаться съ Дмитріемъ. Ни мой отказъ, ни мольбы, ни слезы не удержали его отъ выдачи меня князю, и такимъ образомъ надо мною учинено насиліе".

Нѣсколько дней спустя послѣ подачи жалобы, въ гродскій судъ явились двое уполномоченныхъ короля для занесенія въ

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 2.

протоколъ этого учрежденія королевской воли. Такъ какъ княжна—говорилось тамъ—нынѣ свободна, то мать ея, княгиня Беата, должна взять ее на свое попеченіе, но не выдавать вновь въ замужество. Въ то же время уполномоченные потребовали передачи письменнаго распоряженія обо этомъ лично княгинѣ Беатѣ. Такого рода королевское вмѣшательство показалось унизительнымъ гордой женщинѣ. Съ неоспоримой логикой и горькой ироніей отвѣчала она, что во всякомъ случаѣ будетъ относиться съ подобающимъ уваженіемъ къ королевскимъ приказаніямъ и грамотамъ, хотя бумаги въ родѣ тѣхъ, которыя вручаются ей нынѣ, обыкновенно выдаются лишь въ случаѣ прямого о томъ ходатайства передъ королемъ. Разъ королевскимъ указомъ признано, что княжна свободна или, по латыни, sui juris, то отсюда слѣдовало бы заключить, что она вправѣ располагать собою съ совѣта матери или друзей. Ей кажется противнымъ праву, что она, мать, должна принять на себя столь широкія обязанности при условіи ограниченія свободы дочери. Она не противилась бы дѣйствіямъ, которыя бы ни въ чемъ не нарушали личныхъ правъ княжны.

Уже такой обмѣнъ объясненій доказываетъ, что немедленно вслѣдъ за возвращеніемъ Гальшки вопросъ о ея новомъ бракѣ привлекалъ общее вниманіе. И дѣйствительно, вскорѣ этотъ вопросъ долженъ былъ вновь поднять интриги и усложненія, которыя ширились все болѣе и болѣе и даже поставили королевскій дворъ въ двусмысленное положеніе. Короля въ осбенности безпокоило, что, послѣ всего происшедшаго, сынъ воеводы калишскаго, панъ Мартынъ Зборовскій младшій, имѣетъ болѣе всего шансовъ на полученіе руки юной вдовы и ея богатаго наслѣдства на Литвѣ. Переходъ польскихъ магнатовъ въ литовскіе удѣлы и безъ того казался королю опаснымъ; въ настоящемъ же случаѣ возможность такого факта еще болѣе пугала короля. Онъ прекрасно понималъ теперь, чего ради старый воевода столь неожиданно примкнулъ къ гетману Тарновскому, тестю кн. Василія Острожскаго: въ числѣ лицъ, которымъ недовѣрялъ король Сигизмундъ Августъ — а такими были, исключая Радзивила, всѣ вообще, въ томъ числѣ его собственная мать—

Тарновскій стоялъ первымъ. Король рѣшился не допустить скрѣпленія этихъ связей женитьбой Зборовскаго на Гальшкѣ. Онъ держится убѣжденія, писалъ король Радзивилу, что допустить такое приращеніе уже ранѣе пріобрѣтенныхъ Зборовскимъ владѣній на Литвѣ значило бы вскормить въ государствѣ змѣю. „Всѣ мы", выражался король, „накличемъ бѣду на свою голову, и этого никакъ нельзя допустить безъ явнаго ущерба для государства".

Далѣе король сообщалъ своему довѣренному, какія усилія дѣлались при дворѣ въ интересахъ княгини Беаты, чтобы добиться отмѣны закона, разрѣшавшаго выдавать замужъ сиротъ безъ отца только съ согласія близкихъ родственниковъ, и снятія королевскаго запрещенія. Измѣнническая пріязнь воеводы съ гетманомъ, къ которой примкнула и его собственная мать, королева Бона, кажется ему въ высшей степени подозрительной. Если этимъ союзникамъ удастся привлечь на свою сторону кн. Василія, то законъ и запрещеніе окажутся безсильными. Необходимо во что бы то ни стало повліять на кн. Василія и указать ему на возможность какой либо иной комбинаціи, лишь бы отклонить отъ этого плана. „Ибо гдѣ вмѣшается наша родительница", заключаетъ король свое посланіе, „тамъ неизбѣжно готовится для насъ какое либо огорченіе и никогда ничего хорошаго произойти не можетъ".

Но король не довольствовался противодѣйствіемъ женитьбѣ Зборовскаго на Гальшкѣ. Онъ самъ позаботился подыскать кандидата на богатое приданое, и выборъ его палъ на графа Луку изъ Горки, родственника Косцелецкихъ, который въ свое время тоже совершилъ путешествіе въ Яромиръ для освобожденія княжны Гальшки. Графъ Лука былъ рьяный кальвинистъ, и это обстоятельство быть можетъ и заставило короля остановить на немъ свое благосклонное вниманіе. Иновѣрный магнатъ казался на Литвѣ менѣе опаснымъ, нежели католикъ. Кромѣ того, молодой графъ былъ вообще блестящимъ рыцаремъ, и на празднествахъ по случаю свадьбы короля съ Екатериной австрійской графъ вмѣстѣ съ братомъ привлекали всеобщее вниманіе великолѣпіемъ своего убранства. Поэтому нельзя приписать простой

случайности, что графъ Лука вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, еп. познанскимъ Андреемъ Чарнковскимъ, прибылъ въ Варшаву какъ разъ въ то время, когда тамъ остановился на нѣсколько дней у своей матери король проѣздомъ изъ Литвы на петроковскій сеймъ: при дворѣ королевы Боны въ ту пору находились и княгиня Беата съ дочерью.

Король лично представилъ претендента княгинѣ въ качествѣ своего протеже. Беата всякими способами старалась отклонить такое вниманіе. Она сослалась на то, что переходъ литовскаго удѣла къ польскому магнату сопряженъ съ затрудненіями въ виду существующихъ законовъ. Но король очень скоро нашелъ способъ устранить это препятствіе. Онъ попросту отмѣнилъ этотъ законъ для даннаго случая, для графа Горки и княжны Гальшки и ихъ будущаго потомства. Право родственниковъ Гальшки на выкупъ всего наслѣдства за четвертую часть стоимости, въ случаѣ перехода его въ руки польскаго дворянина, въ данномъ случаѣ возможно было устранить тѣмъ легче, что кн. Василій, ближайшій родственникъ княжны, былъ объявленъ по извѣстному намъ приговору суда лишеннымъ всѣхъ родственныхъ и опекунскихъ правъ надъ племянницей.

Тѣмъ не менѣе кн. Беата упорно оставалась при своемъ отказѣ. Тщетно усиливался король добиться заключенія брачнаго договора еще до наступленія сейма. Королева Бона, повидимому, поддерживала сына въ его усиліяхъ, но, какъ видно изъ позднѣйшаго письма къ Радзивилу, Сигизмундъ-Августъ убѣдился впослѣдствіи, что эта мнимая поддержка была разсчитана лишь на то, чтобы не допустить насильственнаго разрѣшенія вопроса и вообще испортить весь планъ. Увѣщанія епископа познанскаго также не имѣли успѣха. Между тѣмъ были уже заготовлены всѣ тѣ бумаги и документы, которые подлежали отсылкѣ къ князю Василію Острожскому въ случаѣ брака Гальшки. Бумаги эти находились на рукахъ у королевы Боны.

Необходимо было спѣшить. Сеймъ приближался и король назначилъ уже день отъѣзда. Еще разъ „въ жаркихъ выраженіяхъ" убѣждалъ онъ княгиню дать согласіе и всѣ окружающіе поддерживали короля. Беата отказывалась подъ всевозможными

предлогами, но когда всѣ ея возраженія оказались безъуспѣшны, княгиня выбѣжала черезъ галлерею въ ванную комнату и заперлась здѣсь, чтобы ее не могли отыскать.

Княжна съ своей стороны продолжала твердить: „Я согласна на все, если такова воля моей матери“.

Княгиня Беата долго не показывалась. Король понялъ, что она умышленно скрывается, и велѣлъ разыскать ее. Княгиню отыскали. Но никакія просьбы не дѣйствовали и она оставалась непреклонна. Такъ какъ всѣ вокругъ порицали упрямство княгини, то наконецъ сняли у нея съ пальца перстень и принесли княжнѣ, увѣряя, что мать изъявила согласіе и въ доказательство посылаетъ ей свой перстень.

— Хорошо,—отвѣчала Гальшка:—если матушка согласна, то и я также. Если же не такъ, то я остаюсь при волѣ матушки.

Такъ какъ всѣ вокругъ увѣряли княжну, что мать дѣйствительно согласилась и что все это правда, то епископъ Чарнковскій совершилъ обрученіе по католическому обряду и далъ благословеніе новобрачнымъ.

Но и во время церемоніи Гальшка повторяла: „если такова воля матушки, то я согласна“.

По окончаніи этого страннаго вѣнчанья король въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Варшавы.

Между тѣмъ княгиня Беата вышла изъ своего убѣжища и нашла дочь у королевы Боны. Можно вообразить себѣ негодованіе матери, когда она узнала обо всемъ происшедшемъ. Она немедленно объявила во всеуслышаніе:

— Никогда не давала я согласія на бракъ моей дочери, и такъ какъ я не согласна, то не давала согласія и моя дочь, ибо она безпрестанно ссылалась на мою волю, противъ которой поступить не желала. Такъ какъ я не соглашалась на этотъ бракъ, то не было и согласія дочери, слѣдовательно, бракъ этотъ не существуетъ для насъ, ничтоженъ и впредь остается такимъ.

Княгиня Беата все время оставалась съ дочерью у королевы, такъ какъ боялась, что иначе у нея отнимутъ Гальшку насильно.

Сеймъ окончился, и король Сигизмундъ-Августъ вернулся въ Варшаву. Какъ лично, такъ и чрезъ посредство короннаго

канцлера требовалъ онъ отъ княгини отпустить дочь къ графу Горкѣ. Все напрасно.

— Надѣюсь,—сказала княгиня канцлеру,—что глаза мои до моей смерти не увидятъ болѣе этого господина.

— Кто знаетъ, что еще можетъ надѣлать эта отчаянная женщина,—докладывалъ канцлеръ королю:—кажется, она на все рѣшилась, лишь бы выдать дочь за другого.

Между тѣмъ вниманіе короля было сильно отвлечено отъ этихъ затрудненій вопросомъ о возвращеніи королевы Боны въ Италію, которое менѣе всего соотвѣтствовало его желаніямъ.

Хотя съ отъѣздомъ королевы Беата лишилась вліятельной покровительницы, но это нисколько не сломило духа сопротивленія гордой женщины. На настоятельныя убѣжденія и просьбы короля она рѣшительно и неизмѣнно заявляла, что не имѣетъ никакихъ обязанностей относительно графа Горки. Съ своей стороны Гальшка, подъ вліяніемъ ли матери или по собственной волѣ, написала заявленіе въ королевскую раду, что не хочетъ быть женой графа Луки, а самому графу написала, что „скорѣе умреть, нежели будетъ принадлежать ему“. Король былъ въ отчаяніи, что придется оставить это дѣло какъ „negotium infectum“ на Литвѣ. „Хуже всего“, писалъ онъ Радзивилу, „что княжна не соглашается“.

Та роль, которую игралъ въ этомъ случаѣ литовскій великій маршалъ кн. Радзивилъ, ни въ какомъ случаѣ не давала ему права на подобное беззавѣтное довѣріе короля. Ему, какъ литовцу, совсѣмъ не по вкусу былъ переходъ богатаго литовскаго наслѣдства въ руки польскаго графа, и вскорѣ мы увидимъ, какъ онъ лавировалъ между обѣими враждебными партіями. Прежде все онъ посовѣтовалъ королю повліять на кн. Василія Острожскаго. Этому пану слѣдовало бы выдать теперь же что нибудь изъ коронной казны, пока еще нельзя дать должности волынскаго маршала, которая была ему обѣщана по ходатайству гетмана Тарновскаго.

Король послѣдовалъ совѣту и вступилъ въ переговоры съ кн. Василіемъ, чтобы тотъ уговорилъ свою племянницу. Но вскорѣ возникли новыя затрудненія. Друзья Горки, повидимому,

не склонны были считать достаточною отмѣну привилегіи родственниковъ по литовскому праву спеціально для этого случая, такъ какъ она состоялась по личному распоряженію короля и не была утверждена сеймомъ. Со стороны Косцелецкихъ, родственниковъ Гальшки по матери, нечего было опасаться, ибо въ качествѣ уроженцевъ великопольскихъ они находились въ дружественныхъ и родственныхъ связяхъ съ графами Горка. Но если родственникамъ съ отцовской стороны возможно по праву выкупить наслѣдство за сравнительно ничтожное вознагражденіе, то въ такомъ случаѣ весь этотъ злосчастный бракъ не имѣетъ никакого смысла,—такъ думали друзья графа Луки.

Рядомъ съ этими опасеніями король былъ озабоченъ мыслью, какъ бы удалить княжну Гальшку отъ ея матери. Если бы онъ взялъ ее съ собой въ Вильну, вмѣстѣ со всѣми принцессами королевскаго дома, своими сестрами, то конечно Беата также явилась бы туда вслѣдъ за нею, а разъ появившись въ Вильнѣ, она разумѣется не прекратила бы, изъ уваженія къ достоинству короля, своихъ происковъ для подысканія угоднаго ей жениха для дочери.

Достойно замѣчанія, что король повѣрялъ всѣ эти свои сердечныя тревоги князю Радзивилу въ то время, когда этотъ лишь для отвода глазъ велъ переговоры съ кн. Василіемъ Острожскимъ, въ дѣйствительности же поддерживалъ тайные планы княгини Беаты. Дѣйствительно, Беата нашла уже своего кандидата, и выборъ ея палъ на кн. Симеона Олельковича Слуцкаго, двоюроднаго брата кн. Василія по матери. Король отчасти догадывался объ этихъ планахъ и сообщилъ о нихъ кн. Радзивилу, которому эта комбинація была тѣмъ пріятнѣе, что кн. Симеонъ Слуцкій состоялъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ Радзивилами.

Для довершенія путаницы, въ то самое время, какъ король медлилъ еще отъѣздомъ изъ Варшавы, не зная, какъ удалить мать отъ дочери, явился новый претендентъ на руку Гальшки, именно, герцогъ Іоаннъ мюнстерберскій и олесницкій, происходившій изъ чешскаго королевскаго дома Подибрадовъ. По первой женѣ онъ приходился шуриномъ кн. Радзивилу и въ то же

время гетману Тарновскому; по смерти первой своей жены Христины, онъ задумалъ новымъ выгоднымъ бракомъ вновь скрѣпить свои связи съ аристократіей сосѣдняго государства. „Ибо", писалъ съ горькой ироніей король Радзивилу, „крупныя суммы, вывезенныя имъ изъ Польши при первомъ бракѣ, пришлись ему, повидимому, весьма по вкусу". Но этотъ претендентъ, кажется, не нашелъ никакой поддержки съ обѣихъ сторонъ, такъ что о немъ вовсе не упоминается при дальнѣйшихъ событіяхъ.

Король Сигизмундъ-Августъ оставался въ Варшавѣ до конца 1556 года, но когда онъ уѣхалъ наконецъ въ Вильну, то кажется не взялъ съ собою ни самой Гальшки отдѣльно, ни разомъ съ матерью, вопреки прежнему своему намѣренію. Уже въ слѣдующемъ 1557 г. мы встрѣчаемъ дочь и мать въ львовскомъ доминиканскомъ монастырѣ.

Лучше сказать, не въ монастырѣ собственно.

Названный монастырь, съ церковью Тѣла Господня, съ сѣверо-восточной стороны примыкалъ своими строеніями къ городской стѣнѣ, и затѣмъ былъ окруженъ прочной старинной каменной оградой съ палисадами. Между монастыремъ и стѣной стояло нѣсколько старинныхъ жилыхъ построекъ грубой архитектуры, не имѣвшихъ ни дверей, ни оконъ со стороны монастырскихъ укрѣпленій. Тамъ обыкновенно пребывали въ прежнее время монахини того же ордена, появлявшіяся передъ публикой въ церкви и затѣмъ исчезавшія неизвѣстно куда. Онѣ скрывались именно въ этихъ самыхъ домахъ. Въ одномъ изъ нихъ, тамъ, гдѣ помѣщалась монастырская аптека, и избрала себѣ убѣжище княгиня Беата вмѣстѣ съ дочерью Гальшкой, нѣсколькими друзьями и прислужниками.

Первоначально этотъ странный дворъ ничѣмъ не давалъ о себѣ знать. Состоявшіе въ штатѣ княгини паны заботились, повидиму, лишь о защитѣ интересовъ своей госпожи передъ судами. Но вслѣдъ за смертью львовскаго старосты, пока еще не былъ назначенъ другой на его должность, эти придворные Беаты начали позволять себѣ пирушки и нарушать самымъ дерзкимъ образомъ порядокъ въ городѣ. Происходили уличныя драки, вызванныя людьми княгини. Ея придворный писарь выстрѣлилъ даже

въ городскую стражу, гдѣ находился одинъ райца, и ранилъ послѣдняго вмѣстѣ съ другимъ львовскимъ обывателемъ. Весь городъ жаловался на беспокойныхъ гостей.

Жалобы эти дошли до короля, который обратилъ на нихъ вниманіе тѣмъ болѣе, что общее положеніе Львова въ ту пору было небезопасно. Опасались нападенія татаръ, занявшихъ враждебное положеніе благодаря тому самому Дмитрію Вишневецкому, который нѣкогда добивался руки острожской наслѣдницы. Король уже распорядился привести львовскій замокъ въ оборонительное положеніе, и въ виду грозившей опасности графъ Лука Горка предложилъ королю созвать во Львовъ посполитое рушенье.

Трудно сказать, руководился ли графъ Лука въ этомъ случаѣ своими личными интересами. Въ современныхъ письмахъ своихъ къ королю онъ вовсе не касается своего дѣла. Но Сигизмундъ-Августъ могъ и самъ понять, что такому неопредѣленному положенію долженъ быть положенъ конецъ. 3 февраля 1559 года, въ самый день убіенія Дмитрія Сангушка пять лѣтъ тому назадъ—король назначилъ новаго старосту Петра Барзу, а два дня спустя приказалъ ему отобрать Гальшку у матери и передать графу Горкѣ. Самъ Горка, предупрежденный конечно о такомъ приказѣ, запасся оффиціальнымъ удостовѣреніемъ о бракѣ отъ епископа познанскаго, пригласилъ съ собою братьевъ Андрея и Станислава и поспѣшилъ во Львовъ.

Получивъ повелѣніе короля, львовскій староста немедленно отправился къ кн. Беатѣ, чтобы убѣдить ее подчиниться добровольно волѣ неба и королевскому распоряженію.

Княгиня гнѣвно возразила: „Мать лучше всего можетъ судить о благѣ своей дочери. Королевская опека должна состоять въ защитѣ сиротъ отъ притѣсненія, а не въ распоряженіи шляхетскими дѣтьми по произволу, противъ воли матери. Это было бы хуже турецкаго рабства. Моя дочь никому не давала правъ на себя, если на то не было моего согласія. Но я согласія не давала, значитъ, дочь моя свободна безусловно. Домъ Острожскихъ, въ виду его заслугъ передъ государствомъ, слѣдовало бы уволить отъ подобнаго рода требованій. А ты, панъ Барза", прибавила княгиня, „вспомни, что и ты родился воль-

8

нымъ шляхтичемъ. Что сказалъ бы ты, если бы король противъ твоей воли приказалъ отдать за кого либо твою сестру или дочь? Развѣ вольный шляхтичъ не согласился бы скорѣе принять смерть, нежели стерпѣть подобное насиліе? Если вздумаютъ отнять у меня дочь силою, то я скорѣе поражу ее и себя этимъ кинжаломъ"—княгиня дрожащею рукою подняла оружіе передъ старостой—„нежели подчинюсь такому деспотическому насилію".

Смущенный такимъ взрывомъ негодованія княгини, Барза удалился изъ монастыря и немедленно донесъ королю о своей неудачной попыткѣ.

Это сопротивленіе вывело изъ себя короля Сигизмунда-Августа. Какъ и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, онъ и на сей разъ обратился за совѣтомъ къ своему другу Радзивилу. Король послалъ ему копію донесенія львовскаго старосты и просилъ Радзивила сообщить ему свое мнѣніе о томъ, какая окончательная инструкція должна быть дана старостѣ. Ибо дѣло не терпитъ болѣе проволочекъ; тутъ замѣшана честь короны; позорно было бы для короля сносить долѣе такую дерзость высокомѣрія. Необходимо дѣйствовать ранѣе, нежели княгиня соберетъ людей, на которыхъ она разсчитываетъ въ своемъ надменномъ упрямствѣ.

Но панъ Радзивилъ, повидимому, не особенно торопился съ своимъ совѣтомъ. Король открывалъ ему свои сокровенныя мысли и опасенія, какъ бы Беата не нашла нежелательныхъ защитниковъ, а между тѣмъ воевода виленскій, панъ Радзивилъ, былъ однимъ изъ первыхъ и вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ Беаты. Эта двойная игра относительно короля, который желалъ поскорѣе узнать взглядъ своего совѣтника, весьма характерна для высшаго сановника въ Литвѣ, впослѣдствіи ставшаго королевскимъ тестемъ. Но король не могъ дожидаться отвѣта своего пріятеля. Львову грозили открытые безпорядки и староста не имѣлъ инструкцій. Королевскій указъ былъ посланъ во Львовъ чрезъ историка и литератора Горницкаго, которому мы обязаны многими подробностями нашего разсказа.

Староста въ точности исполнилъ приказъ. Прежде всего онъ поставилъ караулы у всѣхъ городскихъ воротъ, чтобы никто не могъ проникнуть въ городъ безъ его разрѣшенія.

Вскорѣ послѣ этого явился во Львовъ какой то человѣкъ, выдававшій себя за посланца къ старостѣ отъ пана Савицкаго. Послѣдній былъ секретаремъ воеводы виленскаго, пана Радзивила,—естественно было поэтому спросить посланца, привезъ ли онъ съ собою письмо отъ своего господина. Посланецъ заявилъ положительно, что писемъ при немъ нѣтъ. Однако его обыскали, и не безъ основанія: въ сѣдлѣ найдено было письмо на русскомъ языкѣ, адресованное княгинѣ Беатѣ и содержавшее дружескій совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не отдавать дочери графу Горкѣ, если она не хочетъ лишиться всего своего состоянія.

Какъ то утромъ чрезъ городскія ворота незамѣтнымъ образомъ прокрался человѣкъ въ нищенскомъ убранствѣ. На него не обратили вниманія, такъ какъ приказъ старосты очевидно не могъ касаться личностей подобнаго рода. Нищаго никто не зналъ, и ему удалось пробраться черезъ городъ въ доминиканскій монастырь. Здѣсь его знали очень хорошо, потому что это былъ давно ожидаемый князь Симеонъ Слуцкій, намѣченный кн. Беатой себѣ въ зятья.

Такимъ образомъ оба соискателя на руку Гальшки оказывались теперь во Львовѣ: кн. Симеонъ въ монастырѣ у нашихъ дамъ, а гр. Горка съ военнымъ обозомъ за стѣнами монастыря въ городѣ. Графъ уже потерялъ надежду получить повѣнчанную съ нимъ невѣсту миролюбивымъ образомъ, не могъ онъ разсчитывать и на какую-либо удачную военную хитрость, такъ какъ онъ видѣлъ, что княгиня приготовилась къ настоящей осадѣ. Она велѣла поднять невысокую стѣну, окружавшую ея убѣжище, рядомъ поставленныхъ сверху острыхъ палисадовъ и запастись достаточнымъ количествомъ слугъ, оружія и съѣстныхъ припасовъ. Графъ занялъ своими людьми домъ одного армянина, находившійся передъ монастыремъ, и велѣлъ обстрѣливать укрѣпленіе княгини бомбами изъ мортиръ. Городъ былъ такъ взволнованъ этимъ началомъ военныхъ дѣйствій, что магистратъ тотчасъ же созвалъ городскую стражу и пушкарей и распорядился при-

готовленіями къ бою. Всему городу, повидимому, предстояло пострадать благодаря этимъ частнымъ распрямъ.

Но староста, прежде нежели прибѣгнуть къ силѣ, рѣшилъ соблюсти всѣ предписанныя закономъ предварительныя формальности. 15 марта 1559 года онъ, вмѣстѣ съ вознымъ русской земли и двумя асессорами, явился въ жилище Беаты, съ цѣлью вручить ей подлинное повелѣніе короля, находившееся у него въ рукахъ, и категорически потребовать отъ нея выдачи дочери. Но княгиня и ея дочь отказались принять властей, и староста былъ припужденъ прочитать и вручить королевскій декретъ одному изъ слугъ княгини и, согласно требованію закона, поспѣшилъ въ гродскій судъ, чтобы занести въ гродскія книги протоколъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ полученный княгиней королевскій декретъ только усугубилъ ея упорство. Въ то время, какъ извнѣ готовились къ дальнѣйшимъ принудительнымъ мѣрамъ противъ осажденныхъ, эти послѣдніе праздновали новую, необычную свадьбу. Не взирая на вѣнчаніе Гальшки съ графомъ Горка въ Варшавѣ, Беата распорядилась повѣнчать вновь свою дочь съ кн. Симеономъ Слуцкимъ въ доминиканскомъ монастырѣ и позаботилась, какъ объяснила впослѣдствіи, о томъ, чтобы союзъ на сей разъ не ограничивался только церковнымъ обрядомъ.

Гр. Лука Горка, предчувствуя недоброе, тѣмъ съ большимъ жаромъ продолжалъ осаду и каждую минуту можно было опасаться кровопролитія. Возбужденіе въ городѣ дошло до того, что уже готовились послать къ великому гетману коронному за помощью. Но тутъ борьбѣ внезапно наступилъ конецъ благодаря остроумному изобрѣтенію старосты. Дѣло въ томъ, что въ монастырѣ не было колодцевъ и вода получалась съ ближайшихъ высотъ при помощи подземной трубы: староста распорядился прекратить притокъ воды и сталъ спокойно выжидать результатовъ своей затѣи.

Они не заставили себя долго ждать. Когда княгинѣ донесли, что воды не стало, Беата ужаснулась и уже вечеромъ того же дня послала двухъ человѣкъ изъ своей свиты къ старостѣ съ просьбою дать знать королю, что она повѣнчала тѣмъ временемъ

свою дочь съ кн. Слуцкимъ и что графу Горкѣ поэтому нечего болѣе путаться въ это дѣло. Онъ можетъ оставить ее теперь въ покоѣ.

Староста съ братомъ своимъ Станиславомъ принялъ пословъ княгини съ ихъ неутѣшительными вѣстями самымъ недружелюбнымъ образомъ.

— Напрасно княгиня думаетъ поставить на своемъ,—сказалъ староста:—этому не бывать. Своимъ упрямствомъ она оскорбила короля и поставила на карту честь и самое дворянство своего собственнаго рода.

Чтобы устранить всякія дальнѣйшія недоразумѣнія, староста явился къ княгинѣ лично вмѣстѣ съ братомъ своимъ Станиславомъ. На этотъ разъ княгиня приняла властей. Станиславъ Барза повелъ рѣчь столь рѣзко и недвусмысленно и представилъ княгинѣ послѣдствія двойного брака въ такихъ живыхъ краскахъ, что Беата, потрясенная до обморока, совершенно забыла о своей гордой рѣшимости и угрозахъ скорѣе заколоть дочь собственноручно, нежели выдать Горкѣ. Съ уходомъ старосты княгиня окончательно потеряла мужество.

На другой день послѣ полудня староста явился къ княгинѣ вновь, на этотъ разъ уже безъ Станислава, такъ какъ Беата просила Барзу не брать его съ собой. Староста оставался у княгини до полуночи. Все время онъ старался представить Беатѣ ея положеніе, убѣдить ее, и такъ какъ все было напрасно, то панъ Барза перешелъ къ угрозамъ. Наконецъ ему удалось достичь цѣли: Беата обѣщала отдать на другой день свою дочь въ „секвестръ“.

Княгиня сдержала слово. Она разсчитывала, что король откажется отъ своего требованія, когда узнаетъ что́ произошло тѣмъ временемъ въ доминиканскомъ монастырѣ во Львовѣ. Она ни минуты ни сомнѣвалась, что всѣ повѣрятъ ея разсказу о повѣнчаніи Гальшки съ Симеономъ Слуцкимъ. При томъ же у нея были друзья при дворѣ и во всякомъ случаѣ необходимо было какъ нибудь выйти изъ ужаснаго положенія, въ которое поставила ее осада, а затѣмъ дѣла могли еще принять какой-либо непредвидѣнный оборотъ.

На слѣдующій день староста лично явился за княжной и посадилъ ее въ носилки. Онъ самъ стоялъ на подножкѣ носилокъ, когда молодую женщину отправили въ замокъ, и оказывалъ ей всевозможное вниманіе. Княгиня оставалась въ монастырѣ, а вмѣсто нея за Гальшкой ухаживала сестра старосты. Гальшка разсталась съ матерью въ самомъ угнетенномъ состояніи духа и весь день провела въ замкѣ на своемъ диванѣ, уткнувшись лицомъ въ стѣну, и не принимала другой пищи кромѣ присланной отъ матери. Она вручила письмо къ королю придворному Горницкому, который привезъ королевскій декретъ и теперь долженъ былъ отвезти донесеніе объ исполненіи этого декрета. Вслѣдъ за этимъ посломъ отправился къ королевскому двору и уполномоченный отъ графа Горки. Получивъ письмо, король спросилъ Горницкаго:

— Правда-ли, что въ замкѣ Гальшка была обвѣнчана съ кн. Симеономъ? Горницкій разсказалъ что́ ему было извѣстно объ этомъ. Король былъ недоволенъ тѣмъ болѣе, что онъ неблагосклонно относился къ дому Слуцкихъ, помня о давнихъ обидахъ, нанесенныхъ Слуцкими Ягеллонамъ [1]). Онъ заранѣе уже получилъ свѣдѣнія о планахъ Беаты въ этомъ направленіи и былъ такъ довѣрчивъ, что обратился съ своими опасеніями по этому поводу къ кн. Радзивилу, не подозрѣвая, что этотъ послѣдній, чрезъ посредство своего секретаря, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Сообщенныя Горницкимъ новости должны были тѣмъ болѣе обезкуражить короля. Поэтому онъ не откладывалъ на этотъ разъ въ долгій ящикъ своего окончательнаго рѣшенія и высказался въ пользу графа Горки.

Но Горка едва ли нуждался въ этомъ. Староста не считалъ для себя обязательнымъ вынужденное обѣщаніе княгинѣ Беатѣ не отдавать Гальшки графу Горкѣ ранѣе донесенія королю обо всемъ происшедшемъ. Напрасно пыталась Гальшка сопротивляться королевскому приказу, напрасно отказывалась она взойти въ карету, которая должна была увезти ее изъ Львова. Повидимому, при

---

[1]) Слуцкіе, въ качествѣ Ольгердовичей, было естественными соперниками Ягеллоновъ на Литвѣ, и еще въ 1456 г. литовскіе паны думали было выбрать кн. Симеона I Слуцкаго великимъ княземъ литовскимъ. *Пр. пер.*

этомъ отъѣздѣ дѣло также не обошлось безъ насилія, если вникнуть хорошо въ смыслъ современнаго донесенія объ этомъ событіи.

Во время этой катастрофы мы ничего не слышимъ о Беатѣ. Она спрятала въ монастырскомъ подвалѣ свои драгоцѣнности, запечатанныя въ двухъ тюкахъ, и уѣхала изъ города. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя встрѣчаемъ княгиню уже въ Краковѣ, окруженную своими адвокатами и занятую главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы гр. Лука Горка по крайней мѣрѣ рѣшительно былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ на богатое наслѣдство. Все, чѣмъ она могла распорядиться самостоятельно, свое приданное, „вѣно", выкупленныя имѣнія, свою часть въ острожскомъ замкѣ, словомъ все, что она получила и могла соединить въ своихъ рукахъ благодаря описаннымъ ранѣе операціямъ, Беата записала теперь кн. Симеону Слуцкому, „своему зятю", какъ именно гласятъ не безъ похвальбы относящіеся сюда документы. Въ свою очередь и кн. Симеонъ Слуцкій въ тотъ же день выдалъ грамоту съ сохранившимися до настоящаго времени 8 печатями, въ силу которой передалъ и закрѣпилъ пожизненно за „княгиней Илиной, матерью своей супруги, княгини Гальшки", право самостоятельнаго распоряженія всѣмъ полученнымъ отъ нея въ даръ имуществомъ.

Но, что́ всего курьезнѣе, въ тотъ же день Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ и скрѣпилъ короловскою печатью всѣ эти грамоты, гдѣ говорилось о тѣхъ самыхъ „зятѣ" и „супругѣ", которыхъ король не признавалъ таковыми.

V.

Къ господскому замку нынѣшняго городка Замтера въ познанской провинціи примыкаетъ особое высокое зданіе, которое было выстроено еще въ началѣ 16 вѣка и предназначалось въ свое время для цѣлей обороны. И теперь еще зданіе это называютъ „башней", а простой народъ величаетъ его „башней черной княжны". Народная молва передаетъ, что нѣкогда княжеская дочь полюбила юношу изъ простого званія и, боясь отцовскаго гнѣва, скрылась изъ дому. Оставленная наконецъ всѣми,

долго скиталась она по окрестностямъ, терпя нужду и лишенія, пока не попалась въ руки къ отцовскимъ слугамъ. Княжнѣ надѣли на лицо черную маску и заточили въ башню. Вотъ почему и городокъ назвали „Самотулы“, а нѣмцы уже переиначили это имя въ „Замтеръ“.—По другой версіи, дѣло происходило иначе: у вельможнаго владѣльца замка родилась дочь съ лицомъ чернымъ какъ у негра. Несчастный отецъ стыдился показывать на свѣтъ божій свое жалкое отродіе и навсегда заточилъ дѣвочку въ башню.

Эти преданія представляютъ поучительный примѣръ, какимъ образомъ дѣйствительные факты претворяются народнымъ духомъ въ легендарныя формы. Въ самомъ дѣлѣ, и княжна съ черной маской, и дѣвочка съ чернымъ лицомъ и вообще черная княжна, давшая башнѣ свое имя—не иной кто, какъ та же княжна Гальшка Острожская.

Сюда именно, въ отцовскій замокъ, увезъ изъ Львова графъ Лука Горка свою непокорную жену, когда король предоставилъ ему власть надъ нею. Но безплодны были всѣ просьбы и убѣжденія графа, чтобы заставить ее покориться долгу супруги. Гальшка знать не хотѣла навязаннаго ей мужа. Отчасти чтобы приневоливать ее, частью же чтобы не дать ей бѣжать, графъ Горка заточилъ свою молодую жену въ башню, гдѣ она принуждена была теперь оставаться долгіе годы, совершенно отрѣзанная отъ живыхъ людей. Пассивное сопротивленіе, оказанное княжной графу Горкѣ, позволяетъ думать, что поразительная энергія матери до нѣкоторой степени перешла по наслѣдству и къ дочери. Весьма вѣроятно, что во время своего заточенія Гальшка не покидала своего чернаго траунаго убранства. Ей было о чемъ горевать: загубленная юность, потеря любимой матери, съ которою разлучила ее жестокая, неумолимая судьба, хотя Беата оставалась въ живыхъ,—не всякому выпадетъ столь злая доля.

Но княгиня Беата и не думала безропотно покориться судьбѣ. Ни на мгновеніе не прекращала она своихъ усилій добиться отъ короля—лучше сказать, отъ всего свѣта—освобожденія дочери отъ этого, по ея словамъ, „вавилонскаго плѣна“, и на этотъ разъ она уже готова была, въ случаѣ нужды, даже

вознаградить графа Горку за его матеріальныя потери во всей этой исторіи.

Король поручилъ разсмотрѣть вопросъ о бракѣ Гальшки примасу королевства, архіепископу гнѣзенскому, совмѣстно съ епископомъ познанскимъ Чарнковскимъ, который въ свое время совершилъ это насильственное брачное соединеніе. Беата, вновь попавшая подъ вліяніе воеводы Мартына Зборовскаго, ея мстителя кн. Дмитрію Сангушку, тотчасъ же написала примасу съ убѣдительнѣйшей просьбой о помощи для освобожденія дочери.

Графъ Лука изъ Горки въ качествѣ кальвиниста конечно не былъ подчиненъ юрисдикціи архіепископа, въ томъ числѣ и въ брачныхъ дѣлахъ. Но примасъ состоялъ въ родствѣ съ нимъ, а при томъ политическомъ значеніи, которымъ пользовался этотъ духовный сановникъ, графу невозможно было уклониться отъ сдѣланнаго ему предложенія. Примасъ толковалъ о примиреніи съ кн. Беатой, а графъ готовъ былъ вести рѣчь только о примиреніи съ своей женой. Для него была невыносима мысль вести переговоры съ женой при посредствѣ постороннихъ лицъ. Онъ обѣщалъ посовѣтоваться съ друзьями.

Уже 27 сентября 1559 года онъ извѣстилъ примаса вполнѣ почтительнымъ письмомъ, что, по общему мнѣнію его самого и всѣхъ его друзей, было бы весьма грѣшно и постыдно для него вступить въ переговоры съ кн. Симеономъ Слуцкимъ. Вѣдь рѣчь идетъ собственно объ этомъ. „Я взялъ княжну въ жены“, писалъ онъ, „обвѣнчался съ нею по христіанскому обряду, взялъ я ее по повелѣнію короля, который разрѣшилъ мнѣ увезти ее къ себѣ, какъ христіанскій государь; она у меня, она моя жена— и что же, я долженъ теперь изъ за нея же хлопотать и торговаться? Это невозможно. Это было бы противно моей чести и моему достоинству. И съ кѣмъ же я долженъ вести переговоры? Съ человѣкомъ, который думалъ и теперь думаетъ обезчестить мой домъ, который безчестно сталъ между мною и моею, ввѣренною мнѣ милостивымъ королемъ, женою и безправно присвоилъ себѣ ея достояніе? Для меня нѣтъ ничего дороже доброй совѣсти и моей чести, поэтому я не могу присоединиться къ предложенію вашей милости“.

Примасъ сообщилъ о неудачѣ своей первой попытки королю, а этотъ въ свою очередь кн. Радзивилу. Изъ ихъ писемъ архіепископъ убѣдился, что ни на поддержку Радзивила, ни на постоянство короля нечего разсчитывать. Поэтому онъ рѣшилъ попытаться еще разъ, нельзя ли распутать этотъ узелъ на чисто легальной почвѣ. Онъ понималъ, по словамъ одного его письма къ гр. Лукѣ, что ему приходится щадить чувства одной стороны и интересы другой. Поэтому онъ проситъ доставить ему подлинные акты о бывшемъ въ Варшавѣ вѣнчаніи, обѣщая лично разсмотрѣть ихъ и изслѣдовать, нельзя ли въ нихъ „найти какой либо изъянъ". Если, благодаря подобному открытію, явится возможность устранить этотъ бракъ на законномъ основаніи и вести далѣе дѣло, не нарушая божескаго порядка, то нетрудно будетъ найти общую почву для соглашенія и примиренія всѣхъ участниковъ въ переговорахъ.

Со стороны примаса было немалымъ подвигомъ, что онъ разрѣшилъ кальвинисту совѣтоваться по этому поводу съ учеными богословами; но на несчастіе актъ отъ 16 февраля 1559 года былъ такъ ясенъ и недвусмысленъ—актъ этотъ и нынѣ въ цѣлости—что даже примасъ, вмѣстѣ съ богословами, должны были сознаться, что никакой „лазейки" розыскать невозможно. „Я не вижу", писалъ примасъ еп. познанскому, „какимъ образомъ возможно разрушить этотъ бракъ, и мнѣ душевно жаль нашего общаго друга гр. Луку. Держать врага въ собственномъ домѣ, не имѣть радости въ жизни, лишиться надежды на потомство и душевное спокойствіе—нужно быть желѣзнымъ человѣкомъ, чтобы вынести все это. И сверхъ того, особа эта обезчещена кн. Слуцкимъ до такой степени явно, что никакъ не возможно скрыть это обстоятельство".

Примасъ изливаетъ своему духовному коллегѣ всѣ свои сокровенныя мысли, бросается во всѣ стороны, возбуждаетъ вопросъ, не возможенъ ли разводъ ob adulterium, но затѣмъ принимаетъ во вниманіе и тотъ ущербъ, какой былъ бы нанесенъ вслѣдствіе этого свѣтскимъ интересамъ его друга. Онъ въ особенности ссылается на непостоянство въ настроеніи двора и вѣчныя придворныя интриги, считаетъ короля недостаточно

устойчивымъ человѣкомъ, чтобы бороться долго съ подобнаго рода вліяніями. Длинное письмо примаса выгодно отличаетъ этого благороднаго клирика отъ его современниковъ.

Вторичная попытка къ соглашенію обѣихъ партій совсѣмъ не состоялась, такъ какъ примасъ долженъ былъ отправиться въ Вѣну по порученію короля, а графу Горкѣ и епископу познанскому помѣшала явиться болѣзнь. Точно также не удался и планъ съѣзда у гетмана Тарновскаго, о чемъ хлопоталъ панъ Мартынъ Зборовскій. Кн. Беата писала Зборовскому по этому поводу: „Ахъ, дай то Боже тронуть сердце примаса, чтобы по крайней мѣрѣ освобождена была изъ заточенія бѣдная, несчастная плѣнница, моя дочь. Ибо я глубоко убѣждена и надѣюсь на Бога, что насильно у нея ничего не вынудятъ. За себя ручаюсь вамъ, что скорѣе трижды соглашусь принять смерть, чѣмъ уступлю. Убѣждена, что таково же и рѣшеніе дочери“.

Зборовскій отвѣчалъ въ безнадежномъ тонѣ, что нѣтъ никакой возможности примирить „крайнія“ требованія обѣихъ партій. Панъ Лука заявилъ ему, что согласенъ положиться на мнѣніе ученыхъ людей. Если послѣдніе объявятъ его свободнымъ отъ брачныхъ узъ, графъ потребуетъ лишь возмѣщенія убытковъ и охотно отпуститъ отъ себя княжну, нерасположеніе которой онъ знаетъ слишкомъ хорошо. Но если свѣдующіе люди выскажутся въ пользу дѣйствительности брака, то княгинѣ придется покориться необходимости. Гальшка должна признать себя законной его супругой, а мать можетъ управлять пожизненно ея имѣніями. Но княгиня не обнаружила охоты принять подобныя условія.

Беата продолжала дѣло съ неутомимой энергіей. Она обращалась ко всему свѣту, хваталась за всѣ средства. Когда примасъ на обратномъ пути изъ Вѣны проѣзжалъ Краковъ, княгиня, чтобы привлечь его на свою сторону, предложила ему подарокъ, но примасъ, повидимому, отвергъ его не безъ негодованія. Глубоко огорченная, княгиня извѣщаетъ объ этомъ краковскаго воеводу Тенчинскаго, и если это письмо не было разсчитаннымъ лицемѣріемъ, то должно признать, что Беата умѣла изобразить свое отчаяніе матери въ душу надрывающихъ кра-

скахъ. Она проклинаетъ свои наслѣдственныя богатства, навлекшія такое жестокое несчастіе на голову ея дочери, она готова на всѣ жертвы, готова вознаградить графа Горку 10,000 золотыхъ, а если нужно, то не отказывается уплатить и болѣе. Въ противномъ случаѣ имъ обѣимъ, матери и дочери, остается лишь искать спасенія въ смерти, потому что уступить нѣтъ силъ ни у нея, ни у „княгини Слуцкой", какъ демонстративно величаетъ каждый разъ Беата свою дочь. Княгиня проситъ воеводу убѣдить примаса, чтобы дѣло велось лучше въ Польшѣ, нежели на Литвѣ, хотя здѣсь она могла разсчитывать на поддержку Радзивила.

Тщетно убѣждалъ ее воевода выждать сперва рѣшенія архіепископа. Такая перспектива была неутѣшительна для княгини, такъ какъ она не довѣряла примасу. По ея мнѣнію, именно примасъ посовѣтовалъ королю отдать Гальшку графу Горкѣ насильно, а за примасомъ Беата подозрѣвала происки своего шурина, кн. Василія Острожскаго. Подъ конецъ она стала подозрѣвать всѣхъ и каждаго, такъ какъ нигдѣ не встрѣчала себѣ сочувственнаго отклика. Во всей перепискѣ, дошедшей къ намъ изъ этой эпохи по дѣлу Гальшки, нельзя указать ни одного письма, которое могло бы сравниться съ посланіями Беаты по живости проникающаго ихъ чувства и силѣ выраженія. Негодованіе и страстность протеста надѣляютъ ее краснорѣчіемъ, которое становится трагическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она дѣйствуетъ столь искусно, что ей нельзя отказать въ значительныхъ дипломатическихъ дарованіяхъ.

Но тутъ наступило событіе, давшее новый оборотъ всему этому запутанному дѣлу. Въ 1560 г. умеръ кн. Симеонъ Слуцкій. Если Гальшка дѣйствительно была повѣнчана съ нимъ въ львовскомъ монастырѣ, то теперь она была свободна по крайней мѣрѣ съ этой стороны.

Тѣмъ усерднѣе работалъ примасъ. По повелѣнію короля онъ лично отправился въ Шамотулы и нашелъ Гальшку только что оправившеюся отъ лихорадки. Изъ позднѣйшихъ объясненій гр. Горки видно, что княжна признала безполезными всякіе дальнѣйшіе переговоры, такъ какъ рѣшеніе дѣла зависитъ не отъ нея, но отъ матери. Нужно порѣшить дѣло съ этою послѣдней, такъ

какъ княжна безусловно покоряется волѣ матери. Графъ Горка въ почтительно преданномъ тонѣ благодарилъ короля особымъ письмомъ за постоянное вниманіе къ его участи, а въ письмѣ къ кн. Радзивилу онъ выражаетъ надежду, что теперь, со смертью его соперника, можно разсчитывать на болѣе благополучное разрѣшеніе всѣхъ затрудненій.

Достойно замѣчанія, что всѣ дѣйствующія лица этой, по современному выраженію, „трагедіи" относятся съ довѣріемъ къ кн. Радзивилу, который между тѣмъ несомнѣнно играетъ двойную игру. Въ самый же день письма Горки къ Радзивилу послѣдній писалъ Беатѣ, укрѣпляя въ ней еще болѣе недовѣріе ко всему свѣту и не останавливаясь даже передъ инсинуаціями противъ примаса. „Безъ сомнѣнія", писалъ Радзивилъ, „онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы примирить, а не разлучать. Если княжна Гальшка будетъ такъ неблагоразумна, что согласится, то это навлечетъ лишь ущербъ для нашихъ и вашихъ интересовъ. Ибо если бы вы даже согласились уплатить гр. Лукѣ 100,000 зол.,—онъ этимъ не удовольствуется; онъ сочинитъ новый счетъ и пожелаетъ заполучить одинъ или нѣсколько замковъ въ свои руки. Старшему родственнику тоже должно будетъ что либо перепасть. Не знаю, насколько безкорыстно трудится архіепископъ въ этомъ случаѣ. Затѣмъ явится новый епископъ, а тамъ опять другой... Подумайте хорошенько, сумма не малая", и т. д.

Писать къ княгинѣ въ этомъ тонѣ значило только поддерживать ея сопротивленіе. Она опасалась, чтобы архіепископъ, собиравшійся ѣхать въ Вильно, не открылъ кн. Радзивилу, какъ далеко она зашла уже въ своихъ обѣщаніяхъ вознаградить Горку, и потому просила краковскаго воеводу Тенчинскаго убѣдить архіепископа хранить въ возможной тайнѣ ея прежнія обѣщанія. Тенчинскій дѣйствительно написалъ примасу въ томъ смыслѣ, что перенесеніе всего процесса въ Литву равносильно смертному приговору для Беаты. Княгиня живетъ въ своемъ имѣніи Красникѣ лишь затѣмъ, чтобы быть поближе къ дочери и спасти послѣднюю. Для нея нѣтъ на землѣ другого счастія, кромѣ свободы ея дочери. Поэтому она сильнѣе всего печется о

томъ чтобы дѣло разрѣшилось здѣсь же на мѣстѣ, а не переходило къ тамошнимъ, ненасытнымъ волкамъ".

Изъ всѣхъ тѣхъ, кто интересовался княгиней, повидимому, никто не принималъ въ ней болѣе искренняго участія, нежели этотъ краковскій воевода. Въ дальнѣйшей перепискѣ съ примасомъ онъ съ негодованіемъ отзывается о безпрестанныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ, которыя позволяетъ себѣ относительно беззащитной женщины ея шуринъ, кн. Василій. Онъ съ сожалѣніемъ указываетъ на то, что жизнь въ одной комнатѣ уже подорвала въ конецъ здоровье нѣкогда цвѣтущей женщины; онъ изыскиваетъ способы и средства защитить ее какъ нибудь отъ такого неслыханнаго утѣсненія. Но въ концѣ концовъ и этотъ магнатъ ничего не могъ сдѣлать, чтобы подвинуть дѣло впередъ.

Какое бы довѣріе ни питала Беата къ этому защитнику своему, она считала тѣмъ не менѣе необходимымъ не прерывать сношеній съ кн. Радзивиломъ. Княгиня послала къ нему двухъ изъ своихъ повѣренныхъ съ письмами, гдѣ вылила всю скорбь своей души: „Эта злая недоля моей несчастной дочери потрясла меня столь жестоко, что я потеряла умъ, здоровье и все, все. Изнывая въ безпрестанныхъ слезахъ и тоскѣ, не знаю теперь, несчастная, что предпринять далѣе. Но пока душа держится въ тѣлѣ, пока владѣю своими мыслями, не устану взывать и упрашивать вашу милость, какъ нищая умолять васъ о помощи. Сжальтесь, помогите, спасите несчастную, угнетенную, замученную плѣнницу, освободите ее изъ заточенія, какъ милостивый панъ, какъ христіанинъ!"

Примасъ наконецъ рѣшился назначить съѣздъ обѣихъ сторонъ. Мѣстомъ собранія былъ выбранъ городъ Петроковъ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ сеймъ, временемъ — праздникъ Срѣтенія Господня 1561 года. Но княгиня имѣла многое возразить противъ этого. Проволочка казалась ей слишкомъ большой и кромѣ того къ назначенному сроку въ Петроковѣ соберется слишкомъ много народа. „Много людей, много умовъ, и каждый пожелаетъ показать себя", заявила она воеводѣ Тенчинскому, который и безъ того начинаетъ уже терять терпѣніе. „Я здѣсь настоящій мученикъ", писалъ онъ архіепископу, „и

не нахожу минуты покоя“. Еще разъ взвѣшиваетъ онъ шансы на примиреніе, и любопытно, что онъ надѣется на нѣкоторую уступчивость со стороны княгини. Между прочимъ онъ считаетъ нужнымъ сообщить примасу, что княгиня успокоится, если принуждена будетъ понять, что Гальшка сама согласна быть и впредь остаться женой графа Горки. Надежда вновь увидѣть дочь, повидимому, повліяла на Беату смягчающимъ образомъ, такъ какъ она была вполнѣ увѣрена, что графъ возьметъ свою спорную жену на съѣздъ.

Для княгини было новымъ и жестокимъ ударомъ судьбы то обстоятельство, что воевода Тенчинскій скончался въ концѣ осени 1560 года. Она потеряла въ немъ „отца сиротъ“, какъ выразилась въ своемъ письмѣ къ примасу. Теперь ей приходилось разсчитывать на собственныя силы. „Заклинаю васъ самимъ Господомъ и его святымъ именемъ“, говорится въ ея письмѣ къ архіепископу, „слезно умоляю довести это дѣло до конца. Вѣрно то, что, съ божьей помощью, мы обѣ до конца будетъ противиться всему, что противно нашей совѣсти и чести. Ибо этотъ панъ Горка до такой степени отравилъ намъ жизнь, что не только во всемъ христіанскомъ и языческомъ мірѣ, но даже въ самомъ аду не приходится терпѣть столько кривды, какъ вынесла я съ своими дѣтьми“ (Беата намекаетъ въ этомъ случаѣ на покойнаго князя Слуцкаго). „Благодаря этому проклятому богатству“, продолжаетъ Беата, „мы загублены безвинно. Совѣсть возмущается во мнѣ, когда подумаю, что по милости этого жалкаго добра дочь моя должна такъ долго терпѣть душевное и тѣлесное рабство; но я помирюсь не только съ потерей имущества дочери, но и моего собственнаго—честно пріобрѣтеннаго, богомъ клянусь—добра и моего здоровья, лишь-бы моя возлюбленная дочь, княгиня Слуцкая, была свободна“.

Несмотря на всѣ выраженія преданности, Беата не довѣряла примасу. Почти одновременно писала она Радзивилу, что не изъявляла согласія на что-либо, что возлагаетъ всю надежду на него одного, и единственно желаетъ лишь, чтобы Гальшка была подъ какимъ угодно предлогомъ доставлена къ нему на Литву. Тутъ можно будетъ спасти ее такъ или иначе.

Другъ Беаты Мартынъ Зборовскій, ставшій вновь ея совѣтникомъ по смерти воеводы краковскаго, рѣшительно не соглашался на подобный планъ. Онъ думалъ что Беатѣ скорѣе удастся достичь цѣли при личномъ свиданіи съ графомъ Горкою у архіепископа. Онъ доказывалъ послѣднему, что въ свое время Гальшка согласилась на бракъ лишь „conditionaliter". Въ этомъ „conditionaliter" Зборовскій открылъ, какъ ему казалось, ту „лазейку", которую такъ усердно искалъ самъ архіепископъ. Такъ какъ „conditio" согласія матери не наступило, то бракъ можно было расторгнуть. Но прежде всего нужно помнить, что Беата согласится на дальнѣйшіе переговоры только въ томъ случаѣ, если ея дочь будетъ свободна.—Въ томъ же смыслѣ писалъ Зборовскій и графу Лукѣ.

Графъ поблагодарилъ пана Зборовскаго за его хлопоты и выразилъ готовность явиться на съѣздъ въ воскресенье на пятой недѣли поста 1561 года, такъ какъ назначенный ранѣе срокъ уже истекъ. Онъ впередъ устранялъ всякія сомнѣнія въ томъ, что Гальшка—его законная жена. Онъ готовъ отдать на рѣшеніе друзей и посредниковъ лишь вопросъ о томъ, долженъ-ли разстаться съ женою. Ибо онъ желаетъ избавиться отъ Гальшки не ради ея самой, но въ виду вражды княгини—матери и тѣхъ затрудненій, которыя причиняетъ она ему и его женѣ своими происками.

Такимъ образомъ день примиренія, повидимому, приближался. Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ настоятельнѣе требовала Беата освобожденія Гальшки, какъ необходимаго условія для открытія переговоровъ, тѣмъ рѣзче и ядовитѣе становились ея посланія къ примасу. Послѣдній долженъ былъ прійти къ тому же заключенію что и гр. Горка, который жаловался, что „кн. Беата продолжаетъ старую пѣсню", такъ какъ не только повторяетъ тѣ же мысли, но и тѣ же выраженія. Но есть разница въ письмахъ ея къ сановнику церкви и свѣтскому магнату. Въ первыхъ чаще упоминается о Богѣ, совѣсти и готовности „снять съ себя послѣднюю рубаху".

Наступилъ наконецъ и назначенный срокъ, а съѣздъ спорящихъ сторонъ все таки не былъ подготовленъ, и примасъ

имѣлъ въ виду для этого первое воскресенье послѣ пасхи, 13 апрѣля. Но такъ какъ онъ не вполнѣ довѣрялъ миролюбію княгини, то предварительно освѣдомился, какую сумму предполагаетъ она выплатить графу Горкѣ. Зборовскій поспѣшилъ объявить, что княгиня согласна дать 60000 золотыхъ, не потому что чувствуетъ себя обязанной, но лишь бы освободить дочь. Впрочемъ, прибавилъ онъ, Беата готова уплатить даже и 100,000 золотыхъ, но съѣздъ долженъ состояться именно въ назначенный срокъ. Графъ Лука кажется ему беззаботнымъ и неаккуратнымъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ. Пусть архіепископъ назначитъ лучше болѣе ранній срокъ, напримѣръ воскресенье на четвертой недѣлѣ поста. Иначе ему трудно будетъ поддержать княгиню въ ея миролюбивомъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, она получила собственноручное письмо отъ епископа познанскаго, который признаетъ совершенный имъ-же бракъ только „условнымъ".

Полученное примасомъ анонимное письмо также предостерегало его „о непостоянствѣ женскаго племени". Теперь княгиня заявляетъ готовность выплатить 100,000 золотыхъ, о чемъ ранѣе и помину не было, но останется ли она при своемъ рѣшеніи, если графъ Лука не воспользуется случаемъ, анонимный корреспондентъ позволяетъ себѣ сомнѣваться. „На мой взглядъ", заключаетъ анонимъ, „графу лучше отказаться отъ неблагодарной жены, нежели подвергаться цѣлому ряду непріятностей, которыя не устанетъ дѣлать ему княгиня до самой своей смерти, и при этомъ еще имѣть дѣло съ людьми, забывшими Бога и добродѣтель".

Наконецъ сама кн. Беата положительно объявила примасу, что готова выплатить 100,000 золотыхъ за освобожденіе „княгини Слуцкой". Даже болѣе: если графъ Горка исчислитъ свои убытки въ высшей суммѣ и примасъ признаетъ его разсчетъ, она готова все заплатить. Но необходимо теперь же покончить дѣло. „Если этого не случится", писала она далѣе, „то не могу скрыть отъ вашей милости, „что въ такомъ случаѣ мой ворогъ не получитъ ни гроша изъ моего достоянія. Даже при искреннемъ желаніи я ничего не буду въ состояніи уплотить

ему позже, такъ какъ у меня ничего не будетъ уже. Какъ такъ? Объ этомъ я лично поясню вашей милости".

Эта не совсѣмъ понятная угроза поставила примаса въ еще болѣе затруднительное положеніе. „Княгиня желаетъ только освобожденія дочери, а вы не согласны ее отпустить", писалъ онъ графу Лукѣ, „какъ же я могу достичь замиренія въ такомъ случаѣ?" Какъ ни охотно, повидимому, соглашался въ принципѣ графъ Горка на проектъ примиренія, но въ дѣйствительности онъ кажется не думалъ о выполненіи плана. Всѣ сроки оказывались для него слишкомъ короткими, неудобными, онъ находилъ странными рѣчи Зборовскаго, точно онъ, Горка, въ самомъ дѣлѣ ведетъ какую то торговлю изъ-за жены. На вопросъ примаса, какого мнѣнія обо всемъ этомъ Гальшка, графъ сообщилъ, что „она скромно и спокойно говоритъ о дѣлѣ, ссылается все на волю матери, такъ какъ она дала обѣтъ ничего не дѣлать безъ ея согласія". Еще разъ заявляетъ онъ самымъ положительнымъ образомъ, что не намѣренъ отпускать жены; но чтобы доказать всему міру, что Гальшка его жена и что старая княгиня неправа, онъ готовъ на свиданіе, „лишь бы съ божьей и архіепископа помощью положить конецъ этой трагедіи".

Зборовскій еще разъ настоятельно совѣтовалъ не отклонять такъ легкомысленно предложеніе княгини, „такъ какъ страшно подумать, что́ можетъ предпринять она въ случаѣ отказа. Во всякомъ случаѣ графу Горкѣ нечего много разсчитывать на ея состояніе,—объ этомъ она позаботится, хотя бы это стоило ей жизни". Съ другой стороны примасу было сообщено, что княгиня предложила выдать чистый листъ для начертанія на немъ всѣхъ условій, необходимыхъ для освобожденія дочери,—она на все согласится и все подпишетъ: „но если графъ не согласится, прибавляла княгиня, и разсчитываетъ на мою смерть,—ибо никто не можетъ поручиться за свою жизнь,—то не получитъ ничего: это такъ же вѣрно, какъ то что я дышу. Все, что вправѣ сдѣлать мать, я сдѣлаю, чтобы спасти мою возлюбленную дочь изъ рукъ этого пана. Пусть онъ не думаетъ, что Гальшка съ лѣтами станетъ покорнѣе; она лучше погибнетъ въ злой недолѣ,

нежели уступить. Если нужно, мы обѣ готовыя запечатлѣть нашею кровью, что не поступимъ иначе“.

И княгиня Беата сдержала свою клятву. Предположенный съѣздъ конечно не собрался. Еще три года продолжала несчастная женщина свою борьбу съ графомъ Лукою, который между тѣмъ успѣлъ достичь поста воеводы познанскаго, несмотря на свои запутанныя семейныя обстоятельства.

Наконецъ, въ 1564 году, Беата нашла средство выполнить свои угрозы, лишить наслѣдства и отомстить своему ненавистному, навязанному ей зятю.

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ турецкаго посла, который явился къ польскому двору въ апрѣлѣ 1564 года, находился воевода сирадскій Альбрехтъ Ласкій, человѣкъ отважнаго, но дикаго нрава, особенно прогремѣвшій своими подвигами въ Волощинѣ, идеальный типъ наемнаго рубаки. Онъ особенно отличился при возведеніи на волошское господарство Якуба Гераклидеса и въ награду получилъ замокъ Хотинъ. Но послѣ паденія и гибели Гераклидеса султанъ потребовалъ возвращенія Хотина взамѣнъ помощи Польшѣ противъ Россіи. Король Сигизмундъ-Августъ воззвалъ къ патріотическимъ чувствамъ Альбрехта Ласкаго. Хотя этотъ отчаянный воитель издержалъ изъ собственнаго кармана на волошскую экспедицію 100,000 червонцевъ, все состояніе своей первой жены, и Хотинъ былъ единственной наградой за эти расходы, но онъ не колеблясь согласился на просьбу короля и отдалъ замокъ безъ всякаго вознагражденія. Значитъ, былъ героемъ, рыцаремъ, патріотомъ, истымъ шляхтичемъ!

Ласкому былъ 31 годъ, и три года онъ былъ уже вдовъ ко времени принесенія этой патріотической жертвы. Княгиня Беата Острожская рѣшилась вознаградить героя. Несмотря на свой 49-й годъ, она обвѣнчалась съ молодымъ вдовцомъ 12 апрѣля 1564 года; вскорѣ послѣ этой оригинальной свадьбы, княгиня записала своему богоданному супругу всѣ имѣнія и замки, дошедшіе къ ней лично или принадлежавшіе къ ея острожскому наслѣдству, которое еще увеличилось благодаря выкупу заложенныхъ имуществъ. Такимъ путемъ нашъ рыцарь сталъ богатѣй-

шимъ человѣкомъ въ странѣ. Король Сигизмундъ-Августъ утвердилъ эту запись.

Но панъ Ласкій дурно отплатилъ женѣ за такое великодушіе. Онъ увезъ престарѣлую супругу въ свой родовой замокъ Кезмаркъ, въ Спижской долинѣ, въ Венгріи, и заперъ ее въ башню, гдѣ княгиню ожидала та же судьба, какая выпала на долю Гальшки въ Шамотулахъ. Несчастной матери суждено было прожить еще многіе годы, но никогда болѣе не увидѣть родной стороны.

VI.

Такимъ образомъ злая мачиха—судьба поставила обѣихъ женщинъ въ одинаково печальное положеніе. Трудно допустить чтобы грубый и противозаконный поступокъ Альбрехта Ласкаго случился безъ вѣдома и участія лицъ, которыя тяготились страстной энергіей княгини Беаты и ея безпрестанными жалобами. Въ особенности является неясною въ этомъ послѣднемъ случаѣ роль короля, какъ и въ то время, когда онъ утвердилъ своею подписью дарственныя грамоты княгини въ пользу Симеона Слуцкаго, хотя послѣдній названъ тамъ зятемъ, а устроенный самимъ же королемъ бракъ Гальшки съ графомъ Горкою считался какъ бы несуществующимъ. То обстоятельство, что въ 1565 году король вновь призналъ и утвердилъ дарственную Беаты въ пользу Альбрехта Ласкаго, по крайней мѣрѣ не противорѣчило его собственнымъ распоряженіямъ: хотя король могъ и не одобрять рѣшенія Беаты выйти замужъ вторично, но онъ не имѣлъ права воспрепятствовать этому браку или не допустить передачи личнаго имущества Беаты въ руки мужа.

Но въ самомъ устраненіи Беаты съ поля дѣйствія путемъ лишенія ея свободы король, повидимому, не принималъ умышленнаго участія. Мы слышимъ, что Альбрехтъ Ласкій, готовившійся въ 1565 г. вести за свой страхъ войну въ Волощинѣ противно желаніямъ короля Сигизмунда-Августа, воспользовался для этой цѣли огромными богатствами своей жены, а чтобы избавиться отъ протестовъ и жалобъ Беаты, безжалостно заточилъ ее въ

Кезмаркѣ. Если дѣло происходило такъ, то король не имѣлъ никакой выгоды отъ увоза Беаты. Но съ теченіемъ времени возникли какія то, въ точности неизвѣстныя намъ, обстоятельства, которыя установили соглашеніе между Альбрехтомъ Ласкимъ и королемъ. Къ нашему изумленію мы узнаемъ изъ грамотъ, явленныхъ въ королевской канцеляріи, что Альбрехтъ Ласкій въ 1570 году передалъ все полученное имъ отъ своей несчастной жены состояніе самому королю, оставивъ за собою лишь право пожизненнаго владѣнія пятью замками. Безъ сомнѣнія, эта непонятная по своей мотивировкѣ передача была только фиктивною, но невольно является мысль, что король не могъ съ спокойной совѣстью вспомнить о несчастной женщинѣ, которая томилась въ заточеніи кезмаркскаго каземата.

Во всякомъ случаѣ, король до самой своей смерти не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки для возвращенія свободы Беатѣ. Со смертью короля въ 1572 году тоже не послѣдовало облегченія жестокой участи матери и дочери. Только въ 1573 году получила наконецъ свободу такъ много выстрадавшая съ юности Гальшка. Графъ Лука Горка, уже въ санѣ воеводы познанскаго, внезапно заболѣлъ карбункуломъ и вскорѣ послѣ того умеръ въ Познани. Тѣло его было погребено въ нарочито выстроенной для этого случая каплицѣ въ Курникѣ, такъ какъ епископъ познанскій не позволилъ хоронить бывшаго кальвиниста въ фамильномъ склепѣ при соборѣ.

Теперь Гальшка была свободна, свободна такъ, какъ въ сущности не была еще ни разу въ своей жизни. „Черная княгиня“ народной легенды покинула мрачную башню, гдѣ полная силъ молодая женщина пространа 12 безконечныхъ лѣтъ своей загубленной жизни. Гальшкѣ минуло 33 года, когда она вновь, уже въ третій разъ, осталась вдовою. Она не покорилась графу Горкѣ и вѣрно сдержала свою клятву повиноваться только матери. Лишь послѣ смерти графа Луки она, по крайней мѣрѣ въ оффиціальныхъ документахъ, упоминаетъ о своемъ законномъ бракѣ съ нимъ и признаетъ послѣдній, титулуя себя „пани Лукашовая зъ Кгурки, воеводина познанская“... Въ частной перепискѣ она остается по прежнему „княжной Острожской“.

Тотчасъ же послѣ смерти графа Луки братъ послѣдняго, графъ Станиславъ Горка, доставилъ Гальшку въ Познань. Здѣсь ожидалъ ее съ многочисленной свитой двоюродный братъ Янушъ, сынъ князя Василія Острожскаго, чтобы проводить княжну въ Дубно, замокъ того самаго дяди, который нѣкогда оказалъ ей такую дурную услугу. Богатѣйшая наслѣдница въ Литвѣ не могла найти лучшаго убѣжища, какъ у родственника, привязанность котораго была столь сомнительнаго качества. Съ трудомъ вѣришь извѣстію, что Гальшка по доброй волѣ согласилась тогда же отдать руку одному изъ своихъ родственниковъ и что бракъ не состоялся лишь по причинамъ, оставшимся невыясненными. Быть можетъ слухъ этотъ явился лишь вслѣдствіе того, что таково было дѣйствительно желаніе представителей рода Острожскихъ. Сколько можно судить по ея сохранившемуся письму, гнетущее сознаніе о загубленной жизни не оставляло ее ни на мгновеніе, и едва ли ей могла прійти въ голову мысль о возможности воротить потерянное навсегда семейное счастье. Возможно впрочемъ, что она была сговорена съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ, съ цѣлью дать родственникамъ право требовать возвращенія ея имѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, князь Василій, который во время заточенія своей племянницы повидимому и думать позабылъ объ ея острожскихъ имѣніяхъ, именно теперь обнаруживаетъ особенную энергію въ устройствѣ имущественныхъ дѣлъ Гальшки. Задача была нелегкая. Смерть короля Сигизмунда-Августа и затѣмъ избраніе Генриха Валуа внесли немалое замѣшательство въ общественную жизнь, и власти не могли оказать надлежащей поддержки частнымъ лицамъ въ ихъ имущественныхъ домогательствахъ и отношеніяхъ; съ другой стороны, тотъ самый Альбрехтъ Ласкій, вѣроломный супругъ Беаты, которому предстояла главная роль въ будущей имущественной тяжбѣ, оказалъ такія услуги Генриху Валуа, что всѣ шансы на успѣхъ были за Ласкимъ, какъ королевскимъ протеже. Во всякомъ случаѣ Альбрехтъ Ласкій имѣлъ возможность скорѣе, нежели защитники Гальшки, заручиться благосклонностью короля, такъ какъ онъ былъ членомъ посольства, отправленнаго въ Парижъ, чтобы предложить

польскую корону сыну Екатерины Медичи. Это пребыванiе пана Ласкаго въ Парижѣ должно было имѣть для него, какъ увидимъ, и другiя роковыя послѣдствiя.

Несмотря однако на всѣ эти преимущества Ласкаго, дѣло Гальшки получило самый счастливый оборотъ. Въ февралѣ 1574 г., во время коронацiоннаго сейма, король Генрихъ издалъ декретъ, возвращавшiй единственной законной собственницѣ, кн. Гальшкѣ, всѣ тѣ имѣнiя, которыя нѣкогда были записаны Беатою Альбрехту Ласкому, а этимъ послѣднимъ переданы коронѣ. Только личное имущество Беаты, дошедшее къ ней по завѣщанiю перваго мужа, именно 33,082 золотыхъ и закладная на 15,000 золотыхъ, были присуждены Ласкому. По выплатѣ этихъ суммъ, все огромное наслѣдство вновь перешло въ руки законной собственницы, княжны Гальшки. Но изъ нѣсколькихъ сохранившихся записей, напр. отъ 16 мая 1576 г. и т. д., гдѣ Гальшка упоминаетъ о страданiяхъ своей юности, оказывается, что кн. Василiй хлопоталъ исключительно въ свою пользу, такъ какъ княжна передала все свое состоянiе въ руки дяди и его дѣтей [1]).

Въ тѣ немногiе годы, когда она могла еще наслаждаться сознанiемъ полученной наконецъ свободы, Гальшка была, повидимому, занята единственною мыслью, какъ бы освободить свою несчастную мать изъ тюрьмы, въ которую та попала благодаря безпримѣрному вѣроломству мужа. Если Гальшка и не вела лично такой же энергической борьбы, какъ нѣкогда ея мать, то не подлежитъ сомнѣнiю, что именно она побудила своего дядю Василiя вступиться за несчастную кезмаркскую плѣнницу, его невѣстку. Пока Гальшка сидѣла въ шамотульской башнѣ, кн. Василiй не дѣлалъ ни малѣйшей попытки повлiять въ пользу Беаты, хотя имѣлъ сношенiя съ импер. Максимилiаномъ II, который, въ качествѣ повелителя Венгрiи, могъ бы помочь дѣлу освобожденiя обманутой женщины.

Но въ длинный промежутокъ времени между 1565—1573 годомъ кн. Острожскому не приходило въ голову выступить въ защиту невѣстки. Только появленiе Гальшки у родственниковъ

---

[1]) См. въ концѣ главы.

дало поводъ къ заступничеству передъ императоромъ. Время было выбрано для этого удачно, такъ какъ въ ту пору Ласкій, сторонникъ Генриха Валуа и противникъ претендентовъ австрійскаго дома на польскій престолъ, находился въ немилости у императора. Просьба имѣла успѣхъ. Императоръ Максимиліанъ приказалъ генеральному старостѣ верхней Венгріи Іоанну Риберу ф. Питендорфу донести ему о женѣ Альбрехта Ласкаго.

Риберъ велѣлъ подчиненному старостѣ кезмаркскому Альбрехту ф. Рейтерну проникнуть „незамѣтно“ къ плѣнной женщинѣ и сообщить о положеніи дѣла.

Рейтернъ исполнилъ порученіе. Въ сопровожденіи нѣкоего Готарда Гротена, онъ явился къ плѣнной княгинѣ. Отчетъ его рисуетъ страшную картину. Восемь лѣтъ уже Беата не видѣла живой души, которая бы показала ей сочувствіе. При появленіи Рейтерна она лишилась чувствъ, и четыре прислужницы съ большимъ трудомъ привели ее въ чувство. Обливаясь слезами, умоляла несчастная женщина сжалиться надъ нею, такъ какъ у нея и ея прислужницъ нѣтъ даже бѣлья, „чтобы прикрыть голое тѣло“. И между тѣмъ у нея были драгоцѣнности, которыя она предложила Рейтерну въ подарокъ, но тотъ отказался. По словамъ Рейтерна, „одежа на княгинѣ была сильно поношена, но опрятна, а одежа и бѣлье женщинъ, прислуживавшихъ Беатѣ, истлѣло и изорвалось въ клочки благодаря многолѣтнему заточенію“. Рейтернъ получилъ отъ княгини два письма, писанныя полатыни, къ императору и генеральному старостѣ Риберу. За недостаткомъ чернилъ, Беата тутъ же написала ихъ разведенной въ водѣ сажей.

Риберъ послалъ императору точное донесеніе и просилъ его сжалиться надъ злою участью несчастной. Кн. Василій Острожскій также отправилъ посланца къ императору съ ходатайствомъ за Беату. Максимиліанъ рѣшилъ, что въ силу венгерскаго права плѣнница должна подать формальную жалобу противъ мужа, а генеральному старостѣ предписалъ принять мѣры противъ возможныхъ насилій со стороны Альбрехта Ласкаго.

Императорскій посолъ въ Польшѣ Андрей Дудичъ также совѣтовалъ своему господину освобожденіе Беаты: это произве-

детъ наилучшее впечатлѣніе въ Польшѣ, такъ какъ несчастная судьба обѣихъ женщинъ привлекаетъ здѣсь общее сочувствіе. По мнѣнію посла, слѣдуетъ принять необходимыя мѣры ранѣе возвращенія Ласкаго изъ Парижа.

Но императоръ отнесся къ положенію Беаты далеко не съ такимъ участіемъ, какъ его чиновники и послы. Хотя Ласкій и сталъ на сторону Генриха Валуа, но втайнѣ онъ вновь вступилъ въ сношенія съ австрійскимъ дворомъ. Виды на польскую корону составляли въ то время главную пружину габсбургской политики, а въ этомъ дѣлѣ могъ оказать прекрасныя услуги именно такой отчаянный и безпардонный политиканъ, какимъ былъ Ласкій. Жалоба Беаты была поэтому положена подъ сукно, а императорскій посолъ получилъ въ отвѣтъ нѣсколько общихъ неопредѣленныхъ фразъ. Дудичъ не зналъ о личныхъ связяхъ Ласкаго съ императоромъ. Поэтому онъ думалъ окончательно подорвать кредитъ Ласкаго при дворѣ, сообщивъ 8 апрѣля 1574 г. императору объ одномъ изъ скандальнѣйшихъ подвиговъ этого рыцаря, вызвавшемъ справедливое негодованіе всего польскаго общества.

Во время своего пребыванія во Франціи панъ Альбрехтъ Ласкій, воевода сирадскій, тайно обвѣнчался съ одной итальянкой, по слухамъ, дочерью фаворитки короля Генриха, и прибралъ къ рукамъ приданое въ 14,000 золотыхъ вмѣстѣ съ разными драгоцѣнностями. Хотя своеобразныя семейныя его дѣла въ Польшѣ были общеизвѣстны и составляли предметъ общихъ толковъ, но тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ смѣлость взять съ собой на родину свою вторую жену вмѣстѣ съ ея матерью. Эти дамы очень скоро поняли, что всѣ относятся къ нимъ здѣсь съ крайнимъ презрѣніемъ, и къ своему ужасу узнали, что Ласкій держитъ въ тюрьмѣ свою первую жену. Напрасно старался воевода сладкими рѣчами успокоить дамъ и заставить ихъ молчать, напрасно грозилъ онъ утопить тещу ночью въ Вислѣ,—дамы бѣжали отъ этого дикаря въ монастырь и послали жалобу сенату, умоляя о защитѣ. Дѣло дошло до короля. 1 мая обманутая женщина упала ему въ ноги въ присутствіи всего сената и подала формальную жалобу. Чѣмъ кончилось это дѣло, остается не-

выясненнымъ. Панъ Ласкій, повидимому, долженъ былъ принести большія жертвы деньгами, чтобы выпутаться изъ этой исторіи.

Императорскій посолъ думалъ произвести на своего повелителя тѣмъ большее впечатлѣніе эффектными подробностями этого скандала, что съ другой стороны онъ указывалъ на возможность, цѣною освобожденія Беаты, усилить и укрѣпить преданность князя Василія Острожскаго австрійскому императорскому дому. Князь не разъ говорилъ, что это—единственное благодѣяніе, котораго онъ ожидаетъ отъ императорскаго двора, и тѣмъ съ большимъ правомъ, что того требуетъ справедливость и человѣколюбіе.

Императоръ не отвѣчалъ ни слова.

Даже Янъ Риберъ, генеральный староста, рискуя впасть въ немилость, осмѣлился напомнить императору о судьбѣ несчастной женщины. „Ласкій—писалъ Риберъ—заточилъ свою жену исключительно съ цѣлью безпрепятственно воспользоваться ея деньгами въ суммѣ до 300,000 золотыхъ. Всю надежду свою на освобожденіе отъ этого тиранства она возлагаетъ только на Бога и ваше имп. величество. Совѣсть не позволяетъ мнѣ молчать, и я умоляю ваше величество, какъ Богомъ поставленнаго верховнаго владыку всего христіанскаго міра, оказать справедливость бѣдной замученной и угнетенной женщинѣ“.

Но и это письмо было оставлено безъ отвѣта. Бѣгство Генриха Валуа и свободная корона открывали новыя перспективы для Габсбурговъ, и конечно не въ такую горячую пору можно было жертвовать неоцѣнимымъ партизаномъ въ родѣ Ласкаго. Но въ то же время слѣдовало сохранить и расположеніе князя Острожскаго, который поэтому былъ осыпанъ знаками императорской милости, сыну князя приготовлена заманчивая перспектива брака на сестрѣ маркграфа Альбрехта-Фридриха бранденбургскаго, дано обѣщаніе написать Альбрехту Ласкому. Все это давало лишь понять, что предстоящіе выборы короля въ Польшѣ гораздо болѣе интересуютъ императора, нежели судьба плѣнницы.

Въ сравненіи съ прежними долгими годами заточенія, Беатѣ было теперь немного легче собственно потому, что она имѣла теперь куда обращаться съ своими потрясающими жало-

бами, именно къ благородному старостѣ Риберу. Сохранилось собственноручное письмо Беаты къ Риберу, написанное въ пасху 1575 года. Здѣсь вылилось все отчаяніе и страстное негодованіе бѣдной женщины, которая вмѣстѣ съ тѣмъ умоляла оказать ей справедливость и христіанское милосердіе и прекратить вопіющее къ небу издѣвательство надъ ея правами.

Сердобольный Риберъ не колеблясь отправилъ это посланіе къ императору и откровенно выразилъ свое недоумѣніе по поводу такого вдвойнѣ удивительнаго отказа въ законной защитѣ. Когда кн. Василій отправилъ новаго посла къ Максимиліану, Риберъ снова повторилъ свое трогательное и искреннее ходатайство.

Все напрасно. Императоръ безмолствовалъ: Альбрехтъ Ласкій работалъ въ его пользу въ Польшѣ. 12 декабря 1575 года Максимиліанъ былъ избранъ меньшинствомъ въ польскіе короли, и тотъ же Ласкій первый извѣстилъ его объ этомъ въ письмѣ отъ того же числа. Понятно, что ни мольбы Беаты, ни новыя просьбы и ходатайства за нее не удостоились ни малѣйшаго вниманія со стороны Максимиліана.

Но избиратели раздѣлились. Большая часть шляхты высказалась въ пользу седмиградскаго господаря Стефана Баторія, и когда онъ явился въ Польшу, то получилъ корону среди всеобщихъ ликованій. Въ виду такого событія, шансы Максимиліана разомъ упали, тѣмъ болѣе, что король Стефанъ умѣлъ привлечь на свою сторону противниковъ своимъ миролюбіемъ и тактомъ. Ласкому были также сдѣланы примирительныя предложенія, но тотъ, въ надеждѣ на мощную поддержку Максимиліана, продолжалъ еще нѣкоторое время партіонную борьбу, но наконецъ принужденъ былъ укрыться заграницей. Онъ искалъ и нашелъ пристанище въ императорскихъ владѣніяхъ.

Но прежде нежели покинуть арену своей политической дѣятельности и удалиться во Флоренцію, опутанному долгами Ласкому пришлось еще посчитаться съ генеральнымъ старостой Риберомъ о долгахъ, въ великомъ изобиліи обезпеченныхъ на кезмаркскомъ замкѣ. Человѣколюбивый Риберъ воспользовался и этимъ случаемъ: онъ вынудилъ у свирѣпаго Ласкаго разрѣшеніе перевезти тяжело заболѣвшую послѣ Рождества Беату изъ замковой тюрьмы въ домъ кошицкаго старосты.

Въ іюнѣ 1576 года Беата покинула наконецъ мѣсто, гдѣ провела одиннадцать лѣтъ жизни, томимая тоской, позднимъ раскаяніемъ, ненавистью и отчаяніемъ.

Честный Риберъ, очевидно, заботился о больной старухѣ съ неистощимой добротой. 24 іюля 1576 г. еще разъ писалъ онъ императору: Бѣдная женщина долго не проживетъ. Послѣднее ея желаніе, о которомъ она молитъ кровавыми слезами—это получить отъ мужа разрѣшеніе увидѣться передъ смертью съ единственной дочерью: необходимо оказать несчастной эту милость. Она готова дать какое угодно ручательство и клятву, что проститъ и забудетъ всѣ нанесенныя ей кривды. „Въ виду мнѣнія“, прибавляетъ Риберъ, „что отъ вашего величества нельзя получить защиты обиженному, осмѣливаюсь просить, какъ вѣрноподданный, войти въ сношенія объ этомъ съ Альбрехтомъ Ласкимъ. По крайней мѣрѣ всѣ скажутъ, что онъ сжалился наконецъ надъ своей женой, а за ваше величество бѣдная, убитая женщина вознесетъ теплыя молитвы къ Всевышнему на небесахъ“.

Неизвѣстно, успѣлъ ли сдѣлать что нибудь императоръ по этому дѣлу. Въ сентябрѣ того же года онъ захворалъ, а 12 октября скончался. Не сохранилось дальнѣйшихъ извѣстій и о судьбѣ Альбрехта Ласкаго, который жилъ изгнанникомъ сперва въ Прагѣ, затѣмъ во Флоренціи. Точно также не знаемъ мы, осталась ли Беата въ Кошицахъ, гдѣ и закончила свои печальные дни, или же еще имѣла возможность вернуться на родину, чтобы на рукахъ своей не менѣе несчастной дочери испустить послѣдній вздохъ.

Въ послѣдніе годы плѣна и страданій Беаты не слышно, чтобы Гальшка сдѣлала что либо для освобожденія матери. Поэтому представляется весьма правдоподобнымъ извѣстіе современныхъ хронистовъ, что пригнетенная неслыханными несчастіями княжна лишилась, наконецъ, разсудка и впала въ сумашествіе. Да и что удивительнаго при такой тяжкой судьбинѣ?

Къ концу 1582 г. смерть избавила, наконецъ, Гальшку отъ ея страданій. Родственники, въ руки которыхъ перешло ея роковое наслѣдство, устроили княжнѣ роскошныя похороны.

Отъ переводчика.

Гр. Пшездзѣцкій, Шараневичъ, Каро и др. ошибочно относятъ смерть Гальшки къ 1582 г. Въ *Луцкой гродской книгѣ* 1583 г. (Кіевскій Центр. Арх. кн. № 2049, листъ 390) можно видѣть запись Гальшки отъ 20 сентября того года, гдѣ княжна отдаетъ себя навѣки въ опеку своему дядѣ Константину II (Василію) Острожскому, въ виду невозможности выплатить яко бы накопившійся за нею огромный долгъ. Документъ этотъ, сколько извѣстно, до нынѣ не изданъ. Онъ представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ финальный и притомъ финансовый аккордъ въ этой историко-экономической драмѣ, рисуетъ до извѣстной степени душевное настроеніе больной женщины и отношеніе къ ней ближайшаго родственника—магната и важнаго сановника на Литвѣ. Предполагая, что документъ можетъ интересовать любителей волынской старины, приводимъ его здѣсь цѣликомъ, безъ измѣненій (исключая пунктуаціи):

„Року Божого нароженя 1583, месеца сентебра 20 дня“.

„Передо мною, Богушомъ Хведоровичемъ Корецкимъ, воеводою земли Волынское, старостою Луцкимъ, Браславским и Вѣницким, постановившися обличне, велможная пани Лукашовая з Кгурки, воеводиная Познанская, Галжбета Илиная княжна Острозская, доброволне оповедала и вызнала: зосталем дей певного, истотного, рукоданого долгу, штом на потребы свое не поодновкрот позычала, винна ясневелможному пану Костентину кнежати Острозскому, воеводе Киевскому, маршалку земли Волынское, старосте Володимерскому, сто тисечей коп. двадцат тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и чотыриста копъ грошей личбы литовское, а особливе за скарбы отца его милости князя Костентина Острозского, деда моего, и за личбы з платов, доходов, што был небожчик отец мой князь Иля его милости брату своему с певного постановленя в кождый рок давати повиненъ и не давал, упросилам его милости, и на том его милост перестати з особливое ласки своее рачил, естем повинна его милости заплатити тридцат тисечей копъ грошей личбы литовское, то всею сумою, скасовавши оные листы церокграфы першие на долги

мое, и злучивши тот увес долгъ позычоный, сполем с тою сумою чинит сто тисечей коп, петдесят тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и чотириста копъ грошей личбы литовское: том все его милости винна зостала. И не маючи чим на сей час его милости того всего заплатити, отдалам се его милости зовсѣмъ ув опеку, аж до живота моего, и уживши его милост за то пилными а покорными прозбами моими, давам и далам его милости моц зуполную на зыскъ и на страту о отчизну и всѣ имѣнья мое мовити, правом перед господарем и кождым врядом доходити, вгодою и яко колвек водле налепшого уподобаня своего становити; а я на всем том переставати повинна. А кгды его милост през право, албо угоду выищет, тедым дала и давам моц и волност его милости в тои всеи суме пенезей вышей менованои, именя мои всѣ, которые колвек его милост яким колвек обычаем выищет, до року в держане и ув уживане взяти и их зо всѣми кгрунты и пожитки аж до отданя од мене сполна его милости тое всее сумы пенезей вышей менованое; а я на он час буду и естем повинна листом моим особным водле потребы его милости воровати и ознаймити, въ якои суме пенезей которое имене его милост держати мает. Яко жем на то и лист мой с печатю моею и с подписом руки и под печатми людей зацных дала, на котором то ширей и достаточней ест описано. И положивши оный лист, просила ее милост, абы был читан и при таковом оповедани до книг уписан; который передо мною был вычитан, и так се в собе мает: „Я, Лукашовая з Кгурки, воеводиная Познанская, Галжбета Илиная кнежна Острозская, не за жадным примушенемъ, одно сама доброволне сознавам кождому, кому того потреба ведати, тепер и напотом будучим: от часу немалого по всѣ часы в не фортунных припадках, потребах, долеглостях и недостаткахъ моих, также и в теперешнемъ сиротстве моем, зоставши по небожчику малжонку моем от всих кревных, близких и повинных моих опущона, иж не толко абы ми ратунок який в потребах и в великих недостатках моих чинити мели, але яко вырекшися мене, повиннои своеи, запомнели и знати николи не хотели. Толком дознала великое невымовное милостивое ласки, добродейства, ратунку и подпоможеня во всѣхъ

потребахъ и недостатках моих от его милости ясневелможного пана Костентина кнежати Острозского, воеводы Киевъского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, пана стрыя и добродѣя моего милостивого, которую мне его милост по всѣ часы, за живота малжонка моего и тепер в том сироцстве показовати и немалых сумъ пенезей на потребы мои позычати, а особливе и тепер великим коштом, накладом, з немалым почтом людей ездных и пеших, тутошних и чужоземцовъ, и з великою небезпечностю через сына своего, его милость кнежа Януша, пана брата моего, выискати и тут припровадити рачил. Которых же то всѣхъ долгов моих, штом у его милости позычи[illegible]а, на всѣх листех церокграфех моих, также теперешний коштъ и наклад его милости, знесши все на одно мѣсце и вчинивши певный рахунок, оказалося сумою сто тисечей копъ, двадцат тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и чотириста коп грошей личбы литовское, а осо[illegible]иве за скарбы отца его милости князя Костентина, деда моего, и за личбу с платом доходов, што был небожчик отец мой княз Иля его милости брату своему с певного постановеня в кождый рок давати повинен и не давал, упросилам его милости, и на том его милост перестат з особливое ласки своее рачил, естем повинна его милости заплатили тридцат тисечей копъ грошей личбы литовское, то всего сумою, скасовавши оные листы церокграфы мои и злучивши тот увес долгъ мой позычоный сполем с тою сумою, чинит сто тисечей копъ, петдесят тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и четыриста копъ грошей личбы литовское: томъ все его милостй винна зостала. А не маючи чим на сей час его милости того таковога долгу моего заплатити, кгдыж отчизна моя вся в розных людей и розными правы от панее матки моее панее Беяты съ Костелъца, в которoем в опеце была, естъ заведена, але ужилам в том его милости покорными прозбами моими, и давши ся его милости в опеку аж до живота моего, давам и далам его милости моц зуполную на зыскъ и на страту о отчизну и всѣ именя мои мовити, правом перед господарем и кождым врядом доходити, угодою и яко колвек водленалепшого уподобаня своего становити, а я на всем том переставати повинна. А кгды его милост през право

албо угоду выищетъ, теды давам моц и волност его милости в той всей суме пенезей вышей помененой в сту тисечах копах в пятидесят тисечах копах, у двух тисечах копах и в чотырох сот копах грошей личбы литовское именъя мои всѣ, которыи колвек его милость и яким колвек обычаем выищет, до рукъ в держанъе и в уживане свое взяти и их зо всѣми кгрунты, людми и пожитки держати и уживати аж до одданя от мене сполна его милости тое всее сумы пенезей вышей менованое; а я на он час, кгды его милост именъя мои выищет, для ведомести потомству и всѣм кревнымъ, близкимъ и повинным моимъ и для выкупленъя тым, на кого бы што по мне вѣчностю спадало а окупити хотел, на листе моем его милости от мене на то даном ознаймити маю и буду повинна, в якои суме пенезей которое именъе его милост держати и уживати мает. А где бым того досыт не учинила, и того всего долгу моего вышей помененого таковым обычаем на листе моем водле потребы его милости не варовала, прийму сама на себе и в то се доброволне поддаю зарукиж его милости пану а стрыеви и добродию моему милостивому заплатити таковую другую суму пенезей, то ест сто тисечей копъ, петдесят тисечей коп, две тисечи копъ и чотириста копъ грошей личбы литовъское, к тому особливе шкоды, наклады, кром доводу присеги, толке на речене слова его милости, и в то ся доброволне поддаю и буду повинна перед судом и врядом кгродским, в яком же колвек повете за першим позвом, яко на року завитом, не вымовляючися хоробою, службою господаръскою, ани жадными причинами правными и неправными, стати и не збываючи позву роком ани чим, усправедливити и от всказаня и декрету нигде не апелевати; и давати моц врядови тую заруку и за шкоды на речене слова, также и тотъ долгъ вышей менованый увес, не складаючи роков статутовых, але заразом на маетности моеи отправити, якож тым певней подля права умоцняючи естем повинна, под таковоюж другою зарукою, ставши на вряде кгродском Луцком вызнати и оповедати и тот лист мой дати до книг записати. И на том дала кж. его милости Костентину Острозскому, воеводе Киевскому, тот мой лист, з моею печатю и с подписом властное

руки моее; а при том были того добре звѣдоми и за устною а очевистою прозбою моею печати свое приложити рачили их милост панове а приятеле мои: пан Василей Петрович Загоровский, кашталянъ Браславский, пан Гаврило Бокий Печихвостский, судя земский повету Луцкого, а панъ Ждан Томкович Копыленский. Писан у Володимери, лета Божого нароженя тисеча пятсот осмдесят третего, месеца сентябра пятого дня. Подпис руки по полску: Галжбета Илина кнежна Острозская ренką свą“.

„И просила ее милост, абы тое доброволное оповедане и тот лист до книгъ был вписан; ям записати казал“.

Н. М.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Послѣ писемъ кн. Н. Г. Репнина [1]), приводимъ одинадцать писемъ князя В. П. Кочубея къ М. П. Миклашевскому. Письма эти, не заключая въ себѣ особенно интересныхъ фактовъ, тѣмъ не менѣе представляютъ не лишній матеріалъ для исторіи тѣхъ «родственныхъ отношеній», которыя такъ облегчали младшимъ родственникамъ, при помощи вліянія старшихъ, шествіе вверхъ по служебнымъ лѣстницамъ... Князь В. П. Кочубей (р. 1768 † 1834) былъ сынъ Ульяны Андреевны Безбородко, а М. П. Миклашевскій былъ женатъ на дочери Татьяны Андреевны Безбородко, бывшей замужемъ за Яковомъ Леонт-чемъ Бакуринскимъ.

Ред.

II. Письма князя В. П. Кочубея, 1798—1831 г.

1) Милостивый государь мой Михайло Павловичъ!

Выѣзжая черезъ нѣсколько часовъ въ С.-П-бургъ, я едва успѣваю возвратить вамъ при семъ подорожнюю, которою, въ запасъ, вы меня ссудить изволили, съ искреннею моею за сіе благодарностію.

Пробывъ здѣсь долѣе нежели было сначала...... я имѣлъ случай князю Александру Андрѣевичу сказать о сомнѣніи вашемъ, что онъ васъ забываетъ и о прискорбіи вашемъ по сему случаю. Онъ въ семъ никакъ согласиться не хотѣлъ, изъяснялъ при томъ о чувствованіяхъ своихъ къ вамъ, и что онъ конечно не оставитъ никакого удобнаго случая, дабы быть вамъ полезнымъ.

Ежели сіе послужить можетъ къ нѣкоторому утѣшенію, посреди скучныхъ вашихъ упражненій, то я радоваться буду, что поспѣшилъ моимъ извѣщеніемъ, увѣряя васъ впротчемъ объ отличномъ почтеніи и преданности съ коими всегда пребуду.

Вашего пр-ва покорнѣйшій слуга Викторъ Кочубей.

Москва. Іюня 9. 1798 г.

---

[1]) См. выше стр. 120.

2) М. г. мой М. П! Письмо ваше отъ сего мѣсяца я имѣлъ честь получить и весьма признателенъ за уваженіе ваше ко мнѣ, по поводу Дротовскаго. (?) Что онъ негодяй въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но понеже нѣтъ моего намѣренія ему вредить, то не угодно ли будетъ вамъ примѣстить его куда бы то ни было кромѣ Полтавы.

Князь Александръ Андрѣевичъ изъ письма вашего заключилъ, что вы, будучи недовольны опредѣленіемъ военнаго генералъ-губернатора, желали бы отойти прочь. Перемѣна сія послѣдовала въ самое утро возвращенія нашего изъ Москвы и я васъ увѣрить могу, что тутъ не входило какое либо неудовольство или недоброжелательство нащетъ Вашъ, а найдено было, что слѣдовало какъ нибудь загладить огорченіе, здѣланное Беклешову, котораго впротчемъ государь хотѣлъ имѣть въ Кіевѣ для разныхъ польскихъ. (?) Все сіе предположено было дорогою изъ Тифина и князь узналъ о томъ, какъ дѣло было уже здѣлано. Вотъ вамъ вся исторія сея перемѣны, которая можетъ быть и полезна для васъ будетъ, въ томъ видѣ, что отвѣтствѣнность ваша гораздо уменьшится и что, имѣя начальника, конечно всегда готоваго всякую услугу вамъ оказать, можно будетъ и здѣсь легче до чего нибудь добиться.

Простите мнѣ откровенность мою и вѣрьте непоколебимымъ чувствованіямъ моимъ преданности и отличнаго почтенія, съ коими пребуду в. пр-ва покор. слуга В. К.

Петергофъ. Іюля 20. 1798 г.

P. S. Не забудьте о Семенѣ Михайловичѣ. Мы говорили о немъ здѣсь А. А. Беклешову. Я думаю, что Василій Васильевичъ Кочубей хочетъ итти въ отставку; вотъ маршальская ваканція [1]).

3) М. г. мой М. П!

Г-ну Чернышу, случившемуся при разговорѣ, который недавно имѣлъ я съ княземъ Александромъ Андреевичемъ, сказывалъ я, чтобъ онъ васъ объ ономъ увѣдомилъ обстоятельно; что же принадлежитъ до меня, я больной въ подагрѣ; скажу только вамъ, что вслѣдствіе онаго пошелъ я сегодня къ вашему военному генералъ-губернатору, предполагая, что доброе его о васъ при началѣ свидѣтельство можетъ, естли обстоятельства позволятъ, обращено быть въ вашу

---

[1]) Василій Васильевичъ Кочубей, двоюродный братъ Виктора П-ча Кочубея, былъ предводителемъ дворянства (маршаломъ) въ глуховскомъ уѣздѣ.

пользу, о которой я, поколику отъ меня только зависѣть можетъ, никогда пещися не упущу. Будьте въ семъ удостовѣрены, такъ какъ и въ искреннемъ почтеніи, съ коимъ я всегда пребуду в. пр-ва покорнѣйшій слуга В. К.

С.-П-бургъ. Августа 6, 1798 г.

Что мои братья батуринскіе дѣлаютъ? Неужели имъ вѣкъ дома голубей гонять.

4) С.-П-бургъ. Августа 16, 1798 г.

М. г. мой М. П.!

Сожалѣю весьма, что болѣзнь моя не позволила мнѣ быть въ Павловскѣ въ день пожалованія вамъ ордена и тогда же воспользоваться возвращавшимся курьеромъ, дабы искренно васъ поздравить и припомнить вамъ, справедливы ли были замѣчанія, мною вамъ изъ Москвы здѣланныя, и упущенъ ли былъ случай, коль представился оный, чтобъ доставить вамъ какую пріятность.

Я надѣюсь, что вы признаете меня за хорошаго пророка и утвердитеся вяще и вяще въ моемъ къ вамъ усердіи, привязанности и совершенномъ почтеніи, съ коимъ я всегда пребуду вашего пр-ва покор. сл. В. К.

5) М. г. мой М. П.!

Благодарю покорно за письма ваши и за снисхожденіе ваше на прозьбу Ѳедора Григорьевича объ уступкѣ мнѣ лошадей. Симъ весьма вы меня одолжили, ибо трудность найти здѣсь шорныхъ лошадей умножается по мѣрѣ необходимости ихъ имѣть; но понеже поступили вы со мною такъ какъ съ близкимъ роднею и старымъ знакомымъ, то позвольте, чтобъ я, взаимствуя сему, не согласился иначе принять лошадей вашихъ, какъ по крайней мѣрѣ доставленіемъ вамъ таковаго же числа изъ заводу г-на Апостола. Тутъ поступаю я не потому, чтобъ совѣстился принять отъ васъ подарка; я когда нибудь что ни есть отъ васъ и возьму, а особливо когда богатѣе вы будете, а теперь согласитесь, чтобы мы только лошадьми размѣнялись.

Ѳедоръ и Александръ Яковлевичи прибыли сюда благополучно [1]). Я объ нихъ пекуся, какъ собственно о себѣ, и на будущей недѣлѣ писать буду къ родителямъ ихъ объ окончательномъ опредѣленіи ихъ въ службу.

---

[1]) Бакуринскіе—родные племянники кн. Безбородка, сестра котораго Татьяна была замужемъ за тайн. совѣтн. Яковомъ Леонтьевичемъ Бакуринскимъ.

Ѳ. Я. пошелъ вчерась въ Гатчинъ; отъ толе возвратится онъ сегодня, но чѣмъ—не знаю; будетъ же онъ въ Преображенскомъ полку, а меньшой сегодня опредѣляется въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Предварите, пожалуйста, о семъ Татьяну Андрѣевну, такъ какъ и о томъ, что я не хотѣлъ писать къ ней прежде полнаго выполненія ея на меня возложеній.

Примите впрочемъ увѣренія искренняго почтенія и преданности, съ коими всегда пребуду вашего пр-ва п. с. В. К.

С.-П-бургъ. Сентября 3, 1798 г.

6) М. г. мой М. П.!

Вручитель сего надворный совѣтникъ Шенуслидзѣвъ, одобряемый всѣмъ моимъ сосѣдствомъ, человѣкъ, имѣющій жену и семь дѣтей, съ упраздненіемъ мѣста городническаго въ Красномъ Кутѣ, которое занималъ онъ съ лишкомъ десять лѣтъ, лишился, такъ сказать, съ онымъ дневного пропитанія. Располагаяся прибѣгнуть къ вамъ съ прозьбою о примѣщеніи его куда нибудь въ губерніи Малойроссійской, гдѣ бы онъ и семья его могла найти хлѣбъ насущный, онъ щитаетъ, что свидѣтельство мое у васъ можетъ ему быть полезно, и хотя я увѣренъ, что вы безъ всякаго посторонняго подвига охотно помогаете бѣднымъ... но какъ подобныя вещи не отказываются, то я съ удовольствіемъ удовлетворилъ желанію его, снабдя его симъ письмомъ. Пребывая впротчемъ непреложно съ истиннымъ почтеніемъ и искреннею привязанностію, м. г. мой, вашего пр-ва покорнѣйшій слуга графъ В. К.

Диканька. Февраля 20 д. 1800 г.

7) М. г. мой М. П.

Адресуясь, какъ подобаетъ къ г-ну губернатору, официальнымъ письмомъ о подорожней, я присоединить долженъ здѣсь, что отъ Лубенъ только поѣду почтовыми лошадьми, понеже отсель до того города нѣтъ оныхъ, и что вмѣсто безпокойства бѣднымъ обывателямъ въ настоящее рабочее время, я думаю на своихъ доѣхать 120 верстъ. Деньги же пошлинныя Григорій Петровичъ [1]) вамъ возвратитъ; онъ пишетъ ко мнѣ, что за прежнія подорожнія вы уже отъ него получили все подлежащее; у меня остается еще одинъ вашъ бланкетъ, который послѣ 9-го сего мѣсяца употребленъ будетъ для отъѣзду на короткое время за Днѣпръ.

---

[1]) Милорадовичъ.

Бѣдный Маркевичъ Иванъ Андрѣевичъ, лишившися семьи своей, проситъ меня, чтобъ я умолилъ васъ объ освобожденіи его отъ исправленія маршальской должности, на него возложенной. Онъ ничего такъ не желаетъ какъ остаться въ покоѣ и вы ему большую милость окажете, доставя ему оный, что тѣмъ кажется легче, что въ Малой Россіи множество изстари охотниковъ на всякія мѣста прямыя, кривыя, заурядныя и пр.

На васъ вся Литва стародубовская, сказываютъ, негодуетъ. Je ne nomme pas les masques, но мнѣ самому о семъ говорено было; и будто по какимъ то отрѣшеніямъ посланы на васъ въ П-бургъ жалобы. Вы сіе лучше знаете, а мое дѣло сказать вамъ слышанное и присоединить въ заключеніе, что я всегда пребуду съ искреннимъ почтеніемъ и таковою же преданностію вашего пр-ва вѣрнымъ и покорн. сл. графъ В. К.

Диканька. Мая 6 д. 1800 г.

P. S. Скажите Тетьянѣ Андрѣевнѣ [1]), что граф. Ф В. Ростопчинъ пишетъ ко мнѣ отъ 13-го апрѣля, что Александръ Яковлевичъ чрезъ двѣ недѣли отправленъ будетъ къ посту своему въ Минхенъ.

8) Царское Село. Августа 7, 1818 г.

По прибытіи моемъ, нашелъ я дружеское ваше письмо отъ 9 мая, за которое поспѣшаю изъявить вамъ искреннюю мою благодарность. Не меньше обязанъ я вамъ оною и за попеченіе ваше о Чуйковскомъ моемъ имѣніи [2]). Покорнѣйше прошу продолжать оное. Симъ окажете вы не только большое одолженіе, но совершенную милость. Что касается до замѣчанія вашего на щетъ умѣренности дохода въ семъ году, то я прошу васъ однажды на всегда ввѣрить, что я всѣми вашими распоряженіями буду доволенъ.

Коммиссіи ваши исполнены и здѣсь уже находятся покупки, для васъ здѣланыя. Куда ихъ доставить наставте меня.

Я основалъ себя на остатокъ лѣта въ Царскомъ Селѣ. Государь здѣлалъ мнѣ милость—приказалъ отвести мнѣ комнаты и я полагаю воспользоваться оными до половины сентября и долѣе.

Возвратясь изъ теплыхъ климатовъ, я опасаюсь, особливо для дѣтей, вдругъ раззнакомиться съ воздухомъ; и между тѣмъ какъ только о семъ помышляю, вѣроятно непріятели мои опредѣляютъ

---

[1]) Бакуринской.

[2]) Село Чуйковка въ глуховскомъ уѣздѣ.

меня въ городѣ министромъ полиціи и пр. На сей щетъ, какъ кажется, имѣлъ уже я нѣсколько довольно подлыхъ посѣщеній. Царское Сѣло въ 22-хъ верстахъ, слѣдовательно, дѣло мое было скорѣе отъ оныхъ направить лыжи; а за тѣмъ правила мои не перемѣнились: таже преданность и тоже признаніе за всѣ милости его величествомъ постоянно мнѣ оказываемыя, и таже готовность служить, какъ скоро могу я имѣть удостовѣреніе, что могу службою моею быть полезнымъ.

Настасіѣ Яковлевнѣ искреннее мое почтеніе. Жена моя ей и вамъ кланяется; а я всегда былъ и пребуду сердечно вамъ преданнымъ К.

9) Мнѣ весьма прискорбно, что посѣщеніе барона Кампенгаузена, по весьма скучнымъ дѣламъ, лишило меня третьяго дня удовольствія бесѣдовать съ вами. Вчера дѣла еще скучнѣе не позволили мнѣ навѣдаться у васъ, а сегодня паки начинаю съ десяти часовъ утра хлопоты мои и опять не съѣдуся съ вами, естьли вы не пожалуете къ намъ откушать. Мы обѣдаемъ въ половинѣ четвертаго часу, и весьма будемъ рады, естьли доставите намъ удовольствіе васъ видѣть.

Пятница. Февраля 7, 1819 г.

10) Простите мнѣ, м. г. мой М. П., что такъ долго замедлилъ принести вамъ искреннее мое и жены моей поздравленіе, по случаю сговора дочери вашей.

Жизнь моя такого роду и здоровье, до послѣдней крайности разстроивающееся, мѣшаютъ мнѣ весьма часто исполнять самыя пріятныя обязаности. Въ числѣ сихъ вы и Настасья Яковлевна не усумнитеся, чтобъ не было будущее устройство дочери вашей (sic). Когда нибудь скажу я вамъ, какъ будущаго зятя [1]) вашего знаю весьма выгодно, хотя впротчемъ до селѣ я еще его не видалъ.

По стеченію весьма любопытному за зговоръ и я могу отвѣчать зговоромъ.

На сихъ дняхъ помолвили мы Наташу съ барономъ Строгоновымъ. Извѣщая васъ о семъ, мы просимъ и васъ и Настасью Яковлевну молодыхъ любить и вѣрить, что мы того искренне желаемъ, по чувствамъ нашимъ къ вамъ. Прошу однажды на всегда не имѣть на меня неудовольствія, естьли я пишу къ вамъ весьма рѣдко. Сіе не уменьшаетъ чувствъ моихъ къ вамъ и искренней преданности К.

Мая 27. 1820 г.

---

[1]) Фонъ-деръ-Бриггена или М. О. Судьенка?

11) Премного обязанъ я вамъ, м. г. М. П., за доставленіе мнѣ случая узнать Н. Ф. Бакуринскаго. Ничто не можетъ быть столь чувствительно, какъ горестное положеніе молодаго человѣка, происходящее отъ причинъ столь противуестественныхъ, каковы суть неистовое поведеніе матери. По первому разговору съ Николаемъ Өедоровичемъ, который продлилъ я по побужденіямъ чувствъ моихъ, онъ показался мнѣ съ разсудкомъ. Быть ему полезнымъ, сколько сіе отъ меня зависѣть можетъ, я поставлю себѣ въ пріятную обязанность. Въ семъ прошу удостовѣрить и Настасью Яковлевну, при изъявленіи искренней моей преданности. Пріймите и сами свидѣтельство оной и вмѣстѣ сердечнаго желанія, чтобъ вы и всѣ ваши наслаждались наилучшимъ здоровьемъ, въ понятіяхъ моихъ (непрестанно больнаго) первымъ блаженствомъ.

Графъ В. Кочубей.

С.-П-бургъ. Октября 27. 1831 г.

Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. Въ «Пчелѣ», 1875 г., № 30, (изд. Микѣшина) былъ помѣщенъ рисунокъ подписанный такъ: «Развалины дома Богдана Хмельницкого въ Субботовѣ. Съ наброска Шевченка». Другихъ объясненій къ этому рисунку не было. Лѣтъ черезъ десять, этотъ самый рисунокъ явился на страницахъ «Историческаго Вѣстника», (1884 г.), видимо взятый изъ «Пчелы», но безъ сего поясненія, при чемъ къ рисунку прибавленъ былъ жиденькій текстъ, тоже объяснявшій, что рисунокъ принадлежитъ де Шевченку... Не вѣря въ подлинность рисунка, такъ какъ развалины субботовскаго дома Хмельницкаго на рисункѣ 1825 г., (Истор. Мал. Россіи, Бант.-Каменск., изд. 3, т. 2, стр. 78) представлены совсѣмъ въ иномъ видѣ, тѣмъ не менѣе мы не могли ничего сказать въ его опровerженіе, видя удостовѣреніе художника-издателя «Пчелы», что рисунокъ сдѣланъ съ наброска Шевченка, а послѣдній конечно не могъ же фантазировать относительно остатковъ такой интересной старины...

Сомнѣніе наше на счетъ рисунка якобы субботовскаго дома Хмельницкаго, разрѣшилось случайно: гуляя прошлымъ лѣтомъ въ обширномъ и великолѣпномъ качановскомъ паркѣ В. В. Тарновскаго [1]), мы неожиданно набрели на «домъ Хмельницкаго» въ натурѣ, почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ представленъ на рисункѣ «Пчелы». «Субботовскій домъ Хмельницкаго» оказался развалинами

[1]) С. Качановка борзенскаго уѣзда.

качановскаго парка... А затѣмъ В. В. Тарновскій показалъ намъ и оригиналъ напечатаннаго въ «Пчелѣ» рисунка. Оригиналомъ оказалась писанная масляными красками картина извѣстнаго художника Штернберга, написавшаго эти развалины въ одно изъ его посѣщеній Качановки. Затѣмъ кѣмъ то былъ сдѣланъ съ этой картины карандашный эскизъ и кѣмъ то при напечатаніи его въ «Пчелѣ» былъ снабженъ заманчивою подписью...

Названныя домомъ Хмельницкаго развалины качановскаго парка вѣрятно и воздвигнуты для представленія тѣхъ «развалинъ», которыя мода XVIII в. считала необходимою принадлежностью каждаго хорошаго парка. Владѣльцами Качановки во втор. полов. прошлаго вѣка были послѣдовательно: графъ Рагузинскій и графъ Румянцевъ-Задунайскій; при одномъ изъ нихъ конечно и возникли «развалины» качановскаго парка.

А. Л.

Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева. Быть можетъ, ни одинъ администраторъ не увлекался въ такой степени дѣломъ открытія и собиранія историческихъ памятниковъ, какъ извѣстный кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ. Понимая политическую важность разработки исторіи управляемаго имъ края, онъ старался привлечь къ служенію этому дѣлу даже людей, совершенно къ тому неподготовленныхъ: предводителямъ дворянства, исправникамъ и засѣдателямъ—всѣмъ вмѣнено было въ обязанность собирать свѣдѣнія о вещественныхъ и письменныхъ памятникахъ старины и о результатахъ подобныхъ разысканій доносить непосредственно самому генералъ-губернатору. Оріентируясь полученными такимъ путемъ свѣдѣніями, Бибиковъ разсылалъ затѣмъ по цѣлому краю особыхъ чиновниковъ, которымъ давалось полномочіе: осматривать правительственные и церковные архивы, проникать даже въ фамильные архивы частныхъ лицъ и, при содѣйствіи въ нужныхъ случаяхъ мѣстной администраціи, отбирать рукописи и документы, по ихъ мнѣнію заслуживавшіе вниманія, и отправлять для разсмотрѣнія въ учрежденную имъ въ 1843 г. кіевскую коммиссію для разбора древнихъ актовъ. По справедливому замѣчанію почтеннаго біографа проф. Иванишева, «Бибикову удалось вдохнуть и въ общество ввѣреннаго ему края любовь—подъ часъ, можетъ быть, и афектированную—къ исторіи и археологіи; и едва ли гдѣ нибудь такъ былъ возбужденъ интересъ къ этимъ наукамъ, какъ въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ... Исторія съ археологіей

поистинѣ были тогда модными науками въ Кіевѣ: ими увлекалось и кіевское чиновничество, и кіевскій beau-monde, ими волею-неволею увлекалось и польское дворянство. Бросились въ запуски на поиски въ краѣ памятниковъ старины» [1]).

Благодаря этому общему увлеченію, много было открыто и пріобрѣтено для науки драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ; но было не мало и забавнаго въ этихъ страстныхъ поискахъ за стариной людей несвѣдущихъ. Какіе курьезные раритеты не были тогда открываемы! Чиновникъ Лохвицкій откопалъ на спускѣ Андреевской горы ни больше ни меньше, какъ подлинный крестъ, водруженный нѣкогда апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ на горахъ кіевскихъ; другой, столь же мало компетентный археологъ нашелъ ниже м. Мошенъ мѣсто убіенія печенѣгами князя Святослава Игоревича, въ память чего тамъ воздвигнута высокая башня, и до нынѣ извѣстная подъ именемъ «Святославовой». Губернскій стряпчій С. съ усердіемъ разыскивалъ древлянскія сокровища, зарытыя, по его предположенію, во время осады княгиней Ольгой г. Коростеня, и уже добрался было до нихъ, но раздавшійся вдругъ необычайный подземный гулъ такъ устрашилъ рабочихъ, что пришлось прекратить поиски. Тогда же въ овруцкомъ у. открыты были: могила Игоря, купальня св. Ольги и нѣкоторыя другія необыкновенныя достопримѣчательности.

Уѣздные предводители дворянства, стряпчіе, исправники и пристава изъ кожи лѣзли, чтобы открыть какую либо древность и тѣмъ обратить на себя вниманіе начальства. Членамъ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ приходилось иногда отправляться въ отдаленныя командировки по поводу какихъ-либо вздорныхъ слуховъ, сообщенныхъ безъ провѣрки не въ мѣру усердными сотрудниками по археологіи. Объ одной изъ такихъ экскурсій, выпавшей на долю профессора кіевскаго университета и главнаго дѣятеля коммиссіи Н. Д. Иванишева, мы и намѣрены сообщить въ настоящей замѣткѣ.

Въ мартѣ 1850 г. ровенскій земскій исправникъ донесъ рапортомъ генералъ-губернатору Бибикову, что въ куполѣ православной церкви с. Бичаля (того же уѣзда) «по мѣстнымъ преданіямъ» хранятся какія то древнія бумаги. Увѣдомленный о томъ же волынскій губернаторъ писалъ Бибикову, что, по его мнѣнію, полезно было бы, путемъ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, предварительно

---

[1]) Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева“, С.-Пет. 1876 г.

удостовѣриться, въ какой степени справедливо это преданіе, и если дѣйствительно тамъ окажутся какія-либо древнія бумаги, то подвергнуть ихъ разсмотрѣнію учрежденной въ Кіевѣ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Но Бибиковъ не любилъ проволочекъ. Кажется, впрочемъ, что и сами члены коммиссіи были не мало заинтригованы сообщеніемъ исправника: имъ, конечно, были извѣстны преданія о тѣхъ временахъ, когда католики и уніаты, овладѣвъ древнимъ достояніемъ православныхъ, старались истребить всякаго рода документальныя свидѣтельства исконной принадлежности данной церкви или монастыря православнымъ, и что благочестивые поборники старой вѣры тщательно припрятывали древнія книги и документы въ стѣнахъ и куполахъ церковныхъ и другихъ малодоступныхъ мѣстахъ во свидѣтельство позднѣйшимъ родамъ и въ обличеніе совершеннаго насилія. Какъ знать, не такія ли письменныя сокровища хранились и въ куполѣ Бичальской церкви! И вотъ 14 апрѣля дано было проф. Иванишеву формальное предписаніе отъ генералъ-губернатора: отправиться немедленно въ с. Бичаль и удостовѣриться лично, какія именно бумаги хранятся въ куполѣ тамошней церкви, и о послѣдующемъ донести рапортомъ. Въ тоже время посланы были предписанія волынскому губернатору и епархіальному начальству объ оказаніи надлежащаго содѣйствія проф. Иванишеву и сдѣлано распоряженіе о выдачѣ ему подорожной и денегъ на путевыя издержки. 17 апрѣля, въ понедѣльникъ страстной недѣли, онъ двинулся въ путь.

Отъ Кіева до с. Бичаля, по тогдашнимъ трактамъ, числилось 417 верстъ. Въ виду дальности разстоянія и дурнаго состоянія дорогъ по случаю весенней распутицы, почтенный археологъ не рѣшился отправиться на перекладныхъ, а нашелъ необходимымъ пріобрѣсти собственный дорожный экипажъ, за который заплатилъ 150 р. Въ то время еще не существовало кіево-брестское шоссе, а была старая грунтовая дорога по почтовому тракту на Радомысль, Житомиръ, Новоградъ-Волынскъ,. Острогъ, Ровно, и т. д. Несмотря на то, что Иванишеву всюду на станціяхъ отпускали по 4 лошади, онъ ѣхалъ цѣлую недѣлю до мѣста назначенія, неоднократно ломалъ коляску, а въ г. Острогѣ такъ основательно застрялъ на плотинѣ, что пришлось нанимать людей, чтобъ вытащить экипажъ изъ грязи. Наконецъ, послѣ всѣхъ дорожныхъ злоключеній, профессоръ прибылъ въ с. Бичаль. Жаднымъ взоромъ онъ уже издали искалъ той церкви, въ куполѣ которой скрыты, можетъ быть, неоцѣнимыя сокровища. Вотъ изъ-за крестьянскихъ хатъ и клунь блеснулъ наконецъ церков-

ный крестъ, но купола что-то непримѣтно. Ямщикъ усердно гонитъ измученный четверикъ. Еще два-три поворота на тѣсныхъ сельскихъ улицахъ—и передъ профессоромъ Бичальская церковь... но увы! лишенная и признаковъ какого-нибудь купола! Продолговатое каменное зданіе съ покатой кровлей, какъ на домахъ, а на кровлѣ, на мѣдномъ яблокѣ, утвержденъ потемнѣвшій крестъ. Старикъ мѣстный священникъ, объясняетъ разочарованному профессору, что Бичальская церковь не особенно давно передѣлана изъ католическаго костела, и ей не успѣли еще придать наружное сходство съ православнымъ храмомъ. Радужныя мечты ученаго разлетаются въ прахъ.

— Что же это вы, батенька, сочиняете какія-то «мѣстныя преданія»? накидывается онъ на сопровождающаго его пристава.

— Не могу знать, а только доложу вашему высокородію, что преданія точно существуютъ,—оправдывается смущенный приставъ.

Отправляются къ церкви; а тамъ уже собралась немалая толпа крестьянъ, привлеченная слухомъ о пріѣздѣ важнаго чиновника изъ Кіева и полицейскихъ властей изъ уѣзда. Начался распросъ относительно «мѣстныхъ народныхъ преданій», о которыхъ полиція рапортовала высшему начальству,—и что же! крестьяне при распросѣ объявили, что, по дошедшимъ до нихъ преданіямъ, какія то бумаги дѣйствительно должны находиться—только не въ куполѣ, а въ мѣдномъ яблокѣ, на которомъ утвежденъ церковный крестъ.

Нечего было дѣлать, не взирая на пасхальные дни, пришлось распорядиться относительно устройства лѣсовъ на церкви и вскрытія яблока, внутри котораго оказались завернутыя въ двѣ полусгнившія отъ сырости бумажныя обертки слѣдующіе документы:

1) Листокъ, на которомъ написано по-польски, что храмъ заложенъ 1779 г. іюня 13 и освященъ окт. 12, означено имя строителя польск. генерала Зміевскаго и имена лицъ, присутствовавшихъ при освященіи; и 2) четыре бумажныхъ листка съ начальными строками (по-польски) четырехъ евангелистовъ.

Въ самой церкви не оказалось рѣшительно ничего достопримѣчательнаго.

Исполняя въ точности данное ему предписаніе, Иванишевъ, прекрасно понимавшій, конечно, все археологическое ничтожество открытыхъ имъ въ церковномъ яблокѣ бумажекъ, взялъ ихъ съ собою и при рапортѣ представилъ генералъ-губернатору, а тотъ приказалъ передать ихъ въ коммиссію, которая препроводила ихъ епархіальному

начальству «для возвращенія по принадлежности, такъ какъ оные оказались ненужными для коммиссіи».

Зная извѣстное веселонравіе покойнаго Иванишева, легко вообразить съ какимъ неподражаемымъ комизмомъ онъ долженъ былъ разсказывать о «Бичальской экскурсіи», когда элементъ юмора проглядываетъ даже въ служебномъ рапортѣ о поѣздкѣ, поданномъ имъ генералъ-губернатору.

L.

Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. По выходѣ въ изданной въ Москвѣ въ 1681 г. книги Симеона Полоцкаго «Обѣдъ душевный», царь Θедоръ Алексѣевичъ приказалъ послать по экземпляру этого изданія гетману Ив. Самойловичу, его сыновьямъ: Симеону, Григорію и Якову, и нѣкоторымъ другимъ малороссіянамъ. Въ числѣ ихъ былъ игуменъ кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря Варлаамъ Ясинскій, что былъ впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ. Тронутый высокимъ царскимъ вниманіемъ, смиренный игуменъ отвѣтилъ нижеслѣдующимъ витіеватымъ благодарственнымъ посланіемъ.

«Божіею милостію великому государю, царю и великому князю Θеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичу и дѣдичу и наслѣднику и государу и обладателю, вашему царскому пресвѣтлому величеству, премилостивому нашему благодѣтелеви и великому государу,—азъ, смиренный богомолецъ и послѣдній нижайшій рабъ и подножіе, кіевскаго Пустынно-Нікольского монастыра недостойный игуменъ Варлаамъ Ясинскій со всею о Христѣ братіею, всесмиреннѣйшее благодарственное поклоненіе мое воздая, при всегдашнихъ молитвахъ, до лица земного припадая, чоломъ бію.

В тыя дни, егда во Виθлеемѣ, иже есть «домъ хлѣба», предложися Хлѣбъ животный [1]), сошедый съ небесе не токмо достойнѣйшимъ лицамъ царей восточныхъ и пастырей бодрыхъ, но даяй пищу всякой плоти, человѣки и скоты спасаяй и от крупицъ трапезы своея насыщаяй, познася и от безсловесныхъ скотовъ при яслехъ: удостоилъ есмъ в. ц. пресвѣтлое величество и мою послѣднюю, аки скотскую худость причастнымъ быти пріятія «Обѣда Душевнаго», уготованного премудростію блаженнаго богомолца в. ц. пресвѣтлого вели-

---

[1]) Книга была получена во время Рождеств. праздниковъ.

чества, всечестного іеромонаха (его же честна смерть пред Господомъ) Сімеона Богомъ пріятаго [1]). Что есть человѣкъ, яко помниши его! рече пророкъ ко небесному царю. Азъ же, недостойнѣйшій и скотомъ Виѳліемскимъ уподобитися не дерзаяй, что есмь, яко ваше ц. пресвѣтлое величество помниши мя! Во дни тые, егда послася Хлѣбъ животный съ небесе, изыйде повелѣніе отъ Кесара Августа написати всю вселенную; ваше же ц. пресвѣтлое величество имаши на памяти своей написанное попеченіе яко о всей державѣ своей, такожде и о послѣднемъ рабѣ и богомолцѣ своемъ, питая симъ Душевнымъ Обѣдомъ недостоинство мое, устрашающагося благодарнѣ о чудесной милости сей. Самъ царь небесный память сотворилъ есть чудесъ своихъ, пищу далъ есть боящимся его, не забы обѣдъ послати Даніилу, сущу въ ровѣ; а ваше царск. пресв. величество не забы мя во смиреніи и недостоинсвѣ моемъ. И что воздамъ! Кое благодареніе за Обѣдъ сей Душевный сотворити возмогу! Развѣ чашу спасенія у престола Господня, молитствуя доживотне за ваше ц. пресв. величество, пріиму и имя Господне призову, да той Самъ, хлѣбъ животный, купно же и лоза истинная, укрѣпляетъ и увеселяетъ ваше ц. пресв. величество при мирѣ на земли и благоволеніи всѣхъ вѣрно повинующихся, здравствующаго в долготу дній и насыщающаго славою своею все православное свое земное царство, потомъ же и в славѣ во вышнихъ блаженъ, иже снѣсть обѣдъ во царствіи Божіи. Сіе воздаяніе да получиши! Того вседушно желая, при недостойных моихъ всегдашнихъ молитвах, с повтореніемъ благодаренія безсмертнаго, нижае стопъ святыхъ вашего царск. пресвѣтлаго величества припадати раболѣпно дерзаю, сіе же о благословеніи заступника нашего святителя Христова Николая провѣщаю:

Николае, побѣдѣ тезоименитый,
Мирликіи святитель чудно нарочитый,
Побѣдою и миромъ и ликованіемъ
Благословитъ Тройческимъ симъ дарованіемъ:
В силѣ вышняго Отца побѣду являетъ,
Въ ходатайствѣ Сына миръ, въ Дусѣ утѣшаетъ.
Сице благословляетъ орла тривѣнечна,
Богомъ вѣнчанна Цара в лѣта безконечна;
Виѳлеемскихъ пастырей благословеніе (sic),
При радости слава, миръ, благоволеніе—
Того жде, Ніколае, пастыръ Мирликійскій,
Желаемъ, да исполненъ живетъ Царъ Російскій!

---

[1]) Симеонъ Полоцкій скончался 25 авг. 1680 г.

Вашего ц. пр. величества, премилостивого нашего благодѣтеля и великого государа, недостойный всегдашній богомолецъ, нижайшій рабъ и подножіе, кіевского Пустынно-Ніколского монастыра игуменъ той жде грѣшникъ Варлаамъ, со всею о Христѣ братіею.

Писанъ въ монастырѣ св. чудотворца Ніколая пустынномъ кіевскомъ, декемвріа дня 30, в лѣто отъ Р. Хр. 1681».

(Подлинникъ на листѣ бумаги, который былъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ печатью Пустынно-Ник. монастыря, на красномъ воску, подъ кустодіею. Хранится въ Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

Сообщилъ **О. Л.**

Письмо 1801 г., изъ Чернигова, о тамошнихъ новостяхъ [1]. Милостивый государь Иванъ Степановичъ. Книгу г. Бахтина я получилъ и оному ея вручу. Относительно жъ до новинокъ, то оныхъ у насъ болiе никакихъ нетъ, а толко что полученъ указъ—Полтавскаго губернатора перевести велено въ Воронежъ, а на его место въ указе не сказано никого, а догадиваются, что не перейдетли нашъ Иванъ Василіевичъ (Завадовскій?) и его место не займетли якобы Григорій Петровичъ (Милорадовичъ). Иванъ же Васильевичъ теперь въ Ширая, а Шираи [2] театръ его на плытахъ (т. е. на плотахъ) въ Кіевъ переправляетъ и уже тамо место купленно для сего. Зверхъ же сего говорятъ; что князь [3] его дочь просваталъ за какого то иностраного принца, но какую его дочь неизвестно; и говорятъ, что свадба у его будетъ въ Полтаве и онъ на ильинскую ярмонку въ Ромни будетъ, а къ намъ не заедетъ. О выборахъ и вамъ Николай Михаиловичъ (Стороженко) сообщаетъ, что оные по высочайшему утвержденію, а по

---

[1]) Изъ бумагъ умерш. А. С. Лашкевича, къ дѣду котораго и пишется письмо.

[2]) Разумѣется Дмитрій Ивановичъ Ширай, жившій въ с. Спиридоновой Будѣ (новозыбковск. уѣзда), гдѣ у него былъ и упоминаемый здѣсь театръ, актерами въ которомъ были крѣпостные крестьяне. Объ этомъ театрѣ см. любопытныя подробности у Шаликова (Путешествіе въ Малороссію, М. 1803, стр. 74 -85). Въ Будѣ Шаликова особенно прельстилъ балетъ („въ балетной труппѣ нѣтъ ни одного мущины: лица ихъ представляютъ нѣкоторыя изъ танцовщицъ"). Описавъ впечатлѣнія, произведенныя на него „Терпсихориными нимфами", Шаликовъ говоритъ: „въ заключеніе скажу, что помѣщикъ Буды благотворитель: всѣ сіи плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, извлечены имъ изъ ничтожества—то есть изъ крестьянскаго сословія.—Судите жъ какое разстояніе между теперешнею участью ихъ и тою, которая ихъ ожидала!".

[3]) Князь Ал. Бор. Куракинъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ.

докладу внутренныхъ делъ на представленіе князя, отлагаются до 6 генваря 1806 года; а въ Полтаве якобы въ августи месяци будуть. Гимназіи директору и бедныхъ домъ учащихся подчиненъ, а Соколовъ до выздоровленія отъ должности уволненъ съ вычотомъ жалованья; и его место заступилъ Новгорода-Сѣверскаго землемеръ Кондратовичъ. Владика [1]) отъехалъ въ Нежинъ для освященія церкви и купечества тамошнего посѣщенія; и сталъ уже промышлять и гостинчики брать, и комедію свадбы въ Тресвяцкомъ велитъ представлять, и себя и зрителей увеселять, и винцо попиваетъ, и молодыхъ летъ время вспоминаетъ! И какой у его на сіе предметы (взглядъ?) ему то знать, а мне далше головы о семъ нѣчего ламать. Николай Михайловичъ хотелъ ехать въ Боровичи, но не знаю поедетли—обозреть его економа, который все коровье масло, боліе 30 пудъ на приказчиковъ определилъ, а у дворе ни фунта своего нетъ, а покупають. И крайне онъ его управленіемъ недоволенъ. Марантій (?) уже преподаетъ уроки, всякой денъ, чрезъ 4 часы, въ годъ, за—1000 р. И такъ все къ лутшему, а Весницкая, какъ тая баба—захотела вырвы! наврядли сама вырвется. Далее жъ не имея чего писать, свидетельствую вамъ мое почтеніе и преданность и затемъ остаюсь навсегда вашего высокородія, милостиваго государя, всепокорнейшимъ слугою Тимофѣй Калинскій. 28 мая, 1801 года. Черниговъ.

Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. Въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ г. О. Л. помѣстилъ два документа, свидѣтельствующія о заботахъ Петра I по улучшенію овцеводства въ Малороссіи.

Въ 1722 году въ сенатѣ было опредѣлено: «овецъ, которыя содержатся на овчарныхъ заводахъ, раздать въ тамошнихъ мѣстахъ, расположа по числу деревень на многовотчинныхъ людей, хотя бы кто и принять не захотѣлъ; овецъ этихъ и при нихъ овчаровъ содержать точно такъ, какъ ихъ содержали на заводахъ; приплодъ отъ овецъ получать имъ себѣ, а шерсть продавать на суконные заводы, которую покупать у нихъ по опредѣленной достойной цѣнѣ». Такъ какъ Петръ Великій считалъ климатическія условія Маллоросіи особенно подходящими для разведенія улучшенныхъ породъ овецъ, то, поговоривши объ этомъ въ 1722 году въ Москвѣ съ гетманомъ—

---

[1]) Викторъ Садковскій.

Скоропадскимъ, онъ послалъ чрезъ мануфактуръ коллегію указъ къ гетману, генеральному писарю Савичу и полковнику Полуботку, «чтобъ въ Малороссіи господари овецъ своихъ содержали по шленскому обыкновенію», съ приложеніемъ правилъ, какъ содержать овецъ. Слѣдствіемъ этого указа и былъ универсалъ, «во всѣ полки писанный, о заводахъ овечихъ, якіе могли бы способны быти вовною до робленія суконъ», отъ 31 августа 1722 г., за подписью полковника и наказного гетмана Павла Полуботка, генеральнаго писаря—Семена Савича и генеральнаго асаула Василія Жураковскаго, помѣщенный въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины». Къ этому универсалу приложена была инструкція отъ государственной коллегіи о содержаніи овецъ въ Малой Россіи, приведенная тамъ же, помѣченная 13 іюля 1722 г. Но главные представители малороссійской старшины, подписавшіеся подъ вышепомянутымъ универсаломъ, видно, тормозили дѣло и не выполнили воли Петра въ точности, такъ какъ 15 іюня 1724 г. былъ данъ въ Москвѣ слѣдующій указъ [1]):

«Божіею милостью мы, Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ малороссійскимъ жителемъ всякаго чина и достоинства, что мы, для ползы всего нашего государства учинили суконные фабрики, на которые потребно многое число овечей шерсти, а понеже Малую Россію Богъ благословилъ, паче иныхъ краевъ нашего государства, способнымъ воздухомъ к размноженію овецъ и доброй шерсти, но токмо Малороссіяне, не имѣя искуства въ содержаніи овецъ, шерсть к суконному дѣлу негодную, хотя и множество еи, имѣютъ и за безцѣнокъ продаютъ. Того для мы в прошломъ 1722 году в Москвѣ говорили з гетманомъ Скоропатскимъ, такожъ указомъ нашимъ писано из нашей манифактуръ коллегіи к нему гетману и к генеральному писарю—Савичу и к полковнику Полуботку, чтобъ в Малой Россіи господари своихъ овецъ содержали по шленскому обыкновенію, и регулы какъ оныхъ овецъ содержать к нимъ посланы, но по се число никакого успѣху в томъ дѣлѣ в Малой Россіи нѣтъ: ибо гетманъ Скоропацкой покойной вскорѣ потомъ умре, а Полуботокъ и Савичъ, яко не доброжелателные своему отечеству и намъ (в чемъ уже и обличились), не хотѣли видѣть в дѣйствѣ повелѣнія нашего и оное утаили и никому тѣхъ не объявили регулъ,—а между тѣмъ уже некоторые великороссійскіе помѣщики, такожъ и в слобоцких полкахъ зачали по тѣмъ регуламъ

[1]) Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 18, стр. 181, сл.

содержать овецъ и от того прибыль великую противъ прежнего получаютъ, такъ что продаютъ шерсть по два рубли по две гривны и болши, а по прежнему содержанію овецъ токмо по полтынѣ и по двадцати алтынъ пудъ в продажу идетъ. А Малая Россія той ползы по се время не имѣетъ, того для мы паки нынѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ всѣмъ малороссійскимъ жителемъ овецъ своихъ содержать по регуламъ, каковы дадутся из нашой малороссійской коллегіи, и шерсть продавать на наши суконные фабрики и тою прибил'ю ползаватся, за что мы каждого из малороссійскихъ жителей кто с прилѣжаніемъ в томъ будетъ трудится, послѣдуя нашему повелѣнію и для своей ползы, обнадеживаемъ нашею императорскою милостью, а майстеровъ, которые будутъ каждаго наставлять в содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы оной же коллегіи содержать на нашемъ жалован'е. Подлинное объявленіе подписано— собственною Его Императорского Величества рукою тако

Петръ.

Особенность этого указа та, что, хотя онъ данъ въ Москвѣ 16 іюня 1724 г., но отпечатанъ въ Троицкой черниговской типографіи, какъ помѣчено, 1 августа 1724 г.

Къ этому указу былъ приложенъ и „регламентъ о содержаніи овецъ въ Малой Россіи“, копія съ «предложенія» 1722 г., помѣщеннаго въ «Кіев. Стар.» «Регламентъ» подписанъ Василіемъ Новосилцовымъ, княземъ Юріемъ Гагаринымъ, княземъ Семеномъ Шейдяковымъ, Исидоромъ Есиповымъ, и отпечатанъ въ кіево-печерской типографіи 1724 г. **Н. Стороженко.**

Сатира на пановъ въ началѣ 60 годовъ. 19 февраля 1861 года, день, который на вѣки остается памятнымъ и знаменательнымъ въ жизни русскаго народа, далеко не всѣми былъ встрѣченъ тогда сочувственно, т. к. по человѣческой слабости не легко разставаться вообще съ давнимъ, установившимся способомъ жизни, а тѣмъ болѣе— при условіи доставленія этимъ способомъ матеріальныхъ выгодъ. Едва ли—не болѣе другихъ, а ужъ во всякомъ случаѣ—не менѣе, тяжелымъ и непріятнымъ этотъ день показался польско-шляхетскому сословію въ юго-западномъ краѣ, гдѣ такъ перепутались отношенія сословныя съ національными, что не сразу отыщешь конецъ однихъ и начало другихъ. Понятно, поэтому, что сѣтованіямъ и нареканіямъ въ этой средѣ не было конца и ранѣе манифеста, и послѣ него. Однако лучшими людьми изъ той же польской аристократіи вполнѣ

понималась тогда вся неестественность крѣпостнаго состоянія, а также и весь цинизмъ нападавшихъ на актъ «освобожденія». Это можно видѣть изъ одного сатирическаго польскаго стихотворенія, въ началѣ 60-хъ годовъ довольно распространеннаго въ устной передачѣ, но теперь совершенно позабытаго. Стихотвореніе это имѣется у насъ въ рукописномъ экземплярѣ подъ заглавіемъ «Lament Skwirski, legenda ukraińska».

I. Narodził się zły Antychryst;
Wszystkę szlachtę przybrał w kupę, (2)
Zabronił bić chłopa w .... (2)
Dał mu ogród i chałupę
I co zwierzem był od wieka
Z chama stworzyć chce człowieka.

—

II. Narodził się zły Antychryst;
Szlachta skwirska aż omdlewa, (2)
Berdyczowska łzy wylewa, (2)
Radomyślska wielce gniewa
A Humańscy humaniści
Pogłupieli z nienawiści.

—

III. Narodził się zły Antychryst,
Dzisiaj górą plemię Chama, (2)
Na oścież piekelna brama (2)
Natura wzdryga się sama,
Bez pana, bez ekonoma—
To Gomora i Sodoma.

—

IV. Narodził się zły Antychryst;
Na dokoła strach i zamęt, (2)
Słyszne jedno płacz i lament, (2)
Szlachta pisze swój testament;
Co napisze to przekryśli,
Tak jej zmiana nie po myśli.

—

V. Narodził się zły Antychryst;
Wionął na nas duch zachodni, (2)
Chłopi mają być swobodni, (2)
Naród przez lud się odmłodni,
A tem zródłem odmłodzenia
Szlachecka ma być kieszenia.

—

VI. Narodził się zły Antychryst;
Przetrwaliśmy wojny wrogie, (2)
Przeżyliśmy mory srogie, (2)
Przebyliśmy klęski mnogie,
Daremszczyzny nam odjęto,
Zakazano robić w swięto.

—

VII. Narodził się zły Antychryst;
Ukraino, kraju żyzny! (2)
Coż ty poczniesz bez pańszczyzny? (2)
Jak ty zwykniesz do golizny?
Bez pańszczyzny i bez bata
Toż to istny koniec świata!

—

VIII. Narodził się zły Antychryst;
Słyszmnie,szalachto w Ukrainie,(2)
Termin przechodu nie minie, (2)
A ty będziesz pasła swinie,
Zginiesz w nędzy i sieroctwie,
Pamiętaj o mém proroctwie.

—

IX. Narodżił się zły Antychryst;
Wszystkie szlachtę przybrał w kupę (2)
Zabronił bić chłopa w .... (2)
Dał mu ogród i chałupę,
I co źwierzem był od wieka
Z chama stworzyć chce człowieka[1])
Amen.

---

[1]) *Переводъ* I. Родился злой антихристъ. Всю шляхту собралъ въ кучу, запретилъ сѣчь мужика, далъ ему огородъ и хату, а того, кто былъ отъ рожденія звѣремъ, хама, хочетъ пересоздать въ человѣка.

Отрывки изъ этого стихотворенія, безъ указанія автора, были напечатаны въ Основѣ (1861 г. № 11—12) въ корреспонденціи Ѳадея Рыльскаго подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра». Тутъ сказано, что стихотвореніе это было общеизвѣстнымъ въ то время въ Правобережьи, но конечно—только въ устномъ пересказѣ, а не въ печати, и весьма вѣроятно—прибавимъ мы—безъ указанія имени автора.

Мы не ошибемся, если съ увѣренностью скажемъ теперь, что это стихотвореніе принадлежитъ перу небезъизвѣстнаго польскаго писателя Александра Вериги-Даровскаго, съ своими произведеніями выступавшаго въ печати, главнымъ образомъ, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Этотъ человѣкъ, имѣвшій много странностей какъ въ характерѣ, такъ и въ поступкахъ, ждетъ еще своего біографа, т. к. намъ извѣстны пока краткія статьи о немъ біографическаго характера, написанныя вскорѣ послѣ смерти его въ видѣ некрологовъ, какъ напр. Kłosy, 1884 г., № 468—стат. Josefá Rolle; Niwa 1882 г.—ст. «Z teki autografów przez dr. Antonego I... и нѣкоторыя

II. Родился злой антихристъ. Шляхта сквирская упала въ обморокъ, бердичевская слезы проливаетъ, радомысльская очень сердится, а уманскіе гуманисты поглупѣли отъ злости.

III. Родился злой антихристъ, пошло въ гору хамовъ племя. Настежь врата адовы; сама природа содрогается: Безъ пана, безъ эконома—это Гомора и Содомъ.

IV. Родился злой антихристъ, повсюду страхъ и смятеніе, слышны только рыданія и вопли.. Шляхта составляетъ духовное завѣщаніе,—что ни напишетъ, то перечеркнетъ; такъ ей не попутру перемѣна.

V. Родился злой антихристъ, повѣялъ на насъ духъ запада: холопамъ предстоитъ свобода, нація возродится при посредствѣ народа, а источникомъ возрожденія послужитъ шляхетскій кошелекъ.

VI. Родился злой антихристъ. Переживали мы грозныя войны, переживали страшные моры, множество бѣдствій перенесли,—и теперь отняли у насъ добавочные дни барщины, запретили гонять на работу по праздникамъ.

VII. Родился злой антихристъ. Украина, благодатная страна, какъ обойдешься ты безъ барщины, какъ привыкнешь къ голытьбѣ? Безъ барщины и плети—вѣдь это истинно скончаніе міра.

VIII. Родился злой антихристъ. Услышь меня, украинская шляхта: Не успѣетъ окончиться переходной періодъ, а ты уже обратишься въ свинопасовъ, погибнешь въ нищетѣ и отчужденіи. Помни пророчество мое!

IX. Родился злой антихристъ. Собралъ въ кучу всю шляхту, запретилъ сѣчь мужика, далъ ему огородъ и хату и того, кто звѣремъ былъ отъ рожденія, хама хочетъ пересоздать въ человѣка.

другія. Изъ этихъ статей, между прочимъ, выясняется та черта его литературной дѣятельности, что онъ, будучи очень плодовитымъ писателемъ, едва ли десятую часть написаннаго сдѣлалъ гласнымъ; при чемъ и изъ этой десятой части очень многое можно считать не переданнымъ читающей публикѣ, такъ какъ А. Верига-Даровскій любилъ писать *для немногихъ*: онъ отпечатывалъ свои произведенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ для пріятелей, и слѣдовательно—книжные магазины ихъ у себя никогда и не имѣли. Если прибавить къ этому, что никогда онъ не подписывалъ своего имени подъ произведеніями, а выпускалъ ихъ въ свѣтъ или подъ псевдонимною подписью (Artemiusz, Mizantrop, Czomber, Duda, Solecki), или совсѣмъ анонимно,—то совершенно понятно будетъ, почему всякая справка о немъ библіографическаго характера можетъ представить интересъ. Помѣщая въ данномъ случаѣ стихотвореніе «Lament Skwirski», мы думаемъ, что не нарушаемъ требованій интереса новизны въ сообщаемыхъ матеріалахъ, т. к. едва ли много найдется знакомыхъ съ этимъ стихотвореніемъ.

Въ ряду сочиненій А. Вериги-Даровскаго, списокъ которыхъ см. въ ст. д-ра Антонія I., мы нашли указаніе и на данное стихотвореніе «Lament Skwirski, legenda ukraińska, wierszem, bez wymienienia miejsca i roku, w 8-ce, kart 2. Odbita w Brukselli w 1862 r., napisana o trzy lata wcześniej». Такую справку даетъ г. Ролле въ своей статьѣ въ «Klosy». Въ статьѣ доктора Антонія I. (Niwa 1882 г.) находимъ извѣстіе, что онъ въ памятную эпоху освобожденія крестьянъ сталъ на сторону прогрессивныхъ элементовъ края и съ особенной силой нападалъ всегда на мнимыхъ либераловъ. Чаще всего это выражалось въ письменной формѣ; одно только подобное произведеніе было напечатано, именно—«Lament Skwirski», изданное въ пяти видахъ, отличающихся цвѣтомъ бумаги. Не видѣвъ этого печатнаго изданія, а основываясь только на упомянутыхъ справкахъ, мы могли бы предположительно сказать, что имѣющееся у насъ въ рукописи стихотвореніе есть именно произведеніе Вериги-Даровскаго. Но оказывается въ статьѣ доктора Антонія еще одинъ маленькій матеріалъ, который устраняетъ всякія сомнѣнія и позволяетъ съ полной доказательностью отождествить эти произведенія. Матеріалъ этотъ—приложенныя въ концѣ статьи письма Вериги-Даровскаго, при чемъ въ одномъ изъ нихъ (изъ Кіева 1771 г. 11 февраля) читаемъ, что въ комитетѣ, совѣщавшемся по крестьянскому вопросу, изъ уѣзда л... засѣдали магистръ правъ и докторъ медицины; оба они оказались

ретроградами, хотя такъ хорошо вначалѣ зарекомендовали себя людьми прогрессивными и либеральными, что самого Даровскаго обманули, и онъ считалъ ихъ таковыми; впрочемъ, за такую мистификацію не кстати онъ имъ отомстилъ тѣмъ, что въ многочисленномъ мужскомъ обществѣ, читая «Lament Skwirski», вмѣсто повторенія перваго куплета въ концѣ, прочелъ съ особеннымъ выраженіемъ слѣдующій куплетъ:

Narodził się zły Antychryst,
Lecz są u nas dwa łepaki,
Lecz są u nas dwa łepaki,
Ten do głowy, ów do s....
Ten do głowy, ów do s....
Choć swiecili przedtem baki,
Wszakoż zładzą sprawę krzywą
Paradoksem, lewatywą [1]).

Этотъ куплетъ является несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что печатаемое нами стихотвореніе «Lament Skwirski» принадлежитъ перу Вериги-Даровскаго.

В. Науменко.

[1]) Родился злой антихристъ, но есть у насъ два мастака, одинъ по части головы, другой по противоположной. Пускали они раньше пыль въ глаза, но съумѣютъ наладить неправое дѣло: одинъ парадоксами, другой — клистирною трубкой.

М
Ш
Г
Г

Михайло Бороховичъ

гадяцкій полковникъ.

1687—1704.

(Къ портрету).

Въ первый разъ Михаила Бороховича встрѣчаемъ въ 1672 г., на урядѣ гадяцкаго обознаго; затѣмъ, онъ получилъ, тамъ же въ Гадячѣ, полковничій урядъ еще при Самойловичѣ, замѣнивъ его племянника Михайла Самойловича. Черезъ полгода послѣ избранія своего въ гетманы, Мазепа далъ Б—чу подтвердительный универсалъ на полковничество,—„видячи мы п. Михайла Б—ча старинность и въ статечныхъ поступкахъ досконалность, розумѣемъ его на урядъ полковництва гадяцкаго бути годного, сподиваючися (надѣясь) по немъ, же и въ дальшій часъ въ тѣхъ своихъ статечныхъ поступкахъ и годныхъ войсковыхъ працяхъ, не будетъ отмѣненъ; зачимъ яко заховуемъ его п. Мих. Б—ча цѣло и ненарушно на томъ урядѣ гадяцкаго полковництва и симъ универсаломъ нашимъ ему тотъ урядъ подкрѣпляемъ и пилно приказуемъ, абы кождый ему, п. Мих. Б—чу, чинилъ всегда, яко старшому своему, пристойную учтивость и пошанованье (уваженіе) и, подлугъ давной войсковой обиклости, належитое отдавалъ послушенство, знаючи тое, же онъ п. Мих. Б—чъ мѣетъ отъ насъ цѣлое и зуполное змиценье (власть) добраго шановати (уважать), а преступного безъ фолиги (безъ снисхожденія) карать“. Будучи въ Гадячѣ въ 1690 г., Мазепа

подтвердилъ универсаломъ Михайлу Б. прежнія его маетности: м. Лютеньку, разные лѣса, отъ отца ему доставшіеся, м. Борки, с. Тарасовку и разныя мельницы. Служилъ Б—чъ полковникомъ до смерти, послѣдовавшей въ 1704 г., въ польскомъ походѣ.

Исторія семьи Михайла Б—ча подробно разсказана въ завѣщаніи его вдовы, писанномъ въ 1724 г., изъ котораго и приводимъ здѣсь наиболѣе интересныя мѣста. „Жила я по закону божію, въ супружествѣ, за мужемъ своимъ Михайломъ Б—чемъ, немалое время и даровалъ намъ Богъ сыны и дщери и имѣніе неоскудное; но иныя дѣти еще за живота покойнаго мужа умерли, а другіе, Максимъ, Федоръ, Іоаннъ, Федосія и Марья, живы остались и послѣ смерти мужа. Изъ имѣній одни достались намъ послѣ родныхъ нашихъ, а другія—мы пріобрѣли своими трудами; а маетности, м. Лютенку съ приселками, м. Борки съ приселкомъ Загруновкою, с. Будища съ двумя приселками, с. Тарасовку, утверждены за нами царскою грамотою, которая будучи спрятана съ иными дорогими вещами въ престолѣ церкви каменной въ м. Лютенькѣ, взята оттуда непріятелемъ шведомъ, когда я находилась въ Полтавѣ, въ осадѣ. Съ этихъ маетностей мужъ мой еще за своего живота, съ позволенія гетманскаго, отдѣлилъ часть дѣтямъ: старшему сыну Максиму, обозному гадяцкому, уступилъ с. Будища съ двумя приселками, а другому сыну, Федору, отдалъ с. Тарасовку. Старшему зятю Павлу Рощаковскому, мужу Федосьи, отданъ былъ приселокъ Лисовка. Третьему нашему сыну, Ивану, гетманъ Мазепа самъ далъ, „зъ респекту войскового“, с. Красную Луку. Мѣстечко же Лютенку и Борки зъ Загруновкою мужъ при себѣ оставилъ. Денегъ мы не дѣлили ни межъ сыновьями, ни межъ дочерями, потому что тѣ деньги были у насъ спрятаны въ погребѣ, въ дворѣ лютенскомъ. А было тѣхъ денегъ въ одномъ суденцѣ пять тысячей и чотириста червоныхъ золотыхъ; другое суденце насыпано было талярами битыми, въ якое вмѣщается четыре гарнца меду; третье суденце насыпано было копѣйками сребрними старыми, въ якомъ вмѣщается меду семь или и больше гарнцовъ, того не упомню, только то знаю, что два человѣка тое судно едва понести могли. Кромѣ того два суденца насыпаны были разными

деньгами: талярами, левами, полталярками, чвертками". А когда мужъ мой отъѣзжалъ послѣдній разъ въ походъ, въ Польшу, то приказалъ мнѣ (и тую заповѣдь клятвою—анаѳема утвердилъ), что если бы тамъ имѣлъ судомъ божіимъ преставиться, то я должна была тѣ деньги раздѣлить поровну межъ сыновьями и дочерями, говоря, что „одной руки равные пальцы". А одну такую часть должна была я оставить себѣ и на молитву, за душу мужа... По смерти моего мужа, въ томъ его польскомъ походѣ, сынъ мой, Федоръ, началъ было искать у гетмана Мазепы гадяцкаго полковничества и для того долгими мольбами выпросилъ у меня дать ему съ того общаго скарбу недѣленаго тысячу червоныхъ и четыреста талеровъ битыхъ. Но полковничества сынъ мой Федоръ не добился, а деньги потратилъ и ни одной копѣйки мнѣ не возвратилъ; да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазепѣ, выпросилъ у него универсалъ на мои маетности, на Борки съ Загруновкою и на Красную Луку. А затѣмъ вскорѣ и непріятель шведъ вошелъ въ нашу Малую Россію, и я съ дѣтьми отправилась въ Полтаву, и тамъ до самой баталіи въ осадѣ, находилась; а онъ, сынъ мой Федоръ, былъ при гетманѣ Скоропадскомъ. А какъ вышелъ шведъ на веснѣ, изъ Лютенки, въ ту пору Федоръ, съ сыномъ своимъ Романомъ, отправился въ Лютенку и всѣ тѣ наши деньги изъ погреба забралъ. Объ этомъ я ничего и не знала; но онъ „улѣтовавшися (сжалившись) на мою старость", далъ мнѣ съ тѣхъ многихъ тысячъ только 1500 червонныхъ золотыхъ. Послѣ этого, не поживъ и году, Федоръ умеръ и—въ тотъ день, жена его Татьяна, „съ горячего часу", показывала мнѣ и сыну моему Максиму полный сундучекъ, насыпанный мелкою сребряною монетою; но то были не всѣ деньги, червонцы она утаила, и потому тогда я не хотѣла взять сундучка съ мелкимъ сребромъ. А потомъ она, Федориха, стала отдалять срокъ отдачи и пошла во второй разъ замужъ за покойнаго бригадира слободскихъ полковъ Федора Осипова. А затѣмъ, высватавъ за сына своего Романа Федоровича, а моего внука, дочь у пана писаря генеральнаго Семена Савича, вскорѣ и умерла. А Романъ, такимъ же неправеднымъ отца и матери своей путемъ пойдя, а больше слушая совѣтовъ тестя

своего Савича, поѣхалъ съ нимъ, при покойномъ гетманѣ Скоропадскомъ, въ Москву и безъ вѣдома моего выправилъ тамъ, ходатайствомъ тестя, монаршую грамоту не только на Тарасовку и Борки съ Загруновкою, но и на половину Лютенки, но той грамоты ни мнѣ, ни сыну моему Максиму, не объявилъ... А когда внукъ Романъ умеръ, то жена его Марья Савичевна съ братомъ своимъ Федоромъ Савичемъ, только списокъ той грамоты мнѣ показали"... Далѣе старая Бороховичка разсказываетъ, какъ вдова ея внука Романа (умершаго бездѣтнымъ) завладѣла всѣмъ имѣніемъ Бороховичей, „якое могло иному полковничому соравнитися господарству", и какъ ей было жаль, что „отческіе кровавымъ трудомъ пріобрѣтенныя имѣнія напрасно тратитъ бездѣтная вдова ея внука. Пробовала было ей того не позволить, продолжаетъ полковница, и захотѣла было свое имущество у нея отобрать, но Марья Савичевна не только ничего мнѣ не возвратила, а еще два раза, съ людьми своими, на меня нападала, при встрѣчѣ на дорогѣ...

Какъ видимъ, Михайло Б—чъ оставилъ огромное богатство, нажитое за 16-тилѣтнее управленіе полкомъ. Наживалось это богатство не столько „кровавымъ трудомъ", какъ говоритъ старая полковница, сколько правомъ полковника „доброго миловати, а проступного, безъ фолиги, карати", т. е. тою почти неограниченною властью полковника, пользуясь которою, онъ всегда имѣлъ возможность попользоваться на счетъ своего полчанина, обвинивъ его въ какомъ нибудь „проступствѣ". Сохранилась слѣдующая записка его вдовы, писанная въ мартѣ 1724 г., къ тогдашнимъ двумъ зѣньковскимъ сотникамъ, Василію Рожанскому и Мелетію Жадьку: „козаки сотни зеньковской, жители павловскіе, Яковъ Лѣсничій, Данило Нестеренко, Василь Паламаренко, Явтухъ Бурдало, Степанъ Строканъ и вдова Игнатиха, жаловались мнѣ за свои земли (грунта), что будто бы покойный мой панъ, занимая вольныя земли, позанималъ и ихъ земли... По этой жалобѣ я возвратила имъ занятыя ихъ земли, хотя у меня и сохраняются книги, въ которыхъ записано—почему тѣ грунта стали нашими; но я возвратила имъ тѣ грунта, чтобы только эти жалобщики не тревожили костей моего мужа"...

По смерти старой полковницы, принадлежавшая ей часть Лютенки была „отписана на ея величество“, какъ выморочная. Другая часть Лютенки, находившаяся въ пожизненномъ владѣніи вдовы Максима Михайловича, была передана послѣднею племяннику ея Ивану Ивановичу Косагову, лейтенанту Семеновскаго полка. Владѣніе это удержалось за Косаговымъ и въ послѣдствіи; по крайней мѣрѣ въ 1760 г. мы видимъ владѣльцемъ м. Лютенки того же генералъ-лейтенанта Ив. Ив. Косагова. Наконецъ имѣнія, которыми завладѣлъ внукъ полковника Бороховича, Романъ, перешли къ маіору Юрію Федоровичу Еропкину, женившемуся на его вдовѣ Марьѣ Семеновнѣ. Ненаселенныя имѣнія Михайла Б—ча перешли въ родъ Рощаковскихъ, Бугаевскихъ и Левенцовъ, изъ которыхъ первые два были зятьями стараго полковника, а Левенецъ былъ женатъ на сестрѣ Романа Федоровича Бороховича [1]).

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Михайла Бороховича представляетъ копію (несовсѣмъ удавшуюся) съ подлинника, нынѣ принадлежащаго къ собранію В. В. Тарновскаго, а прежде находившагося въ Успенской церкви м. Лютенки, гадяцкаго уѣзда. Въ этой же церкви, построенной Мих. Б—чемъ въ 1686 г., онъ и похороненъ. Лѣтъ сорокъ назадъ, при поправкѣ церкви, былъ открытъ гробъ Бороховича—въ склепу, висящимъ на желѣзныхъ цѣпяхъ. Изъ вскрытаго при этомъ гроба былъ вынутъ „цѣлостно и невредимо сохранившійся шелковый красный персидскій поясъ“ Б—ча, который затѣмъ былъ „употребляемъ весьма часто при священнослуженіи“ [2]).—Разсказываютъ, что когда портретъ Б—ча находился въ лютенской церкви, то при обхожденіяхъ вокругъ храма съ иконами, носимъ былъ и портретъ его „фундатора“...

А. Л.

---

[1]) Русск. Арх., 1875 г.

[2]) Полтавск. Губ. Вѣд., 1850 г., № 11, стр. 111.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II. Древности скиѳо-сарматскія. Съ 147 рисунками въ текстѣ. Спб. 1889 г., in. 8°б. стр. 160.

По поводу перваго выпуска настоящаго изданія мы на страницахъ «Кіевской Старины» (1889, май—іюнь) обратили вниманіе на нѣкоторую непослѣдовательность гг. составителей въ раздѣленіи южно-русскихъ древностей на классическія, хранилищемъ коихъ они почитаютъ преимущественно Босфорское царство, и скиѳо-сарматскія, находимыя въ предѣлахъ т. н. Геродотовой Скиѳіи. Съ выходомъ въ свѣтъ второго выпуска съ большею еще ясностью обнаруживаются недостатки такого способа обозрѣнія предмета. Правда, гг. составители замѣчаютъ, что «систематическое разслѣдованіе нѣкоторыхъ кургановъ и могильниковъ обнаружило во всей ясности самостоятельный типъ скиѳскихъ древностей, и по содержанію ихъ, и по стилю выдѣляющихся рѣзко изъ области классическихъ древностей южной Россіи» (стр. 134). Но дѣло въ томъ, что свое обозрѣніе т. н. классическихъ древностей южной Россіи графъ И. И. Толстой и проф. Н. П. Кондаковъ заключали такими словами: «внѣшняя оболочка, сообщаемая античнымъ искусствомъ всѣмъ идеямъ и формамъ жизни, будучи наброшена какъ художественный покровъ на оригинальное содержаніе, служила доселѣ предметомъ строго-научнаго сравнительнаго изученія. Задача будущаго приподнять этотъ покровъ и вскрыть подъ художественной формой и миѳологически-условными типами сокровенное содержаніе жизни, народныхъ интересовъ и религіозныхъ воззрѣній древняго населенія южной Россіи» (вып. I, стр. 113). Теперь о древностяхъ скиѳо-сарматскихъ гг. составители говорятъ почти то же: «становится яснымъ, что греческое искусство, принесенное въ

колоніи южной Россіи, послужило лишь внѣшнею оболочкою для ея населенія, самостоятельнаго какъ въ быту, такъ и въ выраженіи завѣтныхъ вкусовъ и идей» (вып. II, стр. 134). Такимъ образомъ классическія и скиѳо-сарматскія древности должны быть различаемы не по нахожденію ихъ въ той или другой мѣстности южной Россіи, но по свойственнымъ имъ осебенностямъ въ техникѣ, въ содержаніи изображеній и пр. Гг. составители находятъ при настоящемъ состояніи знаній преждевременнымъ «сводить въ одно цѣлое памятники скиѳской древности». Мы полагаемъ, что дальнѣйшіе успѣхи археологіи и другихъ параллельныхъ дисциплинъ приведутъ не только къ слiянiю воедино разнообразнаго и разнороднаго содержанія т. н. скиѳскихъ, или скиѳо-сарматскихъ древностей, сколько къ расчлененію его и детальному анализу. Только послѣ такой предварительной работы возможны будутъ научныя обобщенія не въ смыслѣ сведенія разнородныхъ предметовъ въ одно цѣлое, но распредѣленія богатаго матеріала на группы, изъ коихъ каждая представитъ болѣе или менѣе обширное цѣлое, объединенное суммою общихъ признаковъ. Начало такой работѣ положено старательными изысканіями отдѣльныхъ т. н. скиѳскихъ кургановъ; оно имѣется и во 2-омъ выпускѣ «Русскихъ Древностей».

Къ сожалѣнію, авторы отвели слишкомъ мало мѣста этой объяснительной, самостоятельной разработкѣ предмета. Оттого предлагаемыя въ «Русскихъ Древностяхъ» обобщенія имѣютъ большею частью характеръ брошенныхъ мимоходомъ замѣчаній, провѣрять и подтверждать которыя предоставляется самому читателю. Таково, напримѣръ, слѣдующее замѣчаніе: «греческое искусство, являвшееся съ полнымъ арсеналомъ разнообразной утвари и художественной обстановки въ предѣлахъ самыхъ колоній и представляя тамъ собою главный факторъ жизни, за границею этихъ немногихъ городковъ исполняло роль только служебную и мелѣло, сталкиваясь съ широкимъ потокомъ издѣлій вполнѣ своеобразныхъ и по назначенію, и по техникѣ. Вся масса этихъ вещей, являющихся по преимуществу предметами личнаго, мужскаго и женскаго, а также конскаго убора, не составляетъ однако самостоятельнаго искусства въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ тѣсно примыкаетъ къ обширному варварскому искусству Средней Азіи и Сибири и является лишь его характерною вѣтвью». Читатель вправѣ ожидать, что въ сочиненіи о скиѳо-сарматскихъ древностяхъ главное вниманіе и будетъ сосредоточено на возможно болѣе точномъ выясненіи этого «варварскаго» типа южно-русскаго искус-

ства, на разграниченіи составныхъ элементовъ въ отдѣльныхъ предметахъ его и т. п. На стр. 148 гг. составителямъ удается фиксировать стиль и характеръ того предмета, который долженъ стать точкою отправленія для сужденій о состояніи искусства у европейскихъ скиѳовъ.

Предметъ этотъ—золотая пластинка съ ноженъ меча изъ Куль-Оба, обличающая работу скиѳскаго мастера, работавшаго подъ вліяніемъ греческихъ мастеровъ и остававшагося вѣрнымъ общимъ художественнымъ пріемамъ древней Ассиріи и Персіи. На слѣдующихъ страницахъ перечисляются другіе предметы изъ куль-обскаго и иныхъ кургановъ того же стиля и принадлежащіе также мастерскимъ скиѳовъ. По темѣ изображенія раненнаго оленя и по ажурности полосокъ, нашивавшихся на кожаныя одежды и на башлыки, предметы эти примыкають къ сибирскимъ древностямъ. Но уже на 153 стр. кончается характеристика варварскаго, скиѳскаго стиля, а одна, послѣдняя посвящена выясненію признаковъ сарматскихъ древностей. Къ числу собственно варварскихъ издѣлій гг. составители относятъ котлы или казаны на ножкѣ, употреблявшіеся для варки пищи въ кочевомъ быту. Многочисленные экземпляры такихъ сосудовъ найдены въ Сибири; доселѣ они употребляются монголами, киргизами, туркменами, а потому имъ приписывается урало-алтайское происхожденіе.

Больше вниманія отведено тѣмъ скиѳскимъ сосудамъ и инымъ древностямъ, которыя явились результатомъ примѣненія греческаго искусства къ потребностямъ и мотивамъ туземнымъ. Первое мѣсто въ ряду такихъ предметовъ отводится по всей справедливости серебряному сосуду изъ чертомлыцкаго кургана, богато украшенному бытовыми сценами на фризѣ, группами оленей и грифономъ надъ фризомъ, изображеніями листьевъ и цвѣтовъ, голубей и журавлей на туловищѣ вазы. Сюда же относятся нѣсколько другихъ сосудовъ изъ куль-обскаго кургана, золотая пластинка отъ налучья, рукоять меча, золотая пластинка отъ ноженъ меча изъ кургана чертомлыцкаго. «Сборный характеръ скиѳскихъ предметовъ роскоши открывается чистымъ греческимъ стилемъ на ножнахъ этого меча».

Краткой объяснительной части предшествуетъ описательная (стр. 84—134), знакомящая читателей съ отдѣльными предметами скиѳскихъ древностей, найденными въ курганахъ: куль-обскомъ, луговой или александропольской могилѣ, черемесовскихъ курганахъ, толстой могилѣ, чертомлыцкой, томаковской, цимбаловой, семибратней и др., раскопанныхъ и изслѣдованныхъ г. Забѣлинымъ, барономъ

Тизенгаузеномъ, г. Люценкомъ, граф. Бобринскимъ и др. Свѣдѣнія о предметахъ излагаются по курганамъ въ видѣ извлеченій изъ отчетовъ о произведенныхъ раньше раскопкахъ; въ такомъ видѣ излагаемыя свѣдѣнія эти, разумѣется, имѣютъ значеніе сыраго матеріала, но не болѣе. Читатель напрасно искалъ бы здѣсь какой либо руководящей идеи, опредѣляющей самый подборъ описываемыхъ предметовъ. Оттого предлагаемое гг. составителями описаніе предметовъ выходитъ и не въ мѣру обстоятельнымъ, детальнымъ, утомительнымъ для читателя и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко неполнымъ. Многія раскопки сообщаются въ видѣ краткихъ упоминаній безъ перечисленія отдѣльныхъ предметовъ, такъ что при всей видимой полнотѣ читатель не получаетъ подобающаго представленія о добытыхъ до сихъ поръ результатахъ изысканій т. н. скиѳскихъ могилъ; читателю не дается даже указаній на другія хранилища «скиѳскихъ» древностей помимо Эрмитажа, предметамъ котораго и посвящено почти исключительно все вниманіе гг. составителей.

Ни въ этой части, ни въ остальныхъ, мы не находимъ необходимыхъ объясненій ни самыхъ терминовъ «скиѳы», «скиѳскій», «скиѳскія древности», ни по возможности точныхъ указаній на топографію «скиѳскихъ» кургановъ и «скиѳскихъ» древностей; ибо послѣдняго рода указаніями нельзя считать слишкомъ общаго поименованія предѣловъ, въ какихъ находятся скиѳо-сарматскіе курганы (стр. 84). Что разумѣютъ гг. составители подъ скиѳскими курганами, каковы признаки, отличающіе ихъ отъ другихъ видовъ насыпей, интересныхъ для археолога, по какимъ признакамъ тѣ или другіе находимые въ курганахъ предметы зачисляются въ категорію скиѳскихъ? Отвѣтовъ на эти и подобные, основные вопросы гг. составители не даютъ читателю. Между тѣмъ, «ни обычаи погребенія, ни сожженія праха, ни устройство склеповъ въ мѣстахъ, гдѣ склоны скалистыхъ холмовъ доставляли обильный камень, или земляныхъ могилъ, прикрытыхъ дубовыми брусьями и лубкомъ, не могутъ руководить опредѣленіемъ эпохъ, представляемыхъ этими курганами. Самое содержаніе могилъ, коль скоро могила не выходитъ изъ общаго ряда варварскихъ и въ частности кочевыхъ, даетъ лишь самые общіе признаки быта» (стр. 84). Сами гг. составители понимаютъ терминъ «скиѳскій» больше въ смыслѣ условномъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ выраженія «т. н. скиѳскіе курганы», «т. н. скиѳскія древности» (стр. 46, 52, 123, 125, 131 и др.). «Скиѳскіе» курганы находятся въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, «но ни одинъ изъ из-

слѣдованныхъ понынѣ не можетъ быть отнесенъ ко временамъ Геродота» (стр. 52).

Интересныя сближенія дѣлаются гг. составителями между курганами южно-русскими и аму-дарьинскимъ въ Средней Азіи. «Кладъ интересенъ», замѣчаютъ гг. составители, «какъ по своему составу, такъ какъ многія вещи въ немъ вполнѣ схожи съ находимыми въ курганахъ южной Россіи, съ одной стороны, и съ сибирскими древностями съ другой, такъ и по мѣсту находки, наиболѣе восточному изъ всѣхъ мѣстъ находокъ «скиѳскихъ» древностей и единственному, могущему быть пріуроченнымъ къ азіатскимъ скиѳамъ» (стр. 129). На близость скиѳскихъ древностей къ сибирскимъ не разъ указываютъ авторы, наприм., 104, 107, 116, 150, 153 и др.

Итакъ, «скиѳскіе» курганы не принадлежатъ геродотовскимъ скиѳамъ. Въ этихъ курганахъ не найдены доселѣ ни обоюдоострыя сѣкиры, ни чаши для ношенія у пояса, упоминаемыя Геродотомъ; не найдено никакихъ слѣдовъ тѣхъ жертвоприношеній лошадьми, которыя съ такими подробностями описаны у отца исторіи (IV, 5, 70, 10, 72). Кромѣ того, богатѣйшіе и типическіе скиѳскіе курганы чертомлыцкій и куль-обскій, чуть не тождественные между собою во многихъ содержимыхъ предметахъ, пріурочиваются гг. составителями ко II—I в. до Р. Х. (стр. 113); предметы обоихъ кургановъ частью варварской, частью греческой работы, а Куль-Обская накладка отъ ноженъ принимается даже за точку отправленія при обозрѣніи варварскаго, скиѳскаго искусства. Налучье *скиѳскаго* царя изъ чертомлыцкаго кургана греческой работы (143), а въ куль-обѣ погребена *сарматская* царица (стр. 110)... Очевидно, скиѳы археологіи совсѣмъ не тѣ, о коихъ разсказываютъ Геродотъ, Гиппократъ и нѣк. др. писатели. По словамъ самихъ составителей съ IV—III в. до Р. Х. Геродотовскую Скиѳію занимаютъ уже на всемъ пространствѣ сарматы, представляющіе собой другой этнографическій типъ. Однако на стр. 135 мы читаемъ: «Хотя раскопки не дали доселѣ ни одного образца тѣхъ скиѳскихъ чашъ, носимыхъ у пояса, о которыхъ говоритъ Геродотъ, какъ о принадлежности кочеваго племени, и хотя затѣмъ лучшіе сосуды, найденные въ курганахъ, оказываются греческой работы, однако *всѣ находки этого рода должны считаться предметами* скиѳскаго быта и вкуса»...

Вся эта неясность и непослѣдовательность въ изложеніи происходитъ отъ того, что гг. составители не даютъ читателю никакихъ руководящихъ положеній и опредѣленій.

Не большею опредѣленностью отличаются сужденія авторовъ объ отношеніи скиѳовъ къ сарматамъ.

На стр. 54 говорится: «Принадлежность сарматовъ къ племенамъ арійскимъ не можетъ подлежать болѣе сомнѣнію, тогда какъ вопросъ о національности скиѳовъ, именно скиѳовъ-кочевниковъ и земледѣльцевъ, которыхъ Геродотъ выдѣляетъ изъ прочихъ племенъ Россіи, остается доселѣ нерѣшеннымъ. *Нѣкоторая арійская примѣсь* и въ этихъ скиѳахъ несомнѣнна, на нее указываютъ собственныя имена сходныя или созвучныя съ сарматскими, указываетъ и геродотовскій разсказъ о происхожденіи сарматовъ отъ скиѳовъ». И такъ, скиѳы и сарматы—два этническихъ типа, которые къ тому же не единовременно занимаютъ южную Россію; сарматское населеніе смѣняетъ собою скиѳское. На стр. 153 сарматскія древности составляютъ особый отдѣлъ предметовъ изъ керченскихъ некрополей, древней Ольвіи, Тамани и др. Древности эти отличаются нѣкоторыми специфическими признаками и «тѣсно связаны съ общимъ господствовавшимъ въ римскую эпоху вкусомъ». И тѣмъ не менѣе на стр. 61 читаемъ: «Важнѣйшимъ обстоятельствамъ, открываемымъ памятниками, является *полное тождество* изображеній скиѳовъ и сарматовъ. Если древности чертомлыцкаго и куль-обскаго кургановъ не могутъ быть отнесены ко времени ранѣе начала III столѣтія, и тѣмъ не менѣе должны быть сочтены памятниками скиѳскими, то ихъ тождество съ изображеніями босфорскихъ и прикубанскихъ сарматовъ должно свидѣтельствовать въ пользу племеннаго *тождества* тѣхъ и другихъ». Согласно съ такимъ воззрѣніемъ стр. 63 говоритъ о *скиѳо-сарматской* физіономіи, какъ мы видимъ ее во всѣхъ *скиѳскихъ* типахъ южно-русскихъ памятниковъ». Слѣдовательно, результаты археологіи не оправдываютъ показаній историковъ и изслѣдователей о различіи скиѳовъ и сарматовъ и о разновременности поселеній тѣхъ и другихъ на пространствахъ южной Россіи?... Все это нуждается въ разъясненіяхъ, а ихъ-то и не даютъ графъ Толстой и Н. П. Кондаковъ.

Очевидно, составители «Р. Древностей» сосредоточили свое вниманіе на другой задачѣ, выполненной дѣйствительно съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Задача эта ввести образованнаго читателя въ тотъ кругъ предметовъ, который до сихъ поръ занималъ только спеціалистовъ и любителей-археологовъ, познакомить читающую публику съ интересными во многихъ отношеніяхъ предметами сѣдой старины, съ которою обыкновенно соединяется имя скиѳовъ или сарматовъ или тѣхъ и другихъ. Благодаря старательности и вкусу, съ какими

выбраны, исполнены многочисленные рисунки въ текстѣ, благодаря точности и подчасъ живописующей яркости описанія изображенныхъ на рисункахъ предметовъ, гг. составители вводятъ въ умственный обиходъ обыкновеннаго читателя множество новыхъ предметовъ, возбуждаютъ въ немъ интересъ къ старинѣ, которая оказывается на самомъ дѣлѣ вовсе не столь ужъ далекой, недоступной и неинтересной для публики. Изящный видъ изданія при замѣчательной дешевизнѣ, обиліе прекрасно исполненныхъ иллюстрацій, мѣткость сужденій въ вопросахъ искусства, обличающая въ составителяхъ истинныхъ знатоковъ, дѣлаютъ и настоящій выпускъ изданія выдающимся и утѣшительнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Навѣрное можно предсказать, что изданіе графа И. И. Толстого и проф. Н. П. Кондакова быстро найдетъ себѣ доступъ въ книгохранилища большинства образованныхъ людей и будетъ много содѣйствовать популяризаціи свѣдѣній о до-историческомъ періодѣ юга Россіи. Но неоспоримыя достоинства изданія тѣмъ паче обязываютъ критика отмѣтить слабыя стороны труда, дабы читатель видѣлъ, что ученая работа въ области скиѳской старины должна производиться по инымъ пріемамъ и методамъ, нежели прилагаемые въ «Русскихъ Древностяхъ»

Въ этомъ послѣднемъ убѣждаетъ насъ и первая, наибольшая часть 2-го выпуска (стр. 1—83). Всѣ эти десятки страницъ не объясняютъ, а почти исключительно повторяютъ только подлежащій объясненію матеріалъ, давая его въ сыромъ, примитивномъ видѣ, къ тому же далеко не весь матеріалъ, ибо гг. составители совсѣмъ оставили въ сторонѣ лингвистическія данныя, привлекаемыя для рѣшенія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, коимъ посвящена эта часть выпуска. Такой способъ занесенія сыраго матеріала въ изданіе, назначаемое для публики, можно было бы оправдать въ томъ развѣ случаѣ, еслибы матеріалъ этотъ представлялъ собою что либо цѣльное, связанное или занимательное. Научное значеніе онъ могъ бы имѣть подъ условіемъ новизны. Ни того, ни другаго нѣтъ въ извѣстіяхъ писателей, больше всего Геродота, о географіи Скиѳіи, объ орошеніи ея, объ ея жителямъ и пр. и пр. По мнѣнію самихъ составителей, въ предлагаемыхъ извѣстіяхъ много анекдотическаго, сказочнаго, невѣрнаго, неподдающагося невооруженному критикой пониманію. Не взирая на это, составители приводятъ извѣстіе за извѣстіемъ, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ роняя при этомъ какое-либо свое замѣчаніе или поясненіе. Достаточно сказать, что повѣствованіе Геродота о походѣ Дарія на скиѳовъ называется анекдотическимъ, и тѣмъ

не менѣе оно приводится цѣликомъ и безъ всякихъ объясненій. Рѣки Геродотовской Скиѳіи не могутъ быть переведены на современную карту, и однако же всѣ извѣстія о рѣкахъ передаются словами Геродота. Изложены басни о происхожденіи скиѳовъ, разсказы о народахъ Скиѳіи и сосѣдившихъ съ ними, о киммерійцахъ, предшественникахъ скиѳовъ въ южной Россіи и т. д. Но ни одинъ изъ вопросовъ, занимающихъ въ наше время археологовъ, лингвистовъ, историковъ, разъ они касаются Скиѳіи или скиѳовъ, не подвергается научному разсмотрѣнію; составители очевидно находили даже излишнимъ ввести читателя въ эти вопросы. Тогда не зачѣмъ было предлагать сырой матеріалъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи наиболѣе интересные предметы скиѳскихъ древностей пріурочены не къ Геродотовской эпохѣ и не къ геродотовскимъ скиѳамъ. Большинству читателей матеріалъ въ такомъ видѣ не даетъ ничего, а знанія и интересы спеціалистовъ идутъ гораздо дальше. Къ тому же и здѣсь не безъ неточностей. На стр. 3 говорится, что во время Геродота вся масса кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ южной Россіи называлась скиѳами, а вскорѣ послѣ Геродота сарматами. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Геродотъ даетъ прекрасный образчикъ выдѣленія скиѳовъ въ особую группу изъ массы племенъ, населявшихъ югъ Россіи. На стр. 12 выходитъ, будто Геродотъ считаетъ массагетовъ скиѳскимъ племенемъ. Мосхи помѣщаются на берегу Чернаго моря, тогда какъ у Геродота топографія ихъ гораздо точнѣе и пр. Текстъ выпуска заключается краткимъ перечнемъ литературы предмета, причемъ должно отмѣтить съ сожалѣніемъ умолчаніе о трудахъ Всев. Ѳ. Миллера, посвященныхъ разселенію скиѳовъ и этнографіи ихъ. *Этнографическіе слѣды иранства на югѣ Россіи и Осетинскіе этюды.* Ч. III.

Ѳ. Мищенко.

Священникъ Арсеній Рождественскій. Южнорусскій штундизмъ. Изслѣдованіе. С.-Петербургъ, 1889. Стр. 285. Съ указателемъ именъ. Цѣна 2 руб.

Г. Рождественскій недоволенъ состояніемъ современной, духовной и свѣтской литературы по вопросу о штундизмѣ. «Въ большинствѣ случаевъ—говоритъ онъ—по изслѣдованіямъ свѣтской печати штундизмъ представлялся явленіемъ свѣтлымъ, симпатичнымъ, сектанты—невинно страждущими, вызывающими общественное состра-

даніе. Духовная печать давала иную окраску сектантской жизни... Истина, конечно, лежала въ срединѣ; но до нея общественному сознанію трудно было добраться, такъ какъ общество, большею частію не заглядывающее въ духовную журналистику, знакомилось со штундизмомъ по сообщеніямъ органовъ свѣтской печати. Только научное изслѣдованіе могло бы внести въ общественное сознаніе правильное представленіе о штундизмѣ, но такого изслѣдованія до сихъ поръ еще не появлялось» (стр. 12).

Пополнить пробѣлъ — такова задача автора. Для этого онъ ознакомился съ русской журнальной и газетной литературой о штундизмѣ за время 1867—88 г., изданными ранѣе изслѣдованіями и полемическими трудами, 56 подлинными слѣдственными производствами о штундистахъ, хранящимися въ кіевской и херсонской духовныхъ консисторіяхъ, документами одесскаго братства св. Андрея Первозваннаго, имѣющаго главной задачей борьбу съ сектой, наконецъ, провелъ два мѣсяца въ поѣздкѣ на югъ: около мѣсяца пробылъ въ Одессѣ, около 10 дней въ Рясནопольскомъ приходѣ (одес. у.) и м. Любомиркѣ (елисаветгр. у.), три дня въ с. Косяковкѣ (таращ. у.), остальное время въ Кіевѣ. Авторъ имѣлъ случай бесѣдовать съ нѣкоторыми вожаками сектантовъ, но «личныя бесѣды съ сектантами не дали намъ—говоритъ авторъ—цѣнныхъ свѣдѣній, потому что сектанты скрытничали; однако время, потраченное на эти бесѣды, нельзя считать потеряннымъ. Въ бесѣдахъ узнается человѣкъ, а это весьма важно въ томъ случаѣ, если доводится писать объ этомъ человѣкѣ» (стр. 4). Благодаря своей поѣздкѣ, авторъ имѣлъ случай бесѣдовать кромѣ того съ лицами, оставившими заблужденія, и пріобрѣсть нѣкоторое знакомство съ краемъ.

Таковы условія, при которыхъ составлялось настоящее изслѣдованіе. Дѣйствительно, личныя наблюденія автора не вносятъ ничего существенно новаго для изученія штундизма, какъ въ этомъ легко убѣдиться при чтеніи книги. Чсо касается неизданныхъ источниковъ, то архивныя матеріалы давно уже заняли почетное мѣсто въ научно-историческихъ работахъ, но слѣдуетъ опасаться, что документы консисторій не вполнѣ пригодны для установленія надлежащей научности въ работѣ подобнаго характара. Изъ книги г. Рождественскаго видно, что разслѣдованія консисторій о совращеніи въ секту производились при условіяхъ, которыя не вполнѣ благопріятствовали научности позднѣйшихъ изученій въ консисторскихъ архивахъ. Книга автора представляетъ лучшія тому доказательства. Нашъ авторъ не-

рѣдко останавливается, напр., на вопросѣ объ увѣщаніяхъ упорныхъ штундистовъ консисторіями. Такъ, въ 1871 г. кіевская дух. консисторія потребовала, чтобы таращанское уѣздное управленіе выслало ей Балабана дла увѣщанія. Управленіе отвѣтило, что Балабанъ высланъ въ кіевскій тюремный замокъ 13 іюня, въ консисторію же онъ присланъ былъ только 24 августа. Явившись въ консисторію, Балабанъ заявилъ, что никогда не отступалъ отъ православной церкви, и далъ въ томъ подписку. Освобожденный затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ, Балабанъ еще съ большимъ упорствомъ продолжалъ пропаганду, въ 1872 году вновь былъ арестованъ полиціей и преданъ суду (стр. 84). Въ 1873 г. увѣщевавшій сектантовъ въ таращанской тюрьмѣ священникъ доносилъ консисторіи, что «по мѣрѣ своихъ посѣщеній и вразумленій, находилъ ихъ болѣе упорными и ожесточенными. Въ настоящее время они находятся въ крайне возбужденномъ состояніи, дышатъ ненавистью къ духовенству и православію. Въ послѣднее время они положительно заявили мнѣ, что вовсе не желаютъ меня слушать, просили оставить ихъ въ покоѣ и «не дурыть больше своими выдумками: буде й того що досп дурылы» (стр. 94). Увѣщевавшій въ 1876 г. въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ чаплинскаго пресвитера Якова Коваля іеромонахъ Евстафій «рапортовалъ еп. начальству, между прочимъ, слѣдующее: Яковъ Коваль несговорчивъ, назойливъ, какъ оса, и на языкъ острый, какъ коса, дикій, какъ звѣрь, и стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ діаволъ во злѣ» (стр. 121). Приведенныя въ книгѣ выдержки изъ консисторскихъ дѣлъ, наряду съ различными мнѣніями властей по вопросу о мѣропріятіяхъ противъ секты, безспорно, весьма любопытны и характерны, но они ничего не даютъ для уразумѣнія собственно вѣроученія и внутренняго устройства секты, и нельзя не пожалѣть, что авторъ не нашелъ нужнымъ или, быть можетъ, не имѣлъ случая ознакомиться съ слѣдственными и судебными производствами о штундистахъ въ окружныхъ судахъ,—едва ли для этого встрѣтились бы неодолимыя препятствія. Въ книгѣ нерѣдко встрѣтить какъ бы упрекъ по адресу судебныхъ властей въ бездѣятельности и даже попустительствѣ относительно секты,—упрекъ по нашему мнѣнію, неосторожный въ научномъ изслѣдованіи, авторъ котораго не прочиталъ подлинныхъ дѣлъ суда и неознакомился съ законоположеніями, легшими въ основу судебныхъ распоряженій и рѣшеній. Должно замѣтить, впрочемъ, что авторъ по мѣрѣ силъ вуалируетъ свое личное настроеніе и мнѣнія свои высказываетъ чужими словами.

Несмотря на указанныя выше особенности, книга г. Рождественскаго заслуживаетъ вниманія. Главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ съ большимъ тщаніемъ собралъ и систематизировалъ изданные ранѣе печатные матеріалы и на основаніи ихъ представилъ картину штундистскаго движенія болѣе полную и наглядную, нежели встрѣчались въ литературѣ доселѣ. Можно не соглашаться съ авторомъ въ выводахъ изъ представленныхъ фактовъ, можно оспаривать полную достовѣрность нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ, въ виду невозможности ихъ провѣрки, можно находить, что авторъ произвольно отдаетъ предпочтеніе однимъ свидѣтельствамъ передъ другими,—въ вопросѣ столь щекотливаго и скользкаго свойства полнаго единогласія мнѣній и быть не можетъ: мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, еще не вылившимся въ законченныя формы, находящимся въ фазѣ броженія и внутренней выработки, затрогивающимъ самыя сокровенныя глубины народнаго духа, настроенія и мысли; такъ какъ изученіе всякой секты есть въ тоже время, съ извѣстной точки зрѣнія, и судъ надъ человѣческой совѣстью, судъ, не предоставленный намъ ни божескими, ни человѣческими законами, то научное изслѣдованіе, въ данномъ случаѣ, должно воздерживаться отъ приговора, основательность котораго во всякомъ разѣ будетъ весьма проблематична. Съ такой необходимой оговоркой, нельзя не признать, что г. Рождественскій выполнилъ трудъ нелегкій и неблагодарный не безъ нѣкотораго успѣха: подобнаго рода обзоръ литературы вопроса и сводка добытыхъ данныхъ во всякомъ случаѣ принесутъ свою долю пользы.

Книга разбита на два отдѣла, трактующіе внѣшнюю исторію штундизма и его внутреннее развитіе. Въ первомъ отдѣлѣ разсмотрѣнъ вопросъ о происхожденіи штундизма и затѣмъ исторія секты отъ начала 60-хъ до 1887 года (стр. 18—165). Въ отдѣлѣ второмъ авторъ разъясняетъ вѣроученіе штундистовъ, ихъ богослуженіе, организацію штундистскихъ общинъ и бытъ сектантовъ (стр. 166—208, 243—262). Кромѣ того, авторъ посвящаетъ особую главу опроверженію вѣроученія штундистовъ на основаніи принятыхъ въ богословской наукѣ толкованій св. писанія и данныхъ преданія (стр. 209—242). Въ особомъ заключеніи авторъ излагаетъ выводы своего изслѣдованія (стр. 282—285). Изложеніе г. Рождественскаго снабжено обильными ссылками на источники и пособія, написано языкомъ яснымъ и выразительнымъ и выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ работъ

другихъ духовныхъ изслѣдователей подобнаго рода сложныхъ и затруднительныхъ вопросовъ.

Слѣдуя изложенію автора, укажемъ на существенные моменты въ исторіи секты, отмѣченные въ книгѣ.—По мнѣнію автора, условія, создавшія почву для штундизма, лежали частью во внутренней жизни православныхъ приходскихъ общинъ—въ религіозномъ невѣжествѣ, недовѣріи къ духовенству и пониженіи нравственнаго уровня населенія, частью внѣ ея—въ отмѣнѣ крѣпостнаго права и волненіяхъ, происходившихъ въ русскомъ, но главнымъ образомъ въ колонистскомъ (нѣмецкомъ) сектантствѣ. Православное духовенство, при извѣстныхъ условіяхъ своего быта, не имѣло возможности удовлетворять религіознымъ потребностямъ прихожанъ, а бѣдность послѣднихъ отклоняла ихъ иногда отъ посѣщенія церковнаго богослуженія. Индифферентное, нерѣдко отрицательное отношеніе къ церкви со стороны интеллигенціи также заглушало въ нѣкоторыхъ изъ православныхъ интересъ къ православію. Отхожіе промыслы, вызванные жестокимъ обращеніемъ помѣщиковъ, малоземельемъ, безземельемъ и другими причинами, приводили православныхъ въ соприкосновеніе съ элементами неблагопріятными для православія. Религіозное невѣжество православныхъ юга Россіи и въ настоящее время поражаетъ посторонняго наблюдателя. Невысокій интеллектуальный уровень православнаго духовенства, убогая матеріальная обстановка послѣдняго, заставляющая обращаться къ сельско-хозяйственнымъ промысламъ, породили недоразумѣнія между пастырями и пасомыми и умаляли уваженіе къ первымъ, въ особенности въ эпоху преобладанія въ краѣ польскаго землевладѣнія. «Но помимо этихъ условій гибельно дѣйствовали на состояніе народной нравственности: крѣпостничество, еврейство, воинская повинность, отхожіе промыслы и, такъ называемая, интеллигенція» (стр. 30). Выяснивъ вліяніе послѣднихъ условій, авторъ группируетъ данныя о заселеніи юга иностранными колонистами, характеризуетъ религіозный бытъ колонистовъ, дробленіе ихъ на секты, вліяніе на православныхъ и приходитъ къ выводу, что штундизмъ зародился въ дер. Основѣ одесскаго уѣзда, въ центрѣ нѣмецкихъ разселеній, еще въ 50-хъ годахъ (стр. 30—50). Г. Рождественскій не соглашается съ мнѣніемъ г. Харламова (стр. 13) о связи штундизма съ молоканствомъ и духоборствомъ. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что вѣроученіе штундистовъ весьма близко къ ученію духоборцевъ и что переселеніе послѣднихъ, въ числѣ до 4000 чел., изъ Новороссіи въ Закавказье падаетъ на 1841—1845 гг., по-

чему мнѣніе г. Харламова, на нашъ взглядъ, не представляется вполнѣ голословнымъ.

Послѣ эмансипаціи возникаютъ въ херсонской губерніи сектантскіе кружки среди православнаго населенія и, подъ вліяніемъ пропаганды пастора Бонекемпера, новое вѣроученіе въ короткое время проникаетъ въ предѣлы подольской и особенно кіевской губерній, гдѣ и разливается широкимъ потокомъ. Духовенство, несмотря на содѣйствіе свѣтской власти, оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ сектой на почвѣ увѣщаній. Высшая духовная и свѣтская власти подозрѣваютъ въ новомъ вѣроученіи коммунистическія тенденціи, но такое подозрѣніе ничѣмъ не подтверждается; въ средѣ сельскихъ общинъ возникаютъ разногласія и столкновенія православныхъ съ сектантами, послѣдніе предстаютъ на судѣ, подвергаются увѣщаніямъ во время предварительнаго заключенія, но все это не ослабляетъ, а наоборотъ, усиливаетъ секту. Штундизмъ еще находится въ порѣ внутренняго уясненія, еще не отдѣляется окончательно отъ православной церкви: такое отдѣленіе наступаетъ у херсонскихъ штундистовъ лишь съ 1869, у кіевскихъ съ 1874 г. (стр. 55—98).

Отдѣлившись, подъ вліяніемъ баптизма, отъ православія и постоянно усиливаясь въ своемъ составѣ, штундисты уже перестаютъ крестить новорожденныхъ, совершаютъ браки и погребеніе черезъ избранныхъ изъ своей среды пресвитеровъ, противъ которыхъ консисторіи возбуждаютъ преслѣдованія. Подъ вліяніемъ же баптизма, секта усваиваетъ болѣе прочную организацію, несмотря на временное ослабленіе связей съ баптизмомъ подъ вліяніемъ т. наз. пашковщины. Вербовка чистыхъ послѣдователей баптизма среди штундистовъ нисколько не ослабляетъ новой секты. По мнѣнію херсонскаго губернатора, духовенство зараженныхъ штундизмомъ мѣстностей не въ силахъ было справиться съ усиливающимся религіознымъ броженіемъ, почему онъ рекомендовалъ назначеніе въ эти мѣстности «умныхъ священниковъ». Мысль эта была одобрена синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, но на практикѣ не привела къ прочнымъ результатамъ. Наряжаются спеціальные изслѣдователи секты, которые приходятъ къ выводу, что для борьбы съ нею необходимо поднятіе уровня какъ православнаго населенія, такъ и самого духовенства. Составляется проектъ въ этомъ смыслѣ, но не получаетъ осуществленія. Судебная власть, въ виду точнаго смысла существующихъ узаконеній, какъ извѣстно, ограждающихъ вѣротерпимость, затрудняется возбуждать уголовныя преслѣдованія по требованіямъ духовныхъ начальствъ. Сѣтуя

на такое неудовлетворительное положеніе дѣла, высокопр. Димитрій въ своемъ сообщеніи генералъ-губернатору Коцебу высказывалъ мысль, что вина распространенія секты не столько въ недостаткѣ способныхъ миссіонеровъ, сколько въ томъ, «что главные изъ коноводовъ, совратившихся въ ересь—доселѣ свободны и строго не наказаны, а вслѣдствіе ненаказанности дозволяютъ себѣ оказательство совращенія на значительное число православныхъ лицъ». На это министромъ юстиціи было разъяснено, что духовная власть не лишена законныхъ средствъ къ возбужденію уголовныхъ преслѣдованій, «при существованіи положительнаго убѣжденія въ оказательствѣ раскола, послужившемъ соблазномъ для православныхъ». Стоя на стражѣ закона, прокурорскій надзоръ не давалъ хода нѣкоторымъ возбужденнымъ полиціею дѣламъ о штундистскихъ пресвитерахъ. Ходатайства духовенства о высылкѣ вожаковъ секты тоже были отклоняемы министерствомъ, равно какъ и ходатайство о заключеніи сектанта Лясоцкаго въ монастырь административнымъ порядкомъ, которое при томъ же не могло быть допущено безъ испрошенія на это Высочайшаго соизволенія. Это «пререканіе» было представлено епархіальнымъ начальствомъ на усмотрѣніе святѣйшаго синода.—Наряду съ возбужденіемъ судебныхъ преслѣдованій, кіевская епархіальная власть разсылала сектантовъ для увѣщанія по монастырямъ, очевидно, этапнымъ порядкомъ. Такое мѣропріятіе лишь ожесточало увѣщаемыхъ или же порождало лицемѣріе. Явленія, подобныя описаннымъ, имѣли мѣсто и въ предѣлахъ херсонской епархіи. Преданные суду сектанты были въ 1876 и 78 гг. оправданы (дѣло Вовкажа, Ратушнаго, Балабана и др.), приговоръ суда встрѣтилъ горячее одобреніе въ свѣтской прессѣ, отзывы которой «завоевывали сектантамъ общественныя симпатіи и сѣяли къ духовной власти непріязненное чувство въ довольно значительномъ кругу образованнаго общества» (стр. 133). Въ 1883 году обратила на себя вниманіе община штундистовъ въ предмѣстьи Кіева Деміевкѣ. Основатель ея, отставной рядовой Иванъ Андреевъ, совершалъ браки, завелъ метрическія книги, но въ 1887 г. былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ орловскую губернію (стр. 138). Для борьбы съ лжеученіями въ 1880 г. было основано въ Одессѣ братство св. Андрея Первозваннаго, выдвинувшее, въ качествѣ борца противъ штундизма, херсонскаго мѣщанина Ивана Чепурнаго, бывшаго штундиста. Кіевское Свято-Владимірское братство также заботилось объ ослабленіи штундизма, выдавало пособія обращающимся въ православіе и предлагало другія мѣры, но всѣ эти средства не остановили

развитія секты, «вслѣдствіе чего высшая духовная власть приступила къ начертанію мѣропріятій, имѣющихъ мирный характеръ»,—авторъ разумѣетъ съѣздъ преосвященныхъ въ Кіевѣ 1884 г. Образованы миссіонерскіе округа, началось усиленное проповѣдываніе слова Божія, раздавались брошюры въ строго-православномъ духѣ и т. п., но «мирныя средства, употребляемыя духовной властью, не даютъ пока надлежащихъ результатовъ. Число сектантовъ годъ отъ года увеличивается... Сильная энергія миссіонеровъ, вступающихъ въ собесѣдованія съ ними, въ большинствѣ случаевъ не производитъ на нихъ должнаго воздѣйствія. При этихъ собесѣдованіяхъ сектанты оказываются крайне упорными въ своихъ заблужденіяхъ. Одинъ изъ нафанатизированныхъ сектантовъ, на убѣжденія могилевскаго миссіонера оставить свои заблужденія, кричалъ: «мучители вы наши! Что вамъ нужно отъ насъ? Оставьте, ради Бога, насъ въ покоѣ! Вы не будете отвѣчать за насъ: вы намъ благовѣствовали, а мы не принимали и не принимаемъ вашего ученія!» (стр. 163). Миссіонеры приходятъ къ заключенію, что усилія ихъ почти не имѣютъ результатовъ. Вражда между православными и штундистами выражается иногда въ крайне рѣзкой формѣ, какъ это было напр. въ с. Турбовкѣ (сквир. у.) въ 1886 году. Тогда же турбовскіе сектанты были преданы военно-окружному суду: трое сосланы на каторгу, трое — попали въ тюрьму (*Пр. автора*: «нѣтъ сомнѣнія, говоритъ проф. Н. И. Петровъ по поводу указаннаго дѣла, что этотъ судебный приговоръ надъ штундистами былъ одною изъ причинъ того явленія, что въ послѣднее время въ кіевской губ. штундисты не только пріутихли, но стали мало по малу возвращаться въ нѣдра православной церкви». Тр. кіев. дух. акад., 1887 г., № 4, стр. 607). «Въ 1887 г. вожакъ деміевскихъ штундистовъ, Андреевъ, высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ орловскую губернію. Вожакъ игнатовскихъ штундистовъ, Антонъ Стригунъ, по ходатайству одесскаго братства (*пр. автора*: «Отч. Брат. $188^5/_6$ г.», стр. 22), состоитъ подъ надзоромъ полиціи въ мѣстѣ постояннаго своего жительства. Такимъ образомъ—заключаетъ свой поучительный очеркъ г. Рождественскій—судебная и административная власть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ дѣлѣ подавленія секты приходитъ на помощь власти духовной» (стр. 165).

Отсылая интересующихся вѣроученіемъ и внутреннимъ устройствомъ штундистскихъ общинъ ко второму отдѣлу книги г. Рождественскаго, приведемъ заключительные выводы автора. По его мнѣнію, полное и всестороннее изслѣдованіе штундизма пока еще невоз-

можно по недостатку матеріала; однако этотъ недостатокъ не можетъ служить основаніемъ къ откладыванію его разрѣшенія ибо «мало-ли въ исторической наукѣ ставилось и разрѣшалось такихъ вопросовъ, матеріалъ для изслѣдованія которыхъ былъ незначителенъ... Изслѣдованіе штундизма вызывалось еще и тѣмъ, что секта эта—явленіе патологическое, развитію котораго нужно противодѣйствовать. А извѣстно—какое значеніе при излеченіи всякой болѣзни имѣетъ ея діагнозъ. Для успѣшной борьбы съ какимъ-нибудь болѣзненнымъ общественнымъ явленіемъ, нужно изученіе его. Эти мысли вполнѣ приложимы и къ штундизму. На основаніи такого рода соображеній и предпринятъ настоящій трудъ» (стр. 281 сл.). Выводы свои авторъ формулируетъ въ слѣдующихъ четырехъ тезисахъ: 1) Штундизмъ явился какъ слѣдствіе пропаганды протестантизма, нашедшей себѣ воспріимчивую почву въ условіяхъ религіозной жизни нѣкоторыхъ приходскихъ общинъ. 2) Распространеніе секты и трудность противодѣйствія распространенію ея объясняются живучестью условій, вызвавшихъ ее на свѣтъ. 3) По существу своему штундизмъ является неудачной попыткой со стороны простого народа выработать, подъ вліяніемъ протестантизма, свое особое ученіе. 4 и послѣдній тезисъ: Широта и глубина нравственныхъ истинъ оказалась недоступной пониманію штундистовъ, вслѣдствіе чего ихъ нравственная доктрина отличается предписаніями узкой морали.

Подобнаго рода тезисы, сколько намъ извѣстно, никогда еще не считались научнымъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ, повидимому, склоненъ думать авторъ, и формулируемые ими обрывки мыслей едва ли представляютъ что нибудь новое хотя бы для обыкновеннаго читателя ежедневныхъ газетъ. Сообщаемые авторомъ факты не укладываются въ узкія рамки четырехъ тезисовъ и, безъ сомнѣнія, вызовутъ дальнѣйшее изученіе вопроса: книга г. Рождественскаго значительно облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей, которые, станемъ надѣяться, съумѣютъ благополучно миновать разные подводные камни и отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній, гибельно отражающихся на плодотворности всякаго историческаго изученія.

Н. М.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д., стр. 4 ненум., +LIX+322.

Въ настоящій томъ, составленный подъ редакціею и съ обстоятельнымъ предисловіемъ В. Б. Антоновича, вошло шесть лѣтописей, относящихся, по заключающимся въ нимъ самостоятельнымъ даннымъ, преимущественно къ XVII столѣтію. Въ «Приложеніи» помѣщены двѣ краткія лѣтописи мѣстнаго характера и тридцать документовъ, по большей части писемъ, того же времени, которыя дополняютъ и разъясняютъ извѣстія о событіяхъ, упоминаемыхъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ. Матеріаломъ для настоящаго изданія послужили преимущественно рукописи института Оссолинскихъ во Львовѣ, откуда онѣ извлечены В. Б Антоновичемъ; о другихъ источникахъ упоминаемъ при перечисленіи статей «Сборника», въ который вошли: 1) «Лизогубовская» малороссійская лѣтопись, составленная въ 1742 г., по предположенію издателя—генеральнымъ обознымъ Яковомъ Лизогубомъ, оригиналъ которой доведенъ до 1737 г. и находится въ частномъ собраніи г. Карпенка въ Переяславѣ. Въ началѣ своемъ она представляетъ, подобно одной изъ лѣтописей, изд. Н. М. Бѣлозерскимъ, извлеченіе изъ «Краткаго описанія Малороссіи», служившаго источникомъ и Рубану, но отличается различными пріемами составителей, останавливавшихъ вниманіе не на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ первоисточника. Но и здѣсь уже есть дополненія, а къ концу XVII в. изданная нынѣ лѣтопись пользуется имъ все меньше и меньше, распространяя его подробностями и цѣлыми вставками, частью изъ другихъ источниковъ, а затѣмъ и принадлежащими ея составителю, такъ что для XVIII вѣка она уже составляетъ трудъ все болѣе и болѣе самостоятельный. 2) Лѣтопись, названная издателемъ «Кіевскою», извлечена изъ рукописнаго сборника, первоначально принадлежавшаго кіевскому войтовичу Богдану Балыкѣ (его собственныя записки начала XVII ст., оттуда же напечатаны г. Антоновичемъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г., т. III), а послѣ свящ. Кощаковскому; другой же списокъ ея находится въ рукописи, принадлежащей А. М. Лазаревскому. Послѣ краткихъ извѣстій изъ древнѣйшихъ лѣтописей, она содержитъ самостоятельную мѣстную лѣтопись кіевскую 1608—1621 гг., причемъ окончаніе обоихъ списковъ разнится по содержанію. Въ этой лѣтописи заключается много новыхъ историческихъ данныхъ,

дополняемыхъ 3) Межигорскою лѣтописью, изъ того же сборника Кощаковскаго, ранѣе межигорскаго монаха. Съ 4) статьею «Сборника», дневникомъ 1625 г. о походѣ гетм. Конецпольскаго противъ козаковъ, пораженіи ихъ и заключеніи договора «Куруковскаго» или «на Медвѣжьихъ Лозахъ» (текстъ его въ «Архивѣ Ю.-З. Рос.» ч. III, т. 1)—читатели «Кіеской Старины» знакомы уже подробно по обстоятельной статьѣ г. Николайчика, разобравшаго этотъ новый матеріалъ мѣстной исторіи въ напечатанной у насъ недавно особой статьѣ (1889, т. XXVII, октябрь, стр. 59—69). 5) Лѣтопись львовскаго каноника Юзефовича, изданная ранѣе попольски Пивоцкимъ съ произвольными урѣзками, сокращеніями и перемѣнами, появляется въ латинскомъ оригиналѣ впервые, но издатель не нашелъ возможнымъ печатать ея цѣликомъ, такъ какъ начало ея представляетъ компилятивный сводъ извѣстныхъ источниковъ, а въ дальнѣйшемъ изложеніи она слишкомъ обременена подробностями спеціальнаго характера, для исторіи львовскаго католическаго архіепископства и для исторіи собственно города Львова. Извѣстіями послѣдняго рода уже и воспользовались для своихъ трудовъ мѣстные монографисты—Зиморовичъ, Ходынецкій, Зубрицкій,—церковныя, конечно, тоже найдутъ спеціальнаго изслѣдователя. Поэтому, въ настоящее изданіе включены только свѣдѣнія о событіяхъ политическихъ XVII ст. въ южной Руси, но описаніе ихъ издано вполнѣ и безъ отступленій отъ текста. Наконецъ, 6) Витебская лѣтопись, извлеченная изъ рукописей Императорской публичной библіотеки, составляетъ хронику мѣстнаго характера, составленную витебскими же мѣщанами Аворками, въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Она представляетъ много извѣстій самостоятельныхъ, или же заимствованныхъ со строгимъ выборомъ и частью еще намъ неизвѣстныхъ.

Въ «Приложеніяхъ» находимъ двѣ краткія но мѣстныя червонорусскія лѣтописи, Добромильскую и монастырскую львовскихъ кармелитовъ, изъ которой цѣликомъ напечатанъ разсказъ объ осадѣ Львова и разрушеніи монастыря въ 1648 году. Ко второй осадѣ Львова, въ 1655, относятся письма Хмельницкаго къ магистрату (№ 6), сохранившіяся въ мѣстномъ городскомъ архивѣ въ подлинникахъ, и нѣсколько позднѣйшій охранный универсалъ того же гетмана, данный львовянамъ въ 1657 г. (№ 7). Договоръ поляковъ съ козаками, на Раставицѣ (№ 3), близъ Поволочи, 1619 г., предшествуетъ Куруковскому, а польско-козацкія отношенія въ промежуткѣ между обоими нѣсколько освѣщаются письмами того времени краков-

скаго каштеляна кн. Юрія Збаражскаго (№ 4). Паволочскій договоръ есть наиболѣе ранній изъ документовъ этого рода, дошедшихъ до насъ, а даже и по упоминаніямъ— ему предшествовалъ аналогичный только одинъ, на Ольшаницѣ, доселѣ намъ неизвѣстный, впервые, какъ можно думать, установившій опредѣленное число козаковъ съ запискою ихъ въ регестръ и непризнаніемъ за всѣми незаписанными козацкихъ правъ, а исключенныхъ изъ регестра обращавшій въ крестьяне. Все новыя находки въ области источниковъ этой эпохи позволяютъ надѣяться, что если не прямыми документальными данными, то хотя косвенными *современными* свидѣтельствами разъяснится темный вопросъ объ организаціи козачества въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Намъ лично кажется, что картина ея получится совершенно иною, чѣмъ въ лѣтописныхъ южно-русскихъ сказаніяхъ и даже у большинства позднѣйшихъ историковъ и изслѣдователей, все еще принимающихъ за исходную ея точку «реформу Стефана Баторія» 1576 г., которая *въ томъ видѣ*, какъ ее сохранили козацкіе лѣтописцы и подтвердительные документы болѣе позднихъ временъ, по многимъ вѣскимъ основаніямъ можетъ быть отнесена къ числу фактовъ апокрифическихъ... Два письма 1626 г. (№ 5) документально устанавливаютъ фактъ, который ранѣе уже предполагалъ Максимовичъ, что сомнительное извѣстіе лѣтописей о побѣдѣ Б. Хмельницкаго, въ молодости его, надъ татарами, причемъ онъ «двохъ Кантемировъ поймалъ», произошло по смѣшенію имени его съ Хмелецкимъ Стефаномъ, къ которому и должно быть пріурочено.—Послѣднее приложеніе (№ 8) содержитъ въ себѣ десять писемъ королевскаго секретаря въ Львовѣ, т. е. личнаго политическаго корреспондента, Доминика Вильчка, къ Яну Собѣскому въ 1694—95 гг., о событіяхъ въ южной Руси; извѣстія относятся къ движеніямъ турокъ, владѣвшихъ тогда Каменцемъ, татаръ и противодѣйствовавшихъ имъ козаковъ Самуся и Палія. Бендерскій походъ послѣднихъ и взятіе ими Дубоссаръ, а въ особенности пораженіе «королевскихъ» козаковъ «ханскимъ гетманомъ» Стецемъ до сихъ поръ не были подробно извѣстны.

Мы постарались передать содержаніе «Сборника» только съ его формальной стороны, но не имѣемъ никакой возможности отмѣтить всѣ заключающіяся въ немъ новыя данныя южнорусской исторіи, а ихъ весьма немало, если не въ отношеніи крупныхъ фактовъ, то ихъ подробностей, нерѣдко существенныхъ и характерныхъ. Во всякомъ случаѣ, «Сборникъ» представляетъ крупный и интересный вкладъ въ число первоисточниковъ русской исторіографіи. За достоинства

самого изданія достаточно ручается научная солидность всѣхъ вообще изданій кіевской коммиссіи и почтенное имя В. Б. Антоновича. Въ концѣ книги—два указателя, именъ личныхъ и географическихъ. Неточностей въ нихъ мы не замѣтили. Сомнительнымъ намъ показалось только пріуроченіе бродовъ «Каменнаго» и «Царскаго» къ р. Роси, такъ какъ въ документѣ хотя и идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ главнымъ образомъ на переправахъ черезъ эту рѣку, но пораженіе ихъ Байбузою (фамилія земянъ винницкихъ) могло имѣть мѣсто и въ сторонѣ отъ нея, а въ такомъ случаѣ первое изъ этихъ урочищъ можетъ быть отождествлено съ нынѣшнимъ селомъ Каменнымъ Бродомъ въ звенигородскомъ уѣздѣ. Въ спискѣ именъ лицъ находимъ польскаго писателя Зеленивицкаго (такъ и въ предисл., IV), но приведенное въ сноскѣ къ тексту (20) полное заглавіе сочиненія позволяетъ предполагать подъ латинизованной формой имени и коренную «Зеленевичъ», если, конечно, на послѣднюю нѣтъ болѣе прямыхъ указаній.

Ив. Новицкій.

П. Голубовскій. Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1889. Стр. 28.

Г. Голубовскій, издавшій ранѣе, кромѣ другихъ работъ, два изслѣдованія по русской исторіи («Исторія Сѣверской земли до половины XIV стол.», 1881 г., «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII вв.», 1884 г.), въ послѣднемъ трудѣ затронулъ вкратцѣ вопросъ о поселеніи половцевъ въ Венгріи. Настоящая небольшая брошюра является цѣннымъ дополненіемъ прежнихъ изученій автора по этому вопросу и немаловажнымъ, несмотря на всю свою скромность, вкладомъ въ сокровищницу русской исторіи. Движеніе въ Венгрію кочевниковъ, игравшихъ такую важную роль въ раннемъ періодѣ русской жизни, явилось результатомъ переворота, происшедшаго въ области древнѣйшихъ и затѣмъ позднѣйшихъ русскихъ разселеній, въ степяхъ южной Руси. Обстоятельства, при которыхъ половцы явились въ чужую землю, условія ихъ новой жизни, постепенное приноровленіе къ чуждому государственному строю, видимое сліяніе съ преобладающимъ племенемъ—таковы моменты, на которыхъ сосредоточено вниманіе автора разсматриваемаго изслѣдованія, съ великой добросовѣстностью собравшаго въ разбросанныхъ и мало доступныхъ обыкновенному читателю

источникахъ крупицы истины и сгруппировавшаго эти disjecta membra въ цѣльную картину. Обработанныя г. Голубовскимъ данныя хроникъ и документовъ даютъ богатый матеріалъ для сравнительнаго изученія ранняго періода русской исторіи. Сложный и недостаточно разъясненный еще химизмъ сліянія двухъ народностей, чуждыхъ по крови и языку, то новое, что вносится въ основной типъ привходящею народностью въ отношеніи бытовомъ, антропологическомъ, въ области языка, учрежденій и народной экономіи вообще—все это вопросы высокой сложности, для полнаго уясненія которыхъ чисто-историческое изученіе недостаточно. Тѣмъ не менѣе, исторія стремится внести свою свою посильную лепту въ общую сокровищницу науки, указываетъ внѣшнія рамки и формы явленій, и въ этомъ смыслѣ заслуга историческихъ изученій должна быть признана немаловажною. Г. Голубовскій ограничился скромной задачей сгруппировать доступный ему сырой матеріалъ и, въ намѣченныхъ границахъ, выполнилъ свою задачу со свойственною прежнимъ его работамъ ясностью, полнотою и безпритязательностью.

Очертивъ данныя о раннихъ сношеніяхъ половцевъ, обитавшихъ на Руси, съ Венгріей, авторъ показываетъ затѣмъ, что кочевники въ новомъ отечествѣ были предназначены для служебной роли—защиты пограничья, изслѣдуетъ, гдѣ именно было разселено половецкое племя въ Венгріи, отмѣчаетъ политическую роль кочевниковъ въ развитіи венгерскаго государства, отношеніе ихъ къ королямъ и аристократіи, возрастающее сближеніе половцевъ съ представителями венгерской народности и весьма тщательно сводитъ имѣющіяся въ документахъ и хроникахъ скудныя данныя для характеристики внутренняго и религіознаго быта присельниковъ на новой ихъ родинѣ. Въ 18 в. уже окончательно утрачивается знаніе половецкаго языка, и единственнымъ памятникомъ послѣдняго остается случайно сохранившееся «Отче нашъ»: потомки кочевниковъ нынѣ говорятъ по-венгерски.

Для всесторонняго изученія южно-русской исторіи брошюра г. г. Голубовскаго, повторяемъ, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ.

Н. М.

Бѣлорусскія древности, изданныя А. М. Сементовскимъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго московскаго археологическаго общества. Выпускъ 1-й, съ 106 изображеніями разныхъ предметовъ древностей въ текстѣ и литографическимъ приложеніемъ Спб. 1890.

Первый выпускъ «Бѣлорусскихъ древностей» г. Сементовскаго, вышедшій на дняхъ, посвященъ описанію древностей витебской губ. и представляетъ переработку по новымъ даннымъ книжки того же автора, изданной въ 1867 г. подъ заглавіемъ «Памятники старины витебской губ».

Мы не станемъ распространяться о пользѣ изданій описанія памятниковъ древностей отдѣльныхъ областей нашей родины, такъ какъ это значило бы повторять общее мѣсто и всѣмъ теперь понятную истину, но все таки мы должны остановиться немного на взглядѣ самого автора на свою работу, чтобы выяснить, что желаетъ онъ дать. «Мы не намѣрены—говоритъ г. Сементовскій—предлагать читателю строгаго историческаго описанія памятниковъ, такъ какъ въ рукахъ нашихъ все еще нѣтъ такого запаса фактовъ, который необходимъ для того, чтобы провести точныя границы при распредѣленіи предметовъ мѣстной старины, не только по вѣкамъ, но даже по народностямъ и эпохамъ: мы желаемъ лишь сохранить для потомства тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія и указанія о разсѣянныхъ на всемъ пространствѣ нашей и отчасти сопредѣльныхъ губерній памятниковъ старины и собрать, по возможности, въ одно мѣсто тѣ немногія о памятникахъ этихъ замѣтки, какъ наши, такъ и другихъ писателей, кои разсѣяны въ разныхъ книгахъ и газетахъ» (стр. VII). Изъ этихъ словъ автора видно, что онъ не придаетъ строго-научнаго значенія своей книгѣ и не намѣренъ дать какихъ нибудь новыхъ выводовъ; его цѣль—собрать, по возможности полно, археологическій матеріалъ, могущій принести пользу послѣдующему изслѣдователю. Мы также не можемъ назвать строго-научной разбираемую книгу уже по одному тому, что въ ней приводится ссылка на журналъ «Ниву» (стр. 78), находится немало пространныхъ разсужденій о значеніи археологическихъ раскопокъ и т. п. Но цѣли своей «Бѣлорусскія древности», безъ сомнѣнія, удовлетворяютъ, и всякій, занимающійся археологіей и исторіей сѣверо-западнаго края, найдетъ въ нихъ немало полезныхъ указаній и свѣдѣній.

Первый выпускъ «Бѣлорусскихъ древностей» раздѣленъ на 7 главъ: 1) Могильные памятники витебской губ. 2) Замки и замчища.

3) Находки внѣ кургановъ. 4) Памятники каменнаго вѣка. 5) Камни съ древними надписями. 6) Древніе храмы витебской губ. 7) Древніе церковные предметы.

Описаніе могильныхъ сооруженій расположено авторомъ по уѣздамъ. Не безъинтересно вкратцѣ познакомиться съ нимъ. Курганы («могилы») городокскаго уѣзда могутъ быть раздѣлены на 3 вида: 1) полевые, распаханные, едва возвышающіеся надъ почвой, 2) могилы кучныя, насыпанныя одна возлѣ другой болѣе или менѣе правильными рядами, высотою отъ $1^1/_2$ до 2 арш. и окружностію отъ 5 до 8 саж. 3) могилы одиночныя, возвышающіяся на 3—10 арш. при окружности отъ 30 до 90 арш.—Типомъ кучныхъ могилъ могутъ служить Стайковскіе курганы: «одни изъ нихъ, совершенно круглые, стоятъ какъ бы особняками, иногда нѣсколько вмѣстѣ въ рядъ, при чемъ самый высшій изъ нихъ по срединѣ группы; иногда безъ всякаго, повидимому, порядка, иные, какъ бы окружены рвомъ, иные, наконецъ, продолговатые, овальные или четыреугольные, эти послѣдніе бываютъ весьма велики» (стр. 4). Типомъ одиночной могилы можетъ служить курганъ Буда (стр. 4). Курганы, находимые въ другихъ уѣздахъ витебской губ., также подходятъ подъ эти 3 указанные вида могилъ (стр. 16, 19 и др.).

Изъ могильныхъ сооруженій наибольшій интересъ представляютъ такъ называемыя городища. Форма ихъ или круглая (стр. 5, въ урочищѣ Кобылицѣ; въ городищахъ Заборищѣ и Иванихѣ, стр. 10; въ имѣніи Неведрѣ, стр. 11), или подковообразная (городище на мысѣ оз. Езерища, 11 стр.; два городища козаковской волости, стр. 33); одинъ разъ встрѣчается валъ, согнутый почти подъ прямымъ угломъ (стр. 6). Входъ въ городища или съ запада (стр. 5) или съ ю.-з. (стр. 10), чаще съ ю. (стр. 11, 33). Городища обыкновенно обводились двойнымъ валомъ и рвомъ (стр. 5, 10, 33). Окружность круглыхъ городищъ простиралась отъ 75 до 100 саж.; подковообразныхъ—отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ версты. Глубина рвовъ отъ 1 до $1^1/_2$ саж. (стр. 5), ширина—отъ 1—2 саж. (стр. 10, 33).

Что касается эпохи, къ которой можно отнести могилы и курганы, то, судя по найденнымъ вещамъ, они принадлежатъ частью къ каменному, частью къ бронзовому вѣку (см. стр. 11, 14, 23 и др.). Могилы эти служили мѣстомъ погребенія покойниковъ. Самый способъ погребенія въ эту эпоху г. Сементовскій описываетъ такъ: «Изслѣдованные въ лепельскомъ у. курганы, какъ велики ни были, не заключали въ себѣ однако болѣе одного покойника, который обы-

кновенно лежалъ на поверхности земли; а надъ нимъ насыпанъ курганъ. Земля для этого употреблялась изъ ближайшаго могилѣ пространства. Отъ этого вокругъ могилы образовалась канава, и только въ одномъ мѣстѣ оставлено узкое пространство, вѣроятно для всхода на вершину кургана. Въ нѣкоторыхъ могилахъ трупъ положенъ поверхъ слоя угольевъ, золы и березовой коры, сохранившейся почти въ цѣлости. Направленіе тѣла всегда отъ востока къ западу, т. е. головою на западъ» (стр. 27). Нельзя не замѣтить здѣсь, что этотъ способъ насыпки кургана и погребенія вполнѣ соотвѣтствуетъ способу похоронъ, опредѣляемому раскопками въ такъ называемыхъ древлянскихъ могилахъ возлѣ г. Житомира. (См. Гамченко. Житомирскій могильникъ. Житомиръ. 1888 г. стр. 98—107).

Въ разобранной нами первой главѣ «Бѣлорусскихъ древностей» автору слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, выпустить массу легендъ и народныхъ преданій, которыя ничего въ сущности не разъясняютъ. (См. напр. стр. 3, 4, 5, 10, 11, 12, 20, 21, 24). Въ одномъ мѣстѣ самъ г. Сементовскій сознается въ томъ, что преданія, приводимыя имъ, не имѣютъ значенія для археологіи и исторіи, а если имѣютъ какое нибудь значеніе, то только какъ этнографическій матеріалъ: «Хотя разсказы эти—говоритъ авторъ—не могутъ пояснить исторической судьбы городища, но тѣмъ не менѣе они представляютъ любопытные образцы народныхъ вѣрованій, почему и помѣщаемъ ихъ на страницы нашей книги» (стр. 9). Но автору не слѣдуетъ забывать, что книга его посвящена не чему иному, какъ бѣлорусскимъ *древностямъ*. Далѣе, лучше было бы, если бы авторъ не очень долго останавливался на изложеніи мало доказательныхъ гипотезъ какъ чужихъ, такъ и своихъ (см. напр. на стр. 28 разсужденіе о томъ, какъ объяснить появленіе монеты XVII в. на челѣ скелета, погребеннаго несомнѣнно по языческому обряду).

Тѣсно къ первой главѣ примыкаютъ описанія раскопокъ и находокъ внѣ могилъ. Впрочемъ, описанія эти у г. Сементовскаго очень часто неточны. Приведемъ одинъ примѣръ: «Въ 1877 г. крестьянскія дѣти деревни Папортной, роясь въ пескѣ, нашли глиняный горшечекъ съ 5 большими и 753 малыми серебряными монетами. Въ томъ же году крестьянскій мальчикъ села Запалы... нашелъ 100 старинныхъ монетъ, именно: 90 оръ и солидовъ; 8 русскихъ копѣекъ и 2 иностранныя» (т. е. копѣйки?) (стр. 75). Правда, такая неточность зависитъ отъ неполноты оффиціальныхъ донесеній витебскаго статистическаго комитета; но автору, намъ кажется, слѣдовало бы по

крайней мѣрѣ собрать свѣдѣнія, гдѣ найденные предметы въ настоящее время находятся. Неудачно также отступленіе автора о мордовскихъ погребальныхъ обычаяхъ (стр. 67, 68).

Что касается плана труда, то намъ кажется, что непосредственно за первою главою слѣдовало бы помѣстить главу о находкахъ внѣ могилъ, а затѣмъ вообще о памятникахъ каменнаго вѣка, а не разъединять эти такъ тѣсно связанныя между собою части описаніемъ замковъ и замчищъ.

Въ пятой главѣ авторъ даетъ описаніе камней, находящихся въ рѣкахъ и покрытыхъ изображеніями крестовъ и надписями, но вопросъ о времени, къ которому можно было бы отнести эти памятники старины, остается еще до сихъ поръ нерѣшеннымъ.

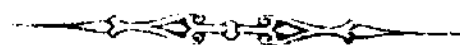
Изъ описанія древнихъ храмовъ видно, что ихъ немного, что большая часть построена не ранѣе XVII в. Относимыя же къ XII и къ XIII вв. церкви Спаса и Борисоглѣбская подверглись очень значительнымъ передѣлкамъ и перестройкамъ. Не безъинтересно также описаніе древнихъ церковныхъ предметовъ, какъ то: крестовъ, иконы, митры (не вполнѣ основательно приписываемой авторомъ епископу Антонію Силявѣ) и двухъ евангелій.

Вотъ вкратцѣ разнообразное содержаніе книги г. Сементовскаго.

Сравнительно съ первымъ изданіемъ «Бѣлорусскія древности» пополнены немалымъ количествомъ новыхъ данныхъ. Особенно дополнены свѣдѣнія о могилахъ въ полоцкомъ (стр. 13—19) и лепельскомъ у. (19—22). Вторая глава также подверглась немалымъ дополненіямъ (стр. 46—48, 55—58), къ ней также приложено нѣсколько рисунковъ и плановъ (въ 1-мъ изданіи во 2-ой главѣ былъ всего одинъ рисунокъ). Вновь помѣщены главы IV (стр. 78—91) и VI (102—122 стр.); значительно дополнена послѣдняя седьмая глава (стр. 123—136).

Несмотря на нѣкоторые, указанные выше недостатки, трудъ г. Сементовскаго долженъ, по нашему мнѣнію, стать настольною книгою всякаго, занимающагося исторіей Бѣлоруссіи.

Арк. Лященко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 15-го Марта 1890 г.

№ V.

Лѣчебникъ.

Врачебникъ сѣменъ и травъ, переведенъ зъ греческаго диалекта мароссійской (s.) его превосходительствомъ (господиномъ?) генералъ порутчикомъ (докторомъ?) бывшимъ 1776 года.

(Начала недостаетъ).

О сѣмѣи маковомъ. Макъ симье есть мокрой и зимной натуры, а силу в себѣ имѣеть таковую: аще кто на-дще сердца такового молока стаканъ изопꙇеть, тому умаляеть нечистоту.

Такожде молоко зьдѣлавши и тѣло мазать въ ночи, ежели огънь имѣется, втоляется от него.

Оное жъ маковое молоко пить, кому неспится.

Маку же спалити, смешать с виномъ и пить, въ кого отдишка важка.

Макъ такожде мѣлко сътолкти, класть около очей, въ кого огнь въ очахъ.

Макъ съ уксусомъ и съ яичнимъ жолтъкомъ смешавши и мазать, въ кого ноги, илы скорчить жилу, то мазать темъ же макомъ, то ползуеть.

О горчицѣ белой. Горчиця бела горяча и мокра. Аще кто в стравѣ исть, то доброе стравление дѣлаеть.

Кто неможетъ урины пущать, аще въ чемъ либо ѣсть часто, то умаляеть кашоль (s.).

Его жъ (s.) смешавши с медомъ приснимъ и мазать, и изгоняеть лишаи.

Бѣлой горчицѣ (s.) отъ фебри мазать черево прежде трясения.

О мятѣ. Мята есть зелие доброе и велмы запахъ имѣеть изрядний. Силу въ себѣ сицевую имать:

Наваривши ее съ виномъ, которого бы дня кто на-дще напился рано, того дня неупьется никакимъ напиткомъ.

Також гдѣ накласть ее въ плате, то небудеть моль портить.

Такожде наварити ее в винѣ илы в водѣ и пить на-дще, то вьсю вънутреность обновляеть своею силою и всю гниль вигоняеть [1]).

Также наварившы ей в водѣ и процедить скрозь платъ и чрезъ ночь поставить накрито, и поутру пить, то всю сътуденость(и) нечистоту тѣлесную вигонить.

Илы въ кого въ устахъ ценга, то тую мяту варить в водѣ и полоскать.

Въ туюжъ воду вмочить платокъ и класть на язикъ, то болѣзнь подязичную лечить.

Въ кого болить сердце, то мяти наварить въ уксусѣ съ преснимъ медомъ и пить на-дще.

Илы въ кого горло болить, тоею жъ водою выполоскать.

Такожде мяту в винѣ намочить, на-дще поутру пить, то обновляеть въ человѣкѣ умъ, а на нѣсколко минутъ разумъ его помрачится.

О хринѣ. Хрѣнъ есть мокрой и теплой натуры. Содержует в себѣ силу сицевую: кто его рано на-дще изопеть илы ясть, тому придаеть теплоти и апетитъ къ ядению, а силою своею вигоняеть излишние розние рѣчы.

Того жъ хрѣну на малие куски покри(ши)вшы, и какъ выпустить изъ себе сокъ, посипавшы соллю и поставить на чадъ (s.), и процедить скрозь платокъ, и пущать въ ухо, то всю глухоту вигоняеть.

О редкѣ бѣлой. Редка белая содержуеть въ себѣ таковую силу: кто ее на-дще исть, то волготности и фълягмы небываеть, и что запечется въ сердцѣ, въ персахъ, мягчить и своею горкостию прогоняеть, и буды въ которомъ животѣ вънутри робаки есть, то от редкы погибають.

О редкѣ черной. Редка черная силу имѣеть сицевую: варить ее въ уксусѣ и исть на-дще, кому мало апетиту.

Тую жъ редку сушить, изтолкти мяко и сипать на рану, то скоро заживаеть.

---

[1]) Сырку, Отрыв. мр. простонародн. лѣчебн. 9.

Тоей же редки сѣмье толкти мѣлко и мѣшать с' приснимъ медомъ по(то?)пронесение проходить и все злое, и здравъ будеть.

О рѣпѣ. Рѣпа есть теплой и мокрой натуры, а силу имѣеть такову: аще наварить и на-дще ясть, то мокроти лихие внѣ (?) в персахъ и в чревѣ умягчиваеть.

Аще въ кого вънутри палить, то рѣпу исты и пить сокъ ее с маковимъ молокомъ илы с оливою, и ползовать можеть.

О морквѣ огородной. Морковъ огородная есть студеной натури. Взявши моркви, наварить в водѣ съ преснимъ медомъ и пить тотъ сокъ на-дще, то въ боку (?) болѣзнь изгоняеть.

Морковного сѣмени да рѣпяного възявши, варить в водѣ, пить тому человѣку, который спорченъ есть то порчъ виведеть зъ человѣка.

Морковъ толкти мѣлко съ хрѣномъ и мазатся по всему тѣлу, на которомъ свербъ,—ползуеть.

Аще кто исть сирую морковъ, то животъ мягчить.

О льяномъ сѣмены. Аще въ кого носъ страждеть нежитомъ, то в'звявшы сѣмя сего на угляхъ палить и дух в нос пущать.

Тоежъ сѣмья варить въ водѣ и прикладать, в кого лихие чирии илы болячкы, то витягнеть и скоро заживеть, загоится.

Аще кто опалится илы опарится окропомъ, то възявши сѣмене ильяного и сварить в водѣ гораздо, и обмочовати платокъ, прикладать, и огонь витягнет, и загоится;

наваривши жъ съ виномъ пить, всѣ болѣзни, и какая мокрота есть, то върачуеть, и сердце немощное здравить, и всю вънутреную болѣзнь исъцеляеть, задомъ илы устамы.

Такъ же, кого февра держить, наварить солнечнику в водѣ и пить тепло чрезъ три дни, а наилучше упредить ее приходъ.

О чорнобѣлѣ. Чернобѣль огородняя трава велмы дивна честна от хитрости и от всякого зелия, есть всѣмъ зелямъ маты, а силу въ себѣ имѣеть такову:

Когда болѣзнуеть кто на голову, то чорнобѣль съ коренемъ выкопавши, изсѣкти на дробно и варить с виномъ илы съ уксусомъ чрезъ два часа да проточить скрозь платокъ и тѣмъ голову мить,

какъ би можно стерпѣть от горячести, чтобъ спотѣть; тотъ чорнобѣль въсякую болѣзнь зъ голови вигоняеть, а тое дѣла(ть) три дни илы болше, да тот же чорнобѣль былъ би свѣжой, ибо лучше ползуеть.

Такъ же когда держить фебра, то наварить чорнобѣлю в водѣ и пить тепло, то вийдеть въращаньемъ илы афадрономъ, а пить на-дще [1]).

Такъ же кто притомится от хожденія, ползуеть чорнобѣль.

О кропъвѣ болшои. Кропиви болшои сѣмя с'толкши мѣлко, и смешать съ медомъ приснимъ и пить с виномъ, то кашель старий из грудей изводить и мужескому полу сътомахъ подкрепляеть [2]).

Тую жъ кропиву толкти и приложить мало соли и мазати старие рани,—скоро заживуть.

И тоеи же кропиви сѣмя совокупя с пресним медомъ ясть, кто неможет урину пущать.

Зъ тоеи же кропиви видавивши сокъ и пущать въ ухо, то болѣзнь въ головѣ и въ ушахъ и во всемъ тѣлѣ усмирится.

Корѣнье кропивное толкти мелко и смешавъ с' вином и прикладивать к грудямъ, въ кого печенка и легкое болить, то ползуеть.

Илы на которомъ человѣку желто на лицѣ будеть, то то(т) кропивний сокъ с виномъ пить и ползуеть.

Аще въ кого гризь въ ногахъ, то листи кропивние толкти и прививать до ноги ис солю, утолити можеть.

О кропивѣ малой. Кропива малая въ себѣ содержить силу сицевую: Аще кто ее наваривши с виномъ винограднимъ или зъ уксусомъ без солы ясть на-дще, то ввесь зной (?) и дрожъ, котории въ стомахе содержатся вигоняетъ зъ внутра афадрономъ, котории родится вънутры от недостичних яблокъ илы какихъ нибудь недоспѣлихъ овощей.

---

[1]) Сырку, l. c. 10.

[2]) Флоринскій. Рус. простонар. травн. и пр., 112 (Hortus amoenus).

Тоеи же кропиви сътолъкти з соллю да з белкомъ яичнимъ да з саломъ крячьимъ (s.) и в теплѣ мазатся, то вся съверб̃ъ погибнеть, и то дѣлать тры дны.

Тоеи же кропиви малой сѣмье столкти, смешавши с медомъ прѣснимъ, пить тому человѣку, кто на поперекъ болѣзнуеть и мазать в митнѣ (?) поперекъ.

Сѣмье варить, совокупя съ медомъ, кропивное отъ жаби во устах илы въ кого горло опухло.

Отъ злихъ болячокъ листы кропивние толкти мелко з соллю и прикладать.

Кого уязвить скажена собака, кропивы наварить въ маслѣ конопляномъ илы с оливой и до раны прикладать.

Въ деревяномъ маслѣ варить кропиву жъ, въ кого ноги опухли, прививать платкомъ.

Також кропиву ту, котороя зѣмою держится зелена, сваривши ее, на-дще пить, от утробы ползуеть.

О болшомъ подорожнику. Подорожникъ естъ доброе зѣлие. Аще въ кого очы напухли, то взять с' подорожнику соку и тѣм мазать очы.

Смешать зъ уксусомъ и пить, в кого на низъ несеть.

Листие жъ подорожникъ сътолкти мелко и съмешать зъ белкомъ яичним и зъдѣлать плястеръ и прикладать к ранѣ, с которой рани кровъ идеть, то уймется (s.).

Тот же сок пить на-дще, которого фебра держить, за два часа передъ тѣмъ, какъ имѣеть прийти.

Тотъ сокъ пускать въ уши, у которого уши болять.

Тотъ сокъ смешать з оцтом и пить на-дще, кто кровъ плюеть.

Листье ж его сътолкти мелко и совокупить зъ медомъ и варить добре, съ того здѣлать плястеръ и прик'ладивать ко всякой зълой ранѣ,—загоится.

Тотъ же подорожникъ столкти мелко и смешать съ яичнимъ белком и прикладивать на жжено тѣло,—загоится.

От зубовъ болѣзнующихъ. Възявши блекотное насѣня и всукать оное въ восковую свѣчку, и налить въ миску води, възять

жестяную лѣйку и приложить трубкою до болного зуба и схилится над миску, а свѣчку, запаливъ, подложить под лейку, чтобъ тотъ духъ въ трубку доходилъ до болного зуба, и тогда увидишъ самъ з болящого зуба випадающие черви подобиемъ орѣховихъ робачковъ в воду.

На кашель и хрипоту толко согрѣть с чесником (?) и варить доволно, пить на-дще.

О зельи кудравъцѣ. Кудравець имѣеть силу такову: аще в кого урина запрется, то кудравець в водѣ зварить добре и пить на-дще болному,—того жъ часа проженеть урыну.

Лекарство о слѣноду и канцеру. Перепалить синего камья (s.) въ слоику скляном в простой горѣлци на свѣчки, к тому жъ перепалить галуну и дубровки корѣнья, и то все совокупить въ горщикъ, замазать тѣстомъ и варить доволно, и тѣмъ полоскать горло поутру и вечеру, и ползовать можеть.

О страндурии (s.) *урины.* Камень синий въ горѣлцѣ простой на свѣчки перепалить и тѣмъ в тайномъ удѣ за... ва.... ск.... кра... (не разобрано). Оное досвѣчено.

Лекарство на дисентерию. На бегунку кровавую с'таль бочковую терти пилкою илы терпугомъ мѣлко и палить съ оцтомъ, такъ чтобъ една толко жужелиця осталась, и ту жужелицю стерти на прошокъ и пить в простой горѣлцѣ.

Ту с'таль бочковую възять клѣщами штичникъ (?) и палить въ горну сталь, чтобъ стала, какъ огонь, и тогда, винявши зъ горна, и полить води, и под тоею водою тую сталь сѣркою помазовать, от которои сѣрки пластеръ будеть в воду падать, и винявши с води стерти на мѣлкий порошокъ и пить въ горелки, то поможеть лѣкарство.

Отъ всякихъ рубанихъ и резанихъ ранъ. Молоко коровье пресное варить з сировцемъ, плястеръ здѣлавши и платками привязивать, и лежать долъго прикривши, и будеть здравъ.

С краму—цинб.... котор.... в чаю пить от кашлю.

О маломъ подорожнике. Подорожникъ малой есть потребний, аще буды кто спорченъ на желудке въ стомахе, то възявши

онаго подорожнику, и видавить зъ него сокъ и пить и зелие ясти, то порчъ вигонить в скором времени.

Еще жъ того подорожнику столкти мелко совсемъ и положить в винѣ, и прикладивать, гдѣ болять кости, что весма ползуеть;

а при томъ сей же подорожникъ пить тому человѣку, которий на феbру страждеть.

Такимъ же образомъ дѣлать, в кого вънутри болить или в кишках колеть.

О вышняхъ. Вишнѣ есть натури хладнои и мокрои. Кто их часто ясть, то чрево умягчиваеть и пропущение дѣлаеть уринѣ; а кто ихъ поутру ясть, то задавнившиися кашель минуеть; илы ꙁлей вишневий кто поутру ясть, тоежде творить и лице человѣку чистить красно, и побуждаеть к ядению.

Уксусъ варить с медомъ, въ платокъ вмочивши прикладивать до болних очей, то вийдеть очная болѣзнь.

Водку вербовую и сокъ вербовой надобно держать в бутилке и рано, чистой омочивши платокъ в той водке и прикладивать къ болним очамъ.

Таkожде, кто таковую содержить при дѣтяхъ, то тѣхъ дѣтей нѣкто неможеть уректи.

О калгане. Калганъ есть зелие сухое и теплое, а содержуеть в себѣ различние силы. Аще кто когда кровъ пущаеть, то възять калгану въ свои уста, и кровъ зъ себе выпущаеть зълую.

Кому смрадъ идеть изъ устъ и изъ зубовъ, то ясти рано калганъ, и ползуеть.

Той же калганъ смешать столкши, то въ скоромъ въремены немощной жолудокъ виздоровить.

Еще жъ, кто поутру оного выпеть в водѣ илы под язикомъ держить, то рѣчы вдачно и мовно бувають.

О имбере. Аще кто его на-дще ясть, то от флягмы перса, сердце, очы очыщаеть, мок'рости от сердца изгоняеть, животъ залобленний (s.) согрѣваеть и немощний желудокъ укрѣпляеть.

О листвии дубовомъ. Аще его кто изсушить и мѣлко изтолкши въложить в носъ, въ кого идеть зъ носа кровъ, то уймется.

Аще кто кровъ плюеть, илы в кого зеленая болѣзнь имѣется, илы в кого глаза и сердце болить, илы стомахъ есть немощенъ, илы кто умлѣваеть; тому в винѣ илы в пивѣ надобно пить,

Илы кто на голову болѣзнуеть, илы въ животѣ бурчить, илы камень въ мошнахъ илы въ луне,—ползуетъ сые листие ясты мужескому полу у страве.

Тожъ ползуеть и от повѣтра.

Любистку възявши, видавивши сокъ, и мазать лишаи, в скорости изгинеть лишай.

О циномонѣ. Аще кто часто рано употребляеть, то кашель упокояеть; два раза—тяжесть въ персах отганяеть, три раза—мозгъ легчить и очы, четыре раза—всю сипкость от горла изгоняеть.

Тако жъ, кто ясть с пшеничним хлѣбомъ часто, то голову от болѣ уздоровляеть.

О цытварѣ. Цытвар, аще кто его поутру ясть, то перса от флягмы чистить и, что было въ желудке несъправлено, все то поисправить, а давнюю болѣзнь илы болячку мощию своею вигоняеть.

О перцѣ зернятомъ. Перецъ есть зелле сухое и теплое, а содержуеть силу такову:

Аще кто его поутру ясть илы пьеть, то всѣ мокроти в персахъ от сердца высушает, и окормъ вигонит, и очищаетъ в стомахе и согрѣваеть холоднои натуры; въ горячей неползуеть, ибо очамъ шкодить и кашель творить и умножаеть.

О гвоздикахъ. Аще кто их поутру ясть с чемъ илы п'еть часто, весма мозгъ утверждаеть и голову изгоняеть, и смрадъ изъ устъ избавляеть; из виномъ пить—глазъ тончить.

О кардамонѣ. Аще его кто часто употребляеть и семье его съмешавши з виномъ и з ганусомъ п'еть на-дще, боль головы отгонить, и трясение отидеть;

Аще кто мало ясть, ап(ет)итъ привлекаеть на-дще, от чего человѣку дрожесть (?) дѣлаться можеть.

И в кого на ногахъ старие болячки, то тотъ же кардамонъ съмешавши зъ шафраномъ и съ яичнимъ желткомъ, мазать болячки симъ весма ползуеть.

О корице. Кориця есть зелля прекрасное, потребное ко всякимъ кушанямъ. Взявши ее столкти мелко и смешать ее с пресенимъ медомъ и мазать тому человѣку, в кого под глазами красно илы синіо; кто же ее ясть сухо, то голову его оздоровъляеть.

О чербцѣ (s.). Чербець есть зелие горячое и сухое, во многихъ огородахъ ростеть, а паче на поляхъ, котор(ого?) кришать и варять в винѣ, и пить на-дще, то урину зъ нутра вигонить, которая человѣку боль творить и в лунѣ, и в персахъ болше всего зароживаетсяя.

Илы кто болѣть будеть от горобы (s.) мо . . . . . то есть болячки въ головѣ, уволняеть, которая человѣку въ мозгу; таковий въ ночи горить, хотя мало и спить, но по хоромахъ лазить въ снѣ; таковому възять в чербце (s,), котор.... истолкти, смешать с виномъ и тѣмъ голову мить часто, ползуеть.

О ганусѣ. Ганус имѣеть силу такову:

Аще в кого голова вертится илы лице опухнеть, възяти ганусу и положить на огонь да тотъ димъ в носъ пускать.

Который человѣкъ неслишить илы болѣзнь будеть имѣти во ушахъ, тои же ганусъ столкши мелко и просѣять и смешать с рожевим масломъ и пущать въ ухо,—весма ползовать можеть.

Тои же ганус тому человѣку ясты на-дще, у кого вода заиметсяя;

да таковой же ганусъ ясти сухо, въ кого болѣзнь вь рукахъ и который дрижить ввесь, и естьли похощеть от тѣхъ волнимъ быть, то взявъ ганусу, да маслину [1]), да корицю, варить в винѣ и пить на-дще,—поможеть.

О бобкахъ. Бобки суть теплие и мокрие, а силу имѣють такову: аще кто столкши з солю из вином зогрѣеть и пить надще будеть, то ввесь окормъ от сердца вигоняеть.

---

[1]) У Флоринск. I. с. 76—7 „мастики".

Также которая тра(с)ця приходить студено, то силою вигоняеть и добрие поты даеть.

Аще кто болшим потом смердячим обложенъ, то взявши три бобки, три коренни бедринцу, исти и пити поутру, и тѣмъ отведеть потъ смердячий.

О бобку огородномъ. Бобъ огородний—теплой и мокрой натуры. Аще кто его вареного ясть с козиним молокомъ, тому въ жулудке (s,) здравость дѣлаеть и добротравление творить, легчить, сонъ ко упокоению даеть.

Да аще кто ӟиловий илы унилъ есть, то взять столкти з медомъ преснимъ, мелко, смешать на-дще исти.

О кропѣ огороднемъ. Аще кто его столкши, смешавъ с виномъ и ѣсть на-дще, то вигоняеть с человѣка окормъ.

Да также смешавши с присним медомъ, у кого очи болять и зуби, лечить.

Также сокъ кропивной и съ насенемъ его упустить въ ухо, в кого робачки въ усѣ есть, уморить.

Также сокъ кропивной с виномъ варить и поутру пить, то слюзную (s.) лечить болѣзнь.

Того жъ кропу аще би кто наварилъ в воде или в пиве, напился рано, то может лечить, в кого болѣзнь камена, илы въ луне, илы въ мошонце, илы всякую болячку, когда ростеть под пупомъ, то виженеть, и горячесть лишнюю из стомаха, и ядра, и луно оздравляеть.

Аще кто сваривши над сим зелемъ хотя мало что подержить прикривши, такъ чтоб моглъ паром изойты, аще теплого на руку наложить, то потом изойдеть;

и аще въ кого усовы в бокахъ бивають, то пить насѣне кропивное и прикладать к боку, аже би по всякъ день, то моложавъ (?) будеть.

О полине траве. Полинь трава взявши зъ оцтомъ и сахаромъ насипать для сладосты или меду пресного положить да пить тому человѣку, в которого черви внутре, то умруть и человѣкъ здоровъ будеть;

а въ которого въ ухы черви, того жъ полиню видавить сокъ и пущать въ ухо, то и тамъ червы умруть.

Того жъ соку з уксусомъ да пресного меду сваривши, пить на-дще, то что есть въ нутре испорчено, направить и вигонить огонь ввесь, и будеть здоровъ.

Тую жъ траву съ уксусомъ смешать и положить въ уста, у кого воняеть илы ценга, то изгонить;

а буды въ кого вънутре опухло илы лихое мясо, то тую жъ траву столкшы мелко, и съмешать зъ уксусомъ и варить и пить;

за тую траву варить зъ водянимъ масломъ и мазати по животу, в кого спорчена печенка или гризь.

О кропе. Кропъ имать силу такову:

Пить тому человѣку, которому неспится; съ его сокъ видавить и тѣмъ мазать голову, и будеть спать.

Аще в кого болѣзнь въ ушахъ, то з той же травы и сѣмене вижать сокъ и тое въ уши пущать тепло, поможеть.

И котораий человѣкъ, напившись хотя болно илы мало какова напитка, върацаеть, тую траву варить в водѣ с масломъ конопляннимъ и пить тому, у кого утроба болить, то поможеть.

Тую жъ траву варить в вине или в пиве, пити на-дще, тому в кого водка заимется, поможеть.

Ис тои же трави сѣмье зсушить и, столкши мелко, смешать с медомъ преснимъ и мазаться по всему тѣлу.

Тоей же трави семье сушить и мешать вместе и исти тому человѣку, которому неохота до еди, то имѣтиметь охоту ясти.

Аще в кого болять очи и огонь есть въ ихъ, то възявши тоеи травы, истолкти мелко и положить (на) платокъ и прикладивать къ очамъ, то огонь витягнеть.

Аще тои кропъ варить в водѣ и митця, то всякои болѣзни помогаеть.

КОНЕЦЬ.

ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ О СОБЫТІЯХЪ ВЪ НОВОРОССІИ.

(1740—1806).

Настоящія лѣтописныя замѣтки найдены нами, въ современномъ спискѣ, въ числѣ бумагъ, пріобрѣтенныхъ послѣ умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь въ Кіевѣ, собирателя разныхъ памятниковъ южно-русской старины Щербака. Замѣтки эти принадлежатъ къ разряду тѣхъ „кроничокъ", писаніе которыхъ на югѣ продолжалось какъ видно, и въ нач. настоящаго вѣка. Печатаемая „кроничка" писалась повидимому, въ селѣ Федварѣ, александрійскаго уѣзда, херсонской губ. Запесенныя въ кроничку общеизвѣстныя событія, не разъ напечатанныя,—нами опущены.

А. Л.

1743. Стояла комета зъ великимъ хвостомъ на запади и сарана была.

1747. Октября 23 числа, митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій преставился. И сарана была.

1749. Мамаивщина была. Розбойникъ Мамай, атаманъ гайдамацкій въ Полщи и по Вкраини съ командою своею розбивалъ и грабилъ людей. Того жъ года и сарана ишла.

1750. Іюнь 21 числа. Переясловскій епископъ Никодимъ преставился.

1754. Крѣпость Елисаветъ-градская заложена.

1765. Мотренинскаго монастира игуменъ Мелхиседекъ ѣздилъ въ Петербургъ ко императрицѣ.

1766. Тотъ же игуменъ Мелхиседекъ ѣздилъ въ Варшаву къ королю полскому.

1768. Openлизнякивщина, то есть гайдамащина, была на Вкраини.

1769. Генваря. Татарщина была въ Новосербіи. Орда Осоту (?) брала.

1770. Генваря 13 ч. Взятіе города Журжи, генераломъ-порутчикомъ Штофельномъ. Іюля 19, взятіе города Бендеръ подорваніемъ подкопа графомъ Петромъ Івановичемъ Панинимъ.

1771. Іюня 29 дня. Завоеваніе города Кафи второю арміею, подъ предводительствомъ главнокомандующаго генерала князя Долгорукова.—Моровая язва была въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ.

1775. Пугачъ былъ бунтовщикъ въ Россіи. Того жъ года и Сѣчь разоренна.—Ноября 6 ч., учрежденни новіи правленія намѣсничествъ въ Россіи.

1778. Первое основаніе города Херсона положено.

1779. Ноября 19 дня, преосвященний Тихонъ, бившій епископъ воронѣжский, докончилъ сочиняемую нимъ книгу, називаемую Сокровище Духовное.

1780. Февр. 29. Сгорѣла киевскому училищу принадлежавшая библіотека, въ которой хранилося весма много и рукописнихъ книгъ. Мая 29 ч. Преосвященний Никифоръ, епископъ славенскій, былъ въ Елисаветѣ (Елисаветградъ). Іюля 13 ч. Былъ въ селѣ Федварѣ. Великая зима была; началася ноября 8 и продолжалася до 1781 г. марта до 30 числа. Въ елисаветградскую провинцію и въ другіе места сарана пришла и закопалася на зиму.

1781. На весни зъ земли вийшла, вилупилася и пашни поила.

1782. По всей Россіи сочинялася ревизія; по сей ревизіи гдѣ кто написанъ, тамъ и остался.

1783. Марта 26 и 27 ишолъ снѣгъ великій, такъ же и априля 2—4 ч., ишолъ снѣгъ великій.—Въ Херсонѣ, въ Елисаветѣ, въ Бещци (теперь Мошоринъ) и другихъ мѣстахъ была мо-

ровая язва.—Ханство кримское соединено подъ державою государини Екатерини 2 со владѣніемъ Россійскимъ.

1784. Маія 31 дня. Въ елисаветградской протопопіи и въ селеніи Федварскомъ о священно и церковнослужителяхъ предъ откритіемъ намѣстничества послѣдняя вѣдомость сочиненна.—Іюня 15 ч., въ Кременчуцѣ открылося екатеринославское намѣстничество.—Іюля 1 ч., въ Елисаветѣ елисаветградской открылся уѣздъ.—Мая среднихъ чиселъ лѣсъ Нерубай и землю около селенія Федварскаго и Чорный лѣсъ князю Григорію Потемкину отмежованно во владѣніе.—При окончаніи сего года въ Кременчуцѣ и другихъ мѣстахъ была моровая язва.

1785. Іюня 9 д., преосвященний Викторъ зъ архимандрита слуцкаго въ епископа переяславскаго благочестиваго въ Полщу произведенъ въ Кіевѣ.

1786. Въ Кіевѣ и Малой Россіи монахомъ положенъ новой штатъ, а отъ монастирей вотчини, подданства и грунта поотбирано въ казну.—Октября послѣднихъ чиселъ, монахъ Артемонъ присланъ съ печерского монастира въ Байракъ плоской и монастирскую пасику всю спродали, а ноября 1 ч. отъѣхалъ въ Кіевъ.

1787. Генвара. Въ Кіевѣ было собраніе господъ генераловъ и прочихъ, куда и ея императорское величество Екатерина Алексеевна того жъ генвара прибыла, а оттуда на веснѣ имѣла путешествіе свое Днѣпромъ въ Кременчугъ, Херсонъ и таврическую область, а возвратившися назадъ чрезъ Полтаву, въ Петербургъ проѣхала.

Генваря 31 д. въ селеніи Федварскомъ полученъ указъ о Амвросіи архіепископѣ екатеринославскомъ и Херсониса таврическаго, о его прибытіи на епархію, и о именованіи епархіи славенской и херсонской впредь екатеринославскою и Херсониса таврическаго.

Февраля 9 д. Епископъ сѣвскій Феоктистъ Мачулскій на бѣлогородскую епархію переведенъ.

Априля 30 д. Россійская императрица Екатерина вторая прибыла въ Кременчугъ; маія 3, выѣхала изъ Кременчуга въ Херсонъ.

Августа 24 д. Въ елисаветградскомъ и въ елиопольскомъ и

въ другихъ уѣздахъ страшилище здѣлалося попустому, якобы татари идуть, отчего вси жители, оставя доми свои, бѣжали въ лѣса.

Сентября, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, указомъ запретилъ въ своей епархіи священникамъ на отпустѣ воспоминать печерскихъ святыхъ Антонія и Ѳеодосія, а вмѣсто оныхъ велѣлъ поминать князя Владимера и святыхъ пяти священномучениковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ.

Ноября, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, былъ въ Елисаветѣ.

Декабря первыхъ чиселъ, князь Григорій Потемкинъ слободы свои, находящіеся въ елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ съ лѣсами, отдалъ въ казну, и жителей всѣхъ въ бугскіе козаки опредѣлилъ.

Въ декабрѣ для опасности отъ турковъ, отъ рѣки Буга зо всѣхъ слободъ людей къ лѣсамъ, къ Чорному-лѣсу и Нерубаю позганяли въ слободы его свѣтлости князя Грагорія Потемкина.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ въ князя Ксавелія Любомирского купилъ вотчины на Вкраинѣ полской всю Смѣлянщину.

Православный епископъ переяславскій Викторъ на Вкраину пріѣхалъ, былъ въ Богославьи, Смилянщини, Черкащини и Чигринщини, чрезъ 1788 годъ до сентября.

1786 года, генваря 20 дня, въ Венгеріи близъ города Прагиназиваемомъ Вена, въ рудокопныхъ заводахъ, сысканъ гробъ, въ коемъ гробѣ лежащой нетленной трупъ, котораго въ рукахъ сіи стишки были написанны таблиця, и имя ему Иванъ Бернатъ, и какъ онъ умре, то уже тому прошло болѣе 200 лѣтъ, изъ чего явилося, что онъ былъ искусной математикъ:

„Послѣ Рождества Христова 1788 годъ, кой наступивши собою печалной рокъ принесетъ. Ежели сего года весь міръ не падетъ и ежели ни во что земля и моря не обратятся, то однакъ всѣ государства на землѣ разорятся и вездѣ великая печаль будетъ, отъ Дѣвы рождества Христова 1788. Потомъ наступитъ годъ, приспѣетъ на свѣтѣ того года жалованьная судьба. Да и чуть ли всему

міру вдругъ кончина стихій; есть ли все сему не подпадутъ, то много государства пропадетъ, отчаянныя вопли, страхъ усилится, тогда печалная слѣдствія и разнія рода. Прохожій, посмотри на прахъ здѣсь человѣка лежаща, уже послѣдніи третья вѣка предсказателъ сего Иванъ Бернатъ скончался 1500 года.

1789 годъ, владѣніе года есть планета мѣсяцъ небесный есть быкъ Афродита годъ покажется плодоносной на все, зима будетъ родствена, такъ же и весна, лѣто дожовитое и по сей причинѣ пшеницы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испортятся, найпаче въ полуденной сторонѣ; настоящей сей годъ покажетъ великую войну и смерть въ родѣ человѣческомъ, государи обременятъ своихъ подданныхъ великими податми и обратятся много разбойниковъ, для которыхъ всѣ дороги будутъ опасныя, посредствомъ нѣкоторой силы многіе невольники отъ тудъ избавлены будутъ, купцы и ученіе люди или мудрые впадутъ своихъ достоинствъ".

Сіи стишки переводенны съ латинского на руской языкъ по повелѣнію его преосвященства митрополитомъ кіевскимъ Самоиломъ.

Съ писанного написанно въ 1787 году.

1788 г. Генваря 1 числа, слободы, находящіеся въ уѣздѣ елисаветградскомъ, князя Григорія Потемкина, зъ коихъ жители всѣ находящіеся въ оныхъ слободахъ написаны въ бугскіе козаки и къ присягѣ приведены вышеписаннаго числа.

Въ генварѣ, елисаветградской протопопъ Димитрій Смолодовичъ объѣздилъ елисаветградскую протопопію и въ ней описывалъ священно и церковнослужителей званіе и состояніе и дѣтей ихъ и прочая, и церкви и церковное украшеніе, утвари и прочая; посему и въ селѣ Федварѣ того жъ генваря 21 д., былъ для описанія.

Маія 9 числа, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій имѣлъ ночлегъ подъ селомъ Федваромъ и въ церкви Федварской того жъ числа предъ литургіею, былъ.

Сентября 14, епископъ переяславскій Викторъ Садковскій зъ Онуфріевского монастиря обратно въ Слуцке выѣхалъ.

Декабря 6 числа, Очаковъ взятъ второю армiею подъ предводительствомъ князя Григорія Потемкина.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографія» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. I. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXIX.

1890 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.